

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

МОРОЗОВА МАРИНА ЮРЬЕВНА

**КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В ПРОЗВИЩНОМ
АНТРОПОНИМИКОНЕ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор А.С. Щербак

Тамбов 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
ГЛАВА I. . ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ И СПЕЦИФИКА ЕЁ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРОЗВИЩАХ	14
1.1. Прозвищные онимы как объект лингвистических исследований.....	15
1.2. Когнитивный аспект изучения прозвищных имен	34
1.3. Из истории изучения прозвищ Тамбовской области.....	40
1.4. Антропоцентризм и оценочная категоризация прозвищ.....	44
1.5. Когнитивные и языковые механизмы конструирования оценки на основе знаний о прозвище	49
1.6. Положительная и отрицательная самооценка в процессе самопознания человека	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	60
ГЛАВА II. ОТРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТАМБОВСКИХ ПРОЗВИЩ	63
2.1. Коннотативное прозвищное именование.....	64
2.2. Концептуальные структуры знания прозвищ.....	67
2.3. Прозвища, отражающие знания о фамилиях	69
2.4. Прозвища, репрезентирующие личные имена.....	82
2.5. Репрезентация знаний о внешнем виде человека тамбовскими прозвищами (визуальный тип)	86
2.5.1. Оппозиция <i>толстый</i> – <i>худой</i> как оценка человека	92
2.5.2. Оппозиция <i>сильный</i> – <i>слабый</i> как оценка человека	95
2.5.3 Отражение в прозвищах характеристики внешности человека по анатомическим параметрам.....	96
2.5.4. Оппозиция <i>красивый</i> – <i>безобразный</i> как оценка человека .	106

2.5.5. Репрезентация знаний о чертах характера человека (ментальный тип).....	107
2.6. Отражение в прозвищах манеры поведения, привычек, любимых слов, разных случаев или событий из жизни человека.....	122
2.7. Отражение в прозвищах этнической и социальной прикрепленности	136
2.8. Репрезентация знаний о прозвищах, переходящих по наследству.....	137
2.9. Отражение рода деятельности человека в прозвищах	142
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.	145
Заключение	148
Список использованной литературы	153
Словари и справочники	171
Электронные издания	174
Приложение	176

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению категории оценки в русском языке, обеспечивающей процесс прозвищной номинации и связанной с формированием антропоцентричной картины мира, имеющей первоочередное значение в аспекте зарождения оценочных значений современных прозвищ и средств их репрезентации.

Прозвищные имена связаны с образными и эмоциональными оценками, маркирующими человека в социуме, что проявляется в возможности прозвищ выступать в качестве познания и оценки субъектов (положительная, отрицательная и нейтральная) и формировать соответствующие значения.

В свете актуальных лингвистических задач, связанных с углубленным изучением результатов познания мира человеком, изучение оценочного компонента в семантике прозвища обеспечивает реализацию интерпретирующей функции языкового сознания. Будучи уникальной группой неофициальной антропонимической лексики, прозвища характеризуют личность в бытовой коммуникации, сохраняя своеобразие языковых и культурных традиций.

Работа выполнена в рамках нового направления в изучении имен собственных – когнитивной ономастики, имеющей междисциплинарную направленность. С позиции когнитивной лингвистики, прозвище – это ментальная и языковая структура, отражающая комплекс знаний (языковые и энциклопедические знания) и служащая для организации ономастического знания в человеческом сознании. Ментальная сущность прозвища не получила однозначной интерпретации в современных лингвистических исследованиях.

Объектом исследования являются языковые средства выражения оценки современных прозвищ в тамбовских говорах и молодежных

прозвищ г. Тамбова, формирующие определенные оценочные категории в современном русском языке.

Предмет исследования – оценочные смыслы, формирующие содержательный аспект значений прозвищ и когнитивные основания их создания.

Актуальность данного исследования определяется связью его проблематики с антропоцентрическим направлением в современной лингвистике; опирается на идеи когнитивной парадигмы знания, на изучение интерпретирующего потенциала прозвищной лексики, что позволяет рассмотреть специфику оценочной категоризации, специфику оценивающей деятельности человеческого сознания в аспекте взаимодействия ментальных и языковых структур. С этой точки зрения актуальной становится задача выявления структур знания оценочного характера, лежащих в основе семантики прозвищных единиц. Особо актуальной для современной лингвистики (в частности, для аксиологического направления) является проблема лингвистического статуса и позиции в структуре значения прозвища оценочного значения. В прозвищах представлены ценности носителя языка, отражены его ценностные ориентации, имеющие индивидуально-коллективный характер.

Важность исследования прозвищ с позиции оценочного формата знания обусловлена недостаточностью изучения когнитивных характеристик прозвищных единиц в рамках развивающейся концепции ономастической концептуализации и категоризации (А.С. Щербак). Обозначившийся когнитивный подход к изучению ономастики позволяет сосредоточить внимание на углубленном изучении мыслительного (концептуального) отражения системы оценок в прозвищах, с помощью которого человек реализует речемыслительную деятельность. Прозвища как единицы неофициальной структуры именованного человека в большей степени, чем другие антропонимические единицы, способны быть

средством репрезентации оценки благодаря своему ярко выраженному оценочному потенциалу, основанному на ассоциативных связях (А.В. Гузнова). Между тем, в отечественной лексикологии недостаточно представлено системное описание оценочно маркированных прозвищ, оценочные пометы в антропонимических словарях непоследовательны отсутствуют методики выявления оценочных коннотаций в прозвищах, недостаточно разработаны лингвоперсонологический аспект изучения прозвищ (К.И. Кропачева).

Изучение специфики оценочной семантики в структуре прозвища как единицы ономастической системы языка необходимо для решения проблемы мотивации номинирования прозвищами человека и роль прозвищ в процессе коммуникации.

Целью исследования является изучение тамбовских прозвищ как средства репрезентации оценки.

Для достижения поставленной цели решались частные исследовательские задачи:

1) выявить языковую специфику нейтральных и эмоционально-оценочных прозвищных единиц, характер их функционирования в дискурсе информанта (ассортимент, словообразование, определение мотивационных признаков);

2) определить место оценочного компонента в семантической структуре прозвища;

3) изучить содержательный аспект значений прозвищ и когнитивные основания их формирования;

4) определить когнитивные механизмы и принципы, лежащие в основе конструирования прозвищного оценочного смысла как результата прозвищной оценочной категоризации;

5) установить области знаний, выступающие объектом оценочной деятельности человека в преломлении к прозвищам;

б) дополнить существующее в научной литературе представление об оценочных средствах русского языка и их функционировании в процессе номинации прозвищ как неофициальной антропонимической единицы в ономастической системе русского языка.

Гипотеза исследования состоит в том, что оценочная категоризация прозвищных онимов осуществляется на трех уровнях – базовом, суперординатном и субординатном – и основывается на выделении и оценке соответствующих характеристик человека, что раскрывает уровень и объём знаний о мире сельских и городских жителей в бытовой коммуникации.

Теоретико-методологическая база диссертационного исследования формировалась на основе положений и научных понятий, разрабатываемых в рамках *когнитивной лингвистики* (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Дж. Лакофф, Р.И. Павиленис, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.С. Щербак и др.); классических и современных теорий отечественного и зарубежного языкознания, посвященных *традиционной ономастике* (Р.А. Агеева, В.Д. Бондалетов, Н.Д., Бурвикова, Н.В. Васильева, М. Вуйтович, М.В. Горбаневский, Г.Ф. Ковалёв, В.Г. Костомаров, С. Крипке, Э.М. Мурзаев, В.А. Никонов, Е.С. Отин, Е.М. Пospelов, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, Н.И. Толстой, В.К. Чичагов, А.С. Щербак, Л.М. Щетинина и др.); *диалектной коммуникации* (Т.В. Бахвалова, М.Ю. Беляева, И.А. Королева, Л.Н. Верховых, Т.Т. Денисова, З.П. Никулина, С.В. Пискунова, В.Г. Руделёв, Е.И. Съянова и др.); основных положений, представленных в работах отечественных и зарубежных лингвистов *структурной лингвистики* (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия, З.К. Темиргазина, А.Л. Шарандин и др.).

Научная значимость исследования состоит в том, что до настоящего времени не предпринималось попыток изучения тамбовских прозвищ в рамках когнитивного аспекта. Новым является обоснование, что в рамках когнитивной лингвистики мотивированность прозвищ

рассматривается как познавательный процесс, в результате которого с помощью ментальных операций на основе уже имеющихся знаний происходит категоризация нового знания, в результате чего появляются новые прозвища в языке и речи.

Новизна исследования определяется и тем, что оценочность прозвищ связана с когнитивными процессами языкового сознания и являет собой один из механизмов формирования оценочного смысла прозвищного онима как средства репрезентации оценки, как результата интерпретирующей деятельности человеческого сознания. Обоснована иерархическая организация прозвищных единиц, фокусирующихся на субординатном уровне, сосредотачивая специфику прозвищных онимов на фоне официальной антропонимической традиции (так называемой антропонимической формулы ФИО).

Впервые предпринимается попытка рассмотреть тамбовские прозвища как относительно замкнутую самостоятельную лексическую подсистему языка в ценностной картине мира. В научный обиход вводится тамбовский антропонимический материал, не являвшийся прежде объектом специального лингвистического рассмотрения.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в ней нашла дальнейшее развитие теория ономастической категоризации, которая вносит определенный вклад в разработку теории ономастической репрезентации, расширяя научные представления о месте оценочного компонента в семантической структуре прозвища.

Описание прозвищного антропонимикона Тамбовской области с позиции репрезентации оценочного знания расширяет границы изучения прозвища не только как особой ономастической единицы, но и как продукта креативного языкотворчества в процессе самопознания и своего окружения.

Предпринятое исследование тамбовских прозвищ открывает перспективы для их сравнения с аналогичным материалом из других регионов России. Одновременно с этим в исследовании отрабатываются теоретические и методологические проблемы изучения региональных прозвищ как в диахронии, так и синхронии, что вносит определенный вклад в дальнейшее развитие русской диалектологии и региональной ономастики. Теоретическая значимость диссертации состоит и в том, что ее результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке лексикографической теории.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Прозвище – это неофициальное нейтральное, экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, которое употребляется в дополнение к антропониму или вместо него, являясь одним из средств вербального отражения субъективного взгляда на мир.

2. Оценочный потенциал прозвищ проявляется в специфике их организации на субординатном уровне, на котором сосредотачиваются прозвища, отражающие уникальность региона.

3. К числу языковых механизмов оценочной категоризации прозвищ в современном русском языке относятся: номинация оцениваемого человека и взаимодействие семантического, структурно-грамматического и коннотативного компонентов значения определяемого прозвища.

4. Прозвищная оценочность является компонентом коннотации, представленной оценочным значением и обслуживающей лексическое значение прозвища с целью передачи отношения к субъекту номинации, когнитивно выделяя те его свойства, которые соотносятся со структурами ценностных знаний о мире.

5. Семантические группы прозвищ определяются оценкой людей с учетом трех параметров: 1) характеризующий внешний вид человека; 2) указывающий на свойства, внутренние качества называемого; 3)

нейтральные прозвища, которые воспринимаются практически как должное.

6. В ассортименте современных тамбовских прозвищ преобладают имена с негативной оценочностью, которая достигается способами словообразования (выбор производящей основы антропонима, наличие суффиксов, вносящих в значение слова дополнительные оттенки).

7. Прозвищные онимы могут формировать и объективировать общеоценочные смыслы и различные типы субъективной оценки, передавая отношение говорящего к именуемому, которые напрямую зависят от речевого сознания человека, его речевой культуры и современной речевой ситуации.

В соответствии с задачами исследования в работе используются следующие **методы и приёмы** анализа: *собственно лингвистические* (метод лингвистического наблюдения, структурно-словообразовательный анализ, этимологический анализ); *общегуманитарные методы* (описательный метод для анализа и классификации прозвищ, включающий следующие этапы: сбор фактического материала, наблюдение, классификация, обобщение; интерпретационный анализ); *когнитивные методы* (метод реконструкции структур знаний, стоящих за прозвищами; когнитивный анализ внутренней формы прозвищной лексемы; моделирование смыслового содержания прозвища как особого формата знаний).

Основным **материалом исследования** послужили результаты диалектологических и ономастических экспедиций за последние 15 лет, проводимых кафедрой русского языка Института филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина под руководством С.В. Пискуновой, участие в которых в последние три года принимал и автор данного исследования; картотека прозвищ населённых пунктов Тамбовской области при научно-образовательном центре «Русист» (руководитель А.С. Щербак), картотека

лаборатории «Русские говоры» (руководитель С.В. Пискунова). Использовался живой фактический материал, собранный автором данной работы путем анкетирования и прямого интервьюирования респондентов в учреждениях среднего профессионального и высшего образования (в опросе принимали участие учащиеся МОУ школы № 3, № 12, № 7, студенты Института филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, Института архитектуры, строительства и транспорта Тамбовского государственного технического университета г. Тамбова). Картотека прозвищ составила более 1000 единиц (см.: Приложение).

Практическая значимость исследования состоит в том, что в работе имеется богатый иллюстративный материал, представляющий интерес для лингвистов, занимающихся проблемами изучения антропонимов. Полученные результаты исследования могут быть использованы в научной практике по теории региональной ономастики, в подготовке дополнений к антропонимическим словарям, при проведении занятий по современному русскому языку в разделах «Лексикология», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «Русская диалектология», «Лингвокраеведение», «Когнитивная лингвистика», «Страноведение», «Лингвокультурология», а также при проведении спецкурсов и спецсеминаров по региональной лексикологии и ономастической лингвогеографии. Результаты данной работы найдут применение в работе лексикографов при составлении различного рода региональных словарей, справочников, хрестоматий, атласов. Особую практическую ценность может иметь составленный по результатам диссертации «Словарь прозвищ жителей Тамбовского края».

Апробация работы Основные положения работы и полученные результаты исследования нашли отражение в выступлениях на следующих конференциях: XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (Арзамас, 2016); Международная научная конференция

«Казахстановедение – 9» (Казахстан, г. Астана, 2014); Международная научная конференция «Экология языка и речи» (г. Тамбов, 2014, 2015); Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность» (г. Тамбов, 2014); Мегународна научна конференција (Р Македонија, г. Свети Николе, 2014); Всероссийское совещание «Лексический атлас русских народных говоров» (г. Санкт-Петербург, 2015); Общероссийская научная конференция «XIX Державинские чтения» (г. Тамбов 2014), Региональная научно-практическая конференция «Русские говоры» (г. Мичуринск, 2013, 2014). Результаты исследования изложены в 11 публикациях, в том числе 3 статьи опубликованы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей и электронных информационных носителей.

Во **Введении** раскрывается актуальность выбора темы исследования; мотивируется научная новизна диссертации; формулируются цель и задачи работы; определяются ее теоретическая и практическая значимость, объект, предмет и методы исследования; указывается методологическая база исследования, освещаются способы апробации результатов работы, формулируются гипотеза и выносимые на защиту положения.

В главе I. «**Проблема языковой категории оценки и специфика ее проявления в прозвищах**» приводится обзор научной литературы, посвященной общей теории категории оценки; формируется теоретическая база, в рамках которой анализируется прозвищный материал, выделяется круг нерешенных проблем, определяются основные направления исследования, рассматриваются когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов прозвищ.

В главе II. «**Отражение оценочного потенциала в семантической структуре тамбовских прозвищ**» содержит анализ примеров тамбовских прозвищ, репрезентирующих ономастические знания, которые являются

результатом оценочной категоризации, обеспечивая определенную специфику в своей организации и содержании, и теми структурами знания, которые обеспечивают передачу и понимание соответствующих оценочных смыслов прозвищ.

В **Заключении** подводится итог проведенного исследования и в обобщенном виде излагаются результаты исследования, намечаются дальнейшие возможности и пути изучения русских прозвищ.

ГЛАВА I.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ И СПЕЦИФИКА ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРОЗВИЩАХ

Изучение современных прозвищ расширяет и уточняет представления об организации и функционировании ономастических единиц, оценочной категоризации антропонимов с точки зрения их языкового выражения, что позволяет выявить национальную специфику организации языковых средств, с помощью которых в речи дается положительная или отрицательная оценка человеку, и особенность самооценки.

В настоящее время в лингвистике чрезвычайно возрос интерес к такой специфической функции языка, как отражение образа человека в русской ценностной картине мира. Работы Л.Н. Анипкиной [Анипкина 2000], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1988], Ш. Балли [Балли 1971], Е.М. Вольф [Вольф 2006], Т.В. Маркеловой [Маркелова 1994], А.С. Стаценко, [Стаценко 2011], В.Н. Телия [Телия 1981], З.К. Темигазиной [Темигазина 2010] и др.; труды, посвященные философии языка, рассматривающие специфику отражения языком особенностей национального менталитета (В. фон Гумбольдт [Гумбольдт 1985], Ю.Н. Караулов, [Караулов 1989], В.В. Колесов [Колесов 2004], Д.С. Лихачев [Лихачев 1993], А.В. Юревич [Юревич 2015] и др.), труды по лингвокультурологии, концептологии, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, лингвистической аксиологии (Н.Н. Болдырев [Болдырев 2014], В.И. Карасик [Карасик 2012], Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004], Дж. Лакофф, М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004], Г.Г. Слышкин [Слышкин 2004], А.Д. Шмелев А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев и др.); труды, посвященные описанию различных участков лексической системы русского языка, в том числе некоторых групп слов с оценочным компонентом – это прежде всего классические и современные труды отечественного и зарубежного языкознания, посвященные оценке

как языковой категории, способам выражения оценочной семантики коннотации как компоненту значения слова (Н.Д., Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия, Ю.Н. Денисов, А.Л., Шарандин и др.).

Специфика оценочной ономастической категоризации предполагает ориентированность исследования на изучение специфики индивидуальной концептуальной системы человека, что подчеркивается во многих работах ученых (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Р.И. Павленис и др.).

1.1. Прозвищные онимы как объект лингвистических исследований

В Словарь В.И. Даля включены такие слова, как «прозванье», «проименованье», синонимичные понятию «прозвище»: *«Прозванье, проименованье, фамилия человека, придаточное имя, какое носить вся семья; прозванье значит добавочную къ семейному, родовому прозванью кличку, стар. рекло; твр. прозвище, прозывище. Богатого по отчеству (чествуютъ), убогаго по прозвищу (по прозванью)»* [Даль, Т. III: 485].

Заметим, что в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (М., 1990) термин «прозвище» не значится, хотя признается общепринятым. Определение термина «прозвища» как дополнительного имени, отмеченное словарем Н.В. Подольской, в некоторой степени неполно отражает системный характер ономастической терминологии в ее антропонимическом сегменте: «Прозвище – вид антропонима. Дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и др. мотивам» [Подольская 1988: 111].

Авторы «Словаря прозвищ жителей г. Славянска-на-Кубани и Славянского района Краснодарского края» [2008: 17] определяют прозвище «как неофициальное экспрессивно-образное или эмоционально-

оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него.

Прозвища входят в состав неофициальных именовании лиц и образуют второстепенную антропонимическую категорию, которая характеризуется тем, что прозвища функционируют в качестве необязательных второстепенных и заместительных именовании [Щербак, Бурыкин 2009: 213-217]. И как определенное имя прозвище присваивается человеку с учетом оценки его индивидуально-личностных свойств неким коллективом и функционирует в узкоспециальной или профессиональной среде, оно непосредственно связано с жизнедеятельностью человека.

Прозвища – это не что иное, как продукт традиционного способа именовании человека в условиях функционирования официальной троичной формы именовании и нового языкового сознания, в то же время они являются трансляторами национального мировидения и ценностных ориентаций. Прозвище как форма именовании обладает такими характеристиками, которые позволяют при помощи лишь самого средства именовании передать информацию о его носителе, так что услышавший прозвище смог бы узнать его носителя по тем характерным признакам, которые отражаются в прозвище. Во-первых, это значительно облегчает общение. Во-вторых, позволяет выполнить основное предназначение именовании – выделить субъект, показать в имени свое отношение к тому, что оно называет, выразить это отношение, дать оценку субъекту.

При рассмотрении динамики развития прозвищного именовании в русском языке М.Ю. Стрельцова подчеркивает, что прозвища «обладают следующими категориальными признаками: *неофициальность, вторичность, факультативность, экспрессивность, непринуждённость, мотивированность*» [Стрельцова 2010: 9]. Между тем, в перечень перечисленных признаков следует внести *антропоценетричность* и *корпоративность* (употребление у определенном кругу лиц).

В лингвистическом антропоцентризме особое место занимает аксиология, изучающая отражение системы оценок в языке, и оценочный компонент прозвища играет исключительную роль в восприятии номинации личности, поскольку одной из важнейших функций прозвищ является характеризующая функция [Данилина 1979: 294].

Прозвища как особый вид антропонима относятся к древнейшей именной системе (В.К. Чичагов, А.М. Селищев, Н.М. Тупиков, В.А. Никонов, Ю.И. Чайкина, Е.Ф. Данилина, Г.В. Звездова, И.А. Королева, И.М. Ганжина, Е.С. Шостка и др.). С Петровской эпохи, когда произошла первая кодификация официальной формулы именованного, прозвище стало вытесняться. В настоящее время прозвище находится на периферии именного обозначения и является добавочным знаком именованного человека только в речевой практике определенного корпоративного круга. В этой ономастической единице изначально заложена актуально значимая характеристика, эмоциональность, экспрессия, что способствует распространению прозвищных имен у лиц разного социального, профессионального или возрастного статуса. С.В. Пискунова подчеркивает: «... прозвища зачастую прямо и непосредственно характеризуют человека. Они отягощены различными коннотациями, поэтому особенно интересны...» [Пискунова 2010: 159].

Самое раннее употребление понятия «прозвище» в южновеликорусских материалах, как свидетельствуют исторические документы, зафиксировано в челобитной и написанной в ответ на неё грамотой в комплексе елецких документов 1592-1594 гг., где упоминается холоп тульского сына боярского «Степанко Остафьев сын, а прозвища Ошурак». Заметим, что отмеченное в челобитной прозвище отражает фонетический процесс аканье (следовало бы писать Ошурок), в частности, подчёркивая особенности местной речи. Прозвище восходит к имени нарицательному *ошурок* в значении «остаток» [Казаков 1997: 48].

В документах Черноземья (Воронежская отказная книга, 1620 г.)

отмечено прозвище Богдашка (самое популярное некалендарное имя того времени). Именно в этот период на основе прозвищ появляются явные протофамилии. Ср.: «Кузка Иванов, а прозвища Липин», «крестьянин Никонка Сергеев «прозвища Готманов».

Истоки зарождения изучения русских прозвищ заложил В.К. Чичагов [Чичагов 1959], по мнению которого, «прозвищами называются слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны определенному, часто довольно замкнутому кругу общества» в неформальной, бытовой коммуникации [Чичагов 1959: 5].

Идеи В.К. Чичагова во многом определили дальнейшее направление в исследовании прозвищ как особого вида антропонима (В.Д. Бондалетов [Бондалетов 1977; 2012], Е. Курилович [Курилович 1962], А.М. Селищев [Селищев 1968], А.В. Суперанская [Суперанская 1970; 2009], Л.М. Щетинин [Щетинин 1980], Г.В. Звездова [Звездова 2004], А.С. Щербак, А.А. Бурькин [Щербак, Бурькин 2009], М.Ю. Стрельцова [Стрельцова 2008], Л.И. Дмитриева, С.Д. Олейникова [Дмитриева, Олейникова 2010], Е.С. Шостка [Шостка 2009] и др.).

Прозвища в диалектной и региональной ономастике рассматриваются в различных аспектах. Некоторые авторы изучают прозвища их региональной специфике (Т.В. Бахвалова [Бахвалова 2001: 244-251], М.Ю. Беляева [Беляева 2009: 9-12], И.М. Ганжина [Ганжина 2002: 99-108], Л.Н. Верховых [Верховых 2010: 77-79], Т.В. Блевцак [Блевцак 2001: 251-253]), другие ученые – в отношении к диалектной лексике (И.А. Королева [Королева 2001: 88-93], Т.А. Пецкая [Пецкая 2001: 172- 174], Т.А. Потапова, А.С. Щербак [Потапова, Щербак 2008: 393-396]; рассматриваются прозвища в социокультурном аспекте (Е.С. Шостка [Шостка 2009]).

Прозвища исследуются лингвистами в функциональном, структурном, словообразовательном, лексико-семантическом, грамматическом,

орфографическом, сопоставительном аспектах [Селищев 1968: 97-128; Данилина 1979: 281-297; Звездова 2004: 13-20; Королева 2006: 325-327; Ключева 1979: 68-93; Стрельцова 2010; Шостка 2009], социолингвистическом [Бондалетов 2012, 1977: 68-93; Денисова 2007; Дмитриева 2010: 4-7; Дмитриева Олейникова 2010а: 57-67; Глушкова 2012: 125-128], лингвокультурологическом [Бурвикова, Костомаров 2006: 45-53; Вежбицкая 1996: 89-200; Ганжина 2002: 99-108; Ермолович 2001 и др.).

Активно изучаются общие вопросы бытования прозвищ, исследуются процессы прозвищной номинации, описываются словообразовательные типы и словообразовательные средства оформления прозвищ, динамика развития прозвищного именования в русском языке, система прозвищ диалектной языковой личности, выявляются социальные особенности функционирования прозвищ в современном языке молодежи (А.В. Суперанская [Суперанская 2004: 43-50], И.А. Королева [Королева 2001: 88-93], Л.И. Дмитриева [Дмитриева 2010: 4-7], А.В. Гузнова [Гузнова 2015], Н.А. Родина [Родина 2014], М.Ю. Стрельцова [Стрельцова 2010], И.В. Данилова [Данилова 2004], Т.Т. Денисова [Денисова 2007], Е.В. Егорова [Егорова 2001: 303-307], Г.В. Звездова [Звездова 2004: 13-20], Г.А. Архипов [Архипов 1973: 159-166], И.В. Данилова [Данилова 2004], Е.В. Жалнина [Жалнина 2013] и др.).

Рассматривая систему прозвищ в диалектной среде, Е.А. Берестова изучает оценочные прозвища в лингвоперсональном аспекте. На материале прозвищ в идиолекте В.П. Вершининой, жительницы с. Вершинино Томской области, было установлено, что безоценочные неофициальные онимы употребляются в речи диалектоносительницы частотнее, чем оценочные [Берестова 2015: 141-155]. По мнению ученого, данный факт свидетельствует о высоком уровне народно-речевого этикета.

Интересны наблюдения над проникновением русских прозвищ в иноязычную сельскую среду и их использование, например, среди татар,

чувашей и др. (Г.Ю. Жачева [Жачева 1999: 248-249]). В последнее время появляются исследования, в которых изучаются прозвища на материале английского (А.В. Цепкова [Цепкова 2011], В.В. Робустрова [Робустрова 2009], К.И. Кропачева [Кропачева 2016: 22-36]), немецкого (Т.В. Шпар [Шпар 2012]), французского языка Африки (А.Н. Лангнер [Лангнер 2010]) и др.

Однако в настоящее время наибольший интерес вызывает исследование процесса оценочной категоризации как способа формирования в языке оценочных смыслов и средств их репрезентации. Работы в этом направлении представляют фрагментарные статьи в научных изданиях. Так, К.И. Кропачева в статье «Место оценочного компонента в семантической структуре антропонима (на примере антропонимического пространства английского языка)», разделяя мнение А.В. Суперанской, доказывает, что «у имени собственного могут быть побочные, дополнительные коннотации, если именуемый объект довольно хорошо известен; если какая-нибудь из побочных коннотаций перерастает в главную, то у имени собственного появляется значение» [Кропачева 2016: 23].

Прозвищная номинация тесно связана с коннотацией (от лат. *connotare* – «сообозначать»), которая в функциональном отношении, представленная оценочным значением, «обслуживает» прозвище с целью передачи информации через «чувство – отношение» [Шарандин 2016: 726] имядателя к обозначающему субъекту.

А.Л. Шарандин подчеркивает: «...представляется обоснованным выделение в структуре коннотации таких компонентов, как эмоциональность, оценочность и образная мотивационность» [Денисов, Шарандин, 2011: 162]. По мнению ученого, в структуре коннотативного значения оценочное значение может оформляться в языке двумя способами: «1) информация об оценке включается в лексическое значение»; 2) «информация оценочного характера оказывается

дополнительной по отношению к лексическому значению, как бы «скрашивая» его оценочным компонентом, делая оценочно значимым. Ср.: старик – старикашка (*пренеб.*)» [Шарандин 2016: 725].

В первом случае происходит номинация оценки, когда осуществляется обобщение оценочного признака. Ср.: прозвища *Рыжий, Черный, Толстый, Большой*. Во втором случае речь идет об оценочно окрашенной лексике, в основе выделения которой лежит принцип мотивации, представленный, в частности, морфемно выраженным способом, например: *Котяра, Рыжуха, Малек, Малышка, Малюта, Малютка*.

Рассматривая прозвищные имена как особый вид антропонима, в настоящее время ученые определяют его как факультативное именование, содержащее индивидуальную эмоционально-экспрессивную характеристику и предлагают ввести термин «прозвищное именование», т.е. любое дополнительное неофициальное именование лица, функционирующее в непринужденной обстановке и обладающее экспрессивностью и мотивированностью [Стрельцова 2010: 9].

Поскольку в лингвистической традиции «значение эмоциональности квалифицируется как коннотативное значение» [Шарандин 2016: 724], то, оценочное значение прозвищной единицы является самостоятельным видом коннотации, которая отражает субъективную интерпретацию оценочного содержания прозвищной единицы, конкретно-чувственные представления прозывающего о прозываемом, например: *Лиса, Штирлиц* (хитрый), *Медведь* (неповоротливый) и т.п.

Таким образом, в нашем понимании, прозвище можно охарактеризовать как *неофициальное нейтральное, экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, которое употребляется в дополнение к антропониму или вместо него*.

Под оценочной семантикой слова в лингвистической литературе понимается возможность слова передавать оценочные смыслы, поскольку

оценочная семантика как компонент исходной или приобретенной информации в слове являет собой реальное или потенциальное отражение картины мира [Рвачева 2010].

Оценку мы понимаем как ДЕЙСТВИЕ присвоения положительных или отрицательных характеристик тому или иному субъекту. Это действие мы идентифицируем как ментальное и вербальное образование, которое в акте оценки репрезентирует оценочное значение.

Оценочное значение прозвища, в нашем понимании, есть ОТНОШЕНИЕ между объективно существующей действительностью и ее стереотипной моделью (нормой). Закрепленное в сознании членов определенного сообщества (диалектоносители, учащиеся и студенты) оценочное значение формирует оценочность прозвища. Следовательно, *оценочность* прозвища есть его потенциал, его способность эксплицировать отрицательные или положительные характеристики субъекта с помощью оценочного компонента. Наличие нейтральных прозвищ свидетельствует о нестабильности оценки как её имманентного признака.

Традиционно принято считать, что оппозиция имен собственных и имен нарицательных лежит в семантической плоскости. Это отличие двух классов лексических единиц языка получало разную характеристику в трудах ученых. Отмечалось, что онимы не способны выражать обобщенное понятие, что онимы имеют гипертрофированную номинативность, а их семантическая структура, напротив, предстает в редуцированном виде [Реформатский 1996: 80]. Этот тезис А.А. Реформатского получил широкое распространение в литературе по ономастической теории: эти же идеи разделяла Н.Д. Арутюнова, отмечая ономастическую ущербность онимов. «Собственные имена... семантически ущербны» [Арутюнова 1999: 2]. А.А. Уфимцева подчеркивала: «По характеру знакового значения, по сфере функционирования и функции индивидуализации имена собственные

можно назвать «лексически неполноценными, ущербными» [Уфимцева 2011: 157].

Для нас особенно ценным является введенное В.И. Болотовым понятие «энциклопедическое значение», которое способствует рассмотрению проблемы значения имени собственного. Ученый считает, что имена собственные имеют не лексическое, а энциклопедическое значение, которое следует искать в социальном плане [Болотов 2003: 7]. Энциклопедическое значение прозвища состоит из общего компонента и индивидуального. Общий компонент соотносит прозвище с понятием ЧЕЛОВЕК (мужчина, женщина, мальчик, девочка, ученик, учитель, рыбак, пекарь и т.п.). Речь идет о соотношении понятия ЧЕЛОВЕК с понятием родового или видового нарицательного слова, обозначающего лицо, а также с определенным социальным полем. Социальное поле антропонима, по мнению А.В. Суперанской, можно охарактеризовать как тот круг общества, в котором известен его денотат. «Разумеется, в разных частях общества один и тот же человек известен по-разному. Дома это отец, сын, брат, на работе – грузчик, учитель, начальник, в административной сфере – чиновник. Поэтому известность и общественная оценка каждого *Ивана Ивановича* в разных социальных группах будет различной» [Суперанская 2009а: 26]. Иными словами, энциклопедическое значение прозвища включает в себя «оценочный фактор деятельности денотата антропонима» [Болотов 2003: 11].

В энциклопедическое значение прозвища входит ономастическая информация. Н.В. Васильева отмечает: «Под ономастической информацией мы понимаем имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о собственном имени, куда входят информация о собственном имени как языковой единице, информация о носителе собственного имени, а также ассоциации/ коннотации, которыми обладает данное собственное имя для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» [Васильева 2009: 29-30].

Существенно, что чисто регистрационный подход к именам собственным не позволяет вскрыть специфику значения высокочастотных онимов с оценочной семантикой. Классические примеры прозвищ хотя и демонстрируют свойства онимов в наиболее наглядном виде, не отражают полностью всех особенностей прозвищных имен как класса лексических единиц, который характеризуется значительной внутренней неоднородностью. Например: прозвище *Пушкин* – человек, пишущий стихи, и человек, прическа/волосы которого напоминают великого русского поэта.

Широко распространенные и высокочастотные прозвища, не имеющие к тому же эксклюзивной культурной маркированности, по существу смыкаются по семантике и по особенностям употребления с именами нарицательными. Однако прозвища, по сравнению со словами общей лексики, имеют иную семантическую валентность, лексическую сочетаемость и могут отличаться грамматически, они искусственны и вторичны.

Исключительно важными свойствами и самыми значимыми компонентами семантики прозвищ являются этимологические. Эти компоненты значения прозвищ имеют неоднородные формы проявления, которые связаны как с языком, так и с внеязыковой действительностью, а также с такими мало описанными в лингвистике неактуализируемыми формами языковой деятельности, какой является номинативная практика.

Наиболее очевидной формой выражения этимологической семантики прозвищ является их внутренняя форма. Понятие «внутренняя форма» слова, введенное А.А. Потебней, определяется им не как «образ предмета, а как образ образа, т.е. *представление*» [Потебня 1993: 99]. Ученый вкладывал в учение о внутренней форме слова образ, лежащий в основе слова, «этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя» [там же: 7]. Во внутренней форме слова, отмечает Н.В. Фурашова, «содержится ряд идей о принципах познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире, отраженных в слове, о

познавательной функции языка [Фурашова 2010: 116]. Иными словами, внутренняя форма прозвища – это представление прозывающего о прозываемом, которое осознается участниками коммуникации, поскольку «прочитывается» признак, положенный в основу прозвищной номинации.

При выявлении соотношения имен собственных и нарицательных ученые подчеркивают различие между собственными именами и именами нарицательными, имеющее, что весьма важно, интеллектуальный характер, а не грамматический [Курилович 1962: 264]. Подобное суждение позволяет говорить о креативной деятельности человека, чему способствует прецедентное наличие ономастического знания в сознании человека, которое имеет определяющее значение для конструирования в семантике прозвища бóльшого количества дифференциальных признаков, чем в семантике апеллятивов [Алефиренко 1999: 149-150].

При рассмотрении общих принципов номинации имён собственных и имён нарицательных Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун отмечают их различие в структурно-языковой организации, функциональной специализации и закреплённости за определенным объектом [Мадиева, Супрун 2005: 23], и номинативная функция прозвищ существенно отличается от номинативной функции нарицательной лексемы. В связи с этим рассмотрим выделенные нами основные отличительные признаки прозвищ от имен нарицательных (см.: Таблица 1).

Таблица 1.

Отличительные признаки прозвищ от имен нарицательных

<i>прозвище</i>	<i>апеллятив</i>
даётся конкретному лицу	даётся классу однородных объектов
называет конкретное лицо	называет неопределённый объект, соотнося его с известным классом однородных вещей и понятий
слабо связано с отображением	тесно связано с отображением

в мышлении единства существенных свойств; связь с понятием опосредована через субъект	в мышлении единства существенных свойств; связь с понятием непосредственна; обозначает предмет через понятие
связано с конкретным лицом	не связано с конкретным предметом
генетически вторично	фонетически первично
функционально вторично	функционально первично
оценочная коннотация субъективна (индивидуальна)	оценочная коннотация обязательна или факультативна
не регулируется нормами литературного языка	строго подчиняется кодифицированным нормам языка (кроме исключения из правил)
как правило, не переводятся на другой язык	могут переводиться на другой язык средствами принимающего языка

При рассмотрении основных отличительных признаков прозвищ от имен нарицательных можно сделать существенный вывод – имена собственные отличаются от имён нарицательных не столько качественной спецификой своей семантики, сколько своим местом в системе имен, которое определяется сходствами и различиями их семантических свойств по сравнению с другими именными частями речи.

Так, А.Л. Шарандин подчеркивает, что имена собственные не являются особым лексико-грамматическим разрядом существительных, «это, скорее всего, самостоятельный класс слов, особая часть речи, имеющая свое категориальное значение». «Имена собственные в узком смысле слова не называют предметов, а определяют предмет, который назван существительным. Но это определение, которое в грамматике квалифицируется как приложение, стремится к уникальности, к тому,

чтобы по этому определению в сознании носителей языка возникал и сам предмет (субъект, субстанция)» [Шарандин 2001: 121-122]. Имена собственные, подчеркивает А.В. Гузнова, являют собой особый субстантивный разряд, обладающий рядом характерных признаков [Гузнова 2015].

Семантический анализ имен нарицательных, послуживших источником прозвищ, позволяет считать, что большинство прозвищ появилось у именуемых лиц в период их взрослой жизни. Апеллятивы, которые легли в основу прозвищ, обладают достаточно прозрачной семантикой, указывающей на характеризующую функцию прозвищных имен. Между тем, лексическое значение нарицательного имени довольно часто не соответствует значению прозвища, которое не всегда позволяет точно определить, какие именно признаки характеризуют именуемого лица (черты внешнего облика человека, манеры поведения или особенности речи, какие-либо физические или психические качества, свойства, случай из его жизни и т.п.), т.е. какие конкретные ассоциации послужили мотивами возникновения того или иного индивидуального прозвища.

Важнейшей функцией прозвищ, которую они выполняют в антропонимической системе, является их заместительная функция, заключающаяся в том, что прозвище может перенимать функции имени, фамилии, а также составного именованья.

Таким образом, при обсуждении семантики прозвищных онимов нет особого смысла делать акцент на номинативной функции онимов, поскольку эта функция присуща всем знаменательным словам – как именам собственным, так и именам нарицательным. Прозвища отражают оценку человеком окружающей действительности. Они определяют, какие ценности важны для человека, участвующего в ономастической номинации.

По существу прозвища как класс антропонимов являют собой открытый список, увеличивая возможности номинации, раздвигая

национальную языковую картину мира и расширяя процесс обогащения русского словаря. Прозвища базируются на открытых для пополнения лексических ресурсах языка, которые имеют славянскую, русскую основу, включают и заимствования. В этом заключается главное отличие инвентаря прозвищ от собственно антропонимикона.

Из этого следует, имя собственное характеризуется в бóльшей степени словообразовательной однородностью, чем нарицательные наименования объектов, и развитие онимической системы идет по возрастающей: увеличение классов и подклассов разрядов онимов.

В работах ученых выявляется мотивационно словообразовательная база для прозвищ, устанавливается отличие функций древнерусских прозвищ от современных. В Древней Руси функция имени-прозвища заключалась в уточнении, конкретизации личного наименования человека [Шостка 2009]. Функция современных прозвищ оценочная, в прозвищных именах усиливается эмоциональный, экспрессивный или социальный элемент [Берестова 2001: 307]. При изучении проблемы сопоставления древнерусских и современных прозвищ было выявлено преобладание прозвищ с негативной оценкой лица в силу разного рода ассоциаций [Шостка 2009: 14].

Так, материал смоленских прозвищ показывает лишь 8% прозвищ с негативной оценкой [Денисова 2007: 14]. Здесь присутствует главное – стремление выделить именуемого, своеобразное пожелание обратить внимание самого человека на те отрицательные черты, которые «не нравятся» его окружению. Это своеобразная воспитательная роль прозвища. Кроме того, существует и «профилактическое» его значение: дать понять, например, подрастающему поколению, как следует себя вести, чего избегать и т.п. Возможно, это явление следует отнести к древним суеверным обычаям. Однако не следует считать, что оценочные прозвища с негативной окраской – это уничижение человека, своеобразная

насмешка со стороны окружающих по отношению к тому лицу, которое получило подобное прозвище.

В то же время Т.Т. Денисова отмечает: «Чем выше внутренняя культура человека, чем духовнее его система морально-этических ценностей, тем строже и разборчивые он будет подходить к неформальному идентификатору» [Денисова 2007: 14-15].

Сопоставление официального имени собственного и неофициального имени показывает универсальное антропонимическое свойство таких ономастических единиц, как прозвище, которое возникает как способ избавиться от тезоименности, затрудняющей процесс общения [Полякова 1975: 79]. Это явление сходно с составом значений производных слов, что опять же сближает имена собственные с нарицательными и серьезнейшим образом осложняет извлечение оценочной информации из прозвищ вследствие специфики языковой материи и является характерной особенностью прозвищ как класса слов.

В связи с этим следует разобраться в функциональных противопоставлениях прозвища от личного имени (см.: Таблица 2).

Таблица 2.

**Основные отличительные признаки
прозвища от официального имени**

неофициальная форма номинации субъекта	официальная форма номинации субъекта
альтернативное имя второго порядка	единственное имя (антропоним) первого порядка
факультативно	обязательно
изменчиво	стабильно
прозвище не имеет традиционно оформленных отчеств	имя имеет традиционно оформленные отчества

может изменяться, сменяя друг друга	не может изменяться
прозвище появляется у субъекта при попадании данного субъекта в микросоциум из заметного довольно большого (школьный класс, студенческая группа, воинская часть, деревня, производственная бригада) числа субъектов с примерно тем же статусом (школьники, студенты, молодежь, солдаты, курсанты, служащие на предприятиях)	имя дается субъекту чаще всего сразу после рождения, причем в официальной ситуации (крещение) при участии лиц по должности (священник, регистратор ЗАГСа) с участием строго определенного круга лиц (родственники, «крестные»), связанных с будущим носителем имени родственными узами (родители, родственники, близкие)
один субъект может иметь несколько прозвищ одновременно и в разные периоды времени	имя остается за его носителем на всю жизнь и не поддается смене (за редким исключением)
прозвища могут меняться в зависимости от возраста его индивидуального носителя	могут меняться только диминутивные гипокористические формы имени
в наречении субъекта прозвищем участвует весь или почти весь социально однородный коллектив	имя выбирается при действии особых мотивирующих правил – это святцы, определяющие выбор имени по дню рождения (из чего были исключения всегда)
прозвище может быть придумано кем-то одним, но поддерживается всем коллективом и поддерживается вне каких-то определенных правил	имя может быть выбрано по форме, которая выглядит предпочтительней для нарекающих
прозвище всецело зависит от	имя характеризуется

<p>характера самой социальной среды</p>	<p>стабильностью и не зависит от той социальной среды, в которой находится носитель его в тот или иной период своей жизни</p>
<p>прозвище носит ситуативный характер (по какому-то происшествию – чаще же в основе прозвища лежат какие-то характеристики внешнего облика человека, манеры поведения или особенности речи, признающиеся большим или малым коллективом</p>	<p>имя имеет собственную субпарадигму из гипокористических форм</p>
<p>одинаковые прозвища даже при наличии сходных мотивировок (<i>Длинный, Рыжий, Толстый</i>) в одном и том же коллективе не появляются</p>	<p>имена при их совпадении (среди братьев и сестер при наречении одними именами при крещении) уживаются друг с другом за счет гипокористических форм</p>
<p>прозвища в социальных средах временного характера исчезают тогда, когда сообщество в данном составе рассыпается, рассосредоточиваясь по другим социальным группам (школьная, студенческая среда и т.п.)</p>	<p>имя является единым для всех тех, кто обращается к данному субъекту вне иерархии в социуме.</p>
<p>носитель прозвища имеет право и может протестовать против того или иного выбора антропонима второго порядка</p>	<p>носитель имени обычно не возражает против наречения (иногда отмечаются случаи смены имени)</p>
<p>акт наречения прозвищем доступен</p>	<p>акт наречения именем доступен</p>

всем без исключения, в любом возрасте для нарекающих и для нарекаемого, и осуществимый в любом коллективе	его участникам при достижении ими определенного возрастного статуса (статуса родителей)
прозвище может из индивидуального антропонима второго порядка превратиться в коллективный антропоним второго порядка – уличное прозвище и уличную (дворовую) фамилию	индивидуальное имя меняется исключительно в редких случаях в официальном порядке
прозвище используется в социуме только теми, кто равен его носителю; невозможно представить, чтобы учитель обращался к ученику по прозвищу, или преподаватель – к студенту	имя в социуме используется всеми

Как свидетельствуют материалы таблицы, одним из важнейших условий общения людей является стремление выразить свое отношение к окружающим, наделить их особыми признаками, которые помогают идентифицировать единичный объект. Кроме этой причины, вероятно, играет определенную роль стремление коллектива сделать именование данного человека мотивированным, в чем и состоит смысл использования мотивированного прозвища вместо немотивированного христианского имени или десемантизованного ономастической стандартностью славянского имени.

Таким образом, ономастическое сознание человека при «рождении» прозвищ хранит определённые концептуальные структуры характеризующих признаков (*Каланча* – о человеке высокого роста) или

совокупный комплекс признаков, отражающих нерасчленённое целостное представление о субъекте (*Баба Яга* – о некрасивой девушке).

Речь идёт о гештальтной природе имени собственного, которая заключается в том, что к целостному гешталту (к традиционному или официальному имени) добавляются признаки, которые ложатся в номинацию прозвища). В этом случае появляется признаковая семантика прозвища, или оценочная, поскольку без конкретно-чувственного представления о субъекте не существует семантического содержания прозвища (см.: Таблица 3).

Таблица 3.

Гештальность прозвища

Тип категории	Гештальт
Суперординатный уровень	обязательное наличие
Базовый уровень	обязательное наличие
Субординатный уровень	обязательное наличие с добавлением конкретного признака

За прозвищными единицами стоит гештальт – целостное представление, образ, прозвища дают богатейший материал для изучения менталитета людей, их вкусов, их идеалов, оценок, приоритетов и т.п. Оценка физических, психических и других достоинств/недостатков людей зависит и от самой структуры общества, и от того социального коллектива, в котором прозвище появилось.

Моральные, нравственные, этические нормы явно прочитываются в прозвищах, которые функционируют в том или ином регионе. Но в любом случае в роли оценочного «определения» выступает лишь одна какая-то особенность человека.

Объем содержания оценки прозвища зависит от многих факторов, в частности, от исторической памяти слова; общих и индивидуальных

знаний коммуникантов; условий общения; структурной организации слова. К основным способам выражения оценочной семантики прозвищ относятся: лексические единицы с оценочной семантикой (в большинстве своем существительные и прилагательные) метафора и метонимия как базовые характеристики познания [Лакофф, Джонсон 2004], ассоциации.

1.2. Когнитивный аспект изучения прозвищных имен

Современный этап исследования ономастической системы ориентирован на когнитивный аспект изучения неофициальной формы номинации субъекта, что нашло отражение в работах, посвященных рассмотрению когнитивной семантики антропонимических прозвищ [Робустова 2009], выявлению когнитивных особенностей прозвищ жителей Кубани на общерусском фоне [Беляева 2008], изучению региональных прозвищ как вторичной номинации человека в когнитивном аспекте, их психологической и социальной характеристики [Щербак 2006: 134-168].

Связь ономастических единиц с ментальными единицами и структурами, определяемая в когнитивной лингвистике в качестве основного свойства языковых знаков, способствует тому, чтобы неофициальная форма номинации субъекта была описана концептуально. Номинация прозвищных имен преломляется через когнитивную парадигму научного и обыденного знания и являет собой результат особой категориальной деятельности человека. «Вхождение того или иного объекта или события в мир жизни человека и порождает их сравнение или оценку» [Болдырев 2002: 106].

Индивидуальный характер номинации прозвищ тесно связан с оценочной категоризацией, которая в самом общем виде понимается как «группировка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие классы и категории, то есть систему оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотнесение объекта или

явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект) [Болдырев 2002: 104].

Говоря о специфике оценочной категоризации, следует подчеркнуть, что в её основе лежит ценностная картина мира. Особенность оценочной категоризации заключается в том, что тот или иной субъект не относится к какой-либо естественной категории в результате ономастической номинации. Речь идет о том, что, назвав человека *Зверем* или *Птицей*, мы не причисляем его к разряду птиц или зверей. «Ему лишь приписываются соответствующее положительное или отрицательное качество или характеристика, которые соотносят его с определенной оценочной категорией» [Болдырев 2004: 107].

Важным в контексте когнитивного осмысления имени собственного, позволяющего рассматривать прозвище как средство оценочной категоризации, является принцип центральности в ономастическом пространстве (выделение ономастического поля и ядра), разработанный В.И. Супруном при рассмотрении разрядов онимов [Супрун 2000: 10-15]. Ученый считает, что вся ономастическая лексика может являть собой определенным образом организованное ономастическое пространство, внутри которого реализуются закономерности систематизации и функционирования различных онимов. По мнению, В.И. Супруна, ядром ономастического поля русского языка являются личные имена и их гипокористические формы, квалитативные формы имен. Отчества и фамилии располагаются в околоядерном пространстве, прозвища входят в антропонимическую периферию.

В данной работе мы опираемся на теорию когнитивной матрицы как особого формата знания, позволяющий определить соотношение между ее компонентами и языковыми средствами их репрезентации [Болдырев 2006: 3-13; Болдырев, Алпатов 2008: 5-14], на идеи теории трех уровней категоризации ономастического материала [Щербак 2012], ориентированной на изучение и описание роли антропонимических

категорий в объективировании и классификации знаний о мире в такой их разновидности, как прозвищные знания.

Под термином «прозвищные знания» нами понимаются оценочные знания именованного человека и всего того, что с ними связано. Это результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования именованных в стремлении идентифицировать единичный субъект.

Под категоризацией прозвищ понимается осмысление субъектов в рамках категории имени собственного. Как известно, выделяются лексические, грамматические и модусные, т.е. собственно оценочные, категории, последняя из которых для данного исследования представляет особый интерес, поскольку категория прозвищ может рассматриваться как определенная концептуальная структура [Болдырев 2009: 28-29], ориентированная на систему ценностей, общих и субъективных оценок, мнений и стандартов.

Весь антропонимический фонд может быть положен в основу трехуровневой категоризации антрополексем, когда прозвища в иерархической структуре организованы таким образом, что детализация происходит вниз от базового уровня, конечным итогом является выявление отражения специфики прозвищных онимов. Теория иерархической организации находит отражение в том плане, что именно на субординатном уровне сосредотачивается прозвищный антропонимикон на фоне официальной антропонимической традиции.

Речь идет о том, что категоризация прозвищных именованных осуществляется на трех уровнях: *базовом, суперординатном и субординатном.*

Категория ЧЕЛОВЕК сосредоточена на *суперординатном* уровне, который репрезентирует знания – представления о человеке. *Базовый* уровень является срединным, на нем базируются знания о трехкомпонентности русской антропонимической модели «Фамилия, имя,

отчество» (ФИО – три самостоятельные единицы для компонентов официального имени), включающая название одного и того же субъекта при всех возможных обстоятельствах его бытования. Речь идет о так называемой универсальной жесткой десигнации (от английского designate, что означает «определять, обозначать, указывать»). Понятие жесткого и нежесткого десигнаторов в научный обиход ввел американский ученый Сол Крипке [Крипке 198: 199]. Этот уровень содержит наибольшую часть наших антропонимических знаний.

На *субординатном* уровне сосредотачиваются прозвища, отражающие ассоциативные связи, когда широко известные слова употребляются метафорически; прозвище становится своего рода «ярлыком» человека и является локально жестким десигнатором. Основной функцией данного уровня является функция детализации и конкретизации именованного человека. На этом уровне сосредотачиваются прозвища с выраженным национально-специфическим или локальным характером.

Важным является и тот факт, что именно на этом уровне сосредотачиваются уличные/дворовые/подворные прозвища, прозвания, отражающие уникальность любого региона. В их номинации участвуют диалектные лексемы, некалендарные имена, а также местные формы календарных имен.

Особенности антропонимической категоризации связаны со многими факторами, к числу которых относятся:

- *собственно лингвистические*: характер протекания общеязыковых процессов, связь между компонентами лексико-семантической системы т.д.; Так, рассматривая прозвищные имена по структуре, Мариан Вуйтович разделяет их на первичные, вторичные, сложные и составные [Wójtowicz 1986: 63-116]. К первичным прозвищам причисляются прозвищные имена, формально совпадающие с апеллятивами (*Башимак, Лапоть, Лошак, Волк*), вторичные прозвища образованы путем антропонимической деривации:

Серко – кличка серой лошади или собаки; *Юрло* (суетливый и торопливый человеке) – христианское имя; *Копило* – от патронима Копилов. Сложные и составные прозвища составляют сравнительно небольшую группу. Например: *Богомол, Волкодав, Черноус, Маня Глазастая.*

- *психолингвистические*: проблема выбора мотивировочного признака, при наречении прозвищем человек нередко прибегает к образам, вербализованным в прозвищном имени (процесс онимизации) как к неким «эталонам» для того, чтобы зрительно представить особенности каких-либо характерных черт внешности человека, его наиболее примечательные черты характера и т.п.; особенности антропонимической коннотации, которые отражают оценочную, эмоциональную, экспрессивную сферу психики человека, использующего прозвище. Субъективная оценка как реакция человека на другой субъект, которая затрагивают личный мир номинатора, его цели, нормы поведения, связана с психологическими особенностями восприятия конкретного человека, т.е. психологической выделенностью.

- *социальные*: способность выходить из общенациональной сферы употребления, отражать социальное расслоение общества – различные микро- и макросоциумы, прозвище всецело зависит от характера этой самой социальной среды. Во-первых, прозвища могут меняться в зависимости от возраста его индивидуального носителя. Во-вторых, прозвища в социальных средах временного характера (школа, вуз, армия, производство, любые сообщества временного состояния, периодически меняющие свой состав) исчезают тогда, когда сообщество в данном составе расслаивается по другим социальным группам и в меньшей степени остаются в памяти немногих членов данного сообщества. Исключением может являться фиксация прозвищ-кличек в криминальных сообществах, которые сохраняются, заменяя в ряде функций имя.

- *географические*: различные региональные (локальные) антропонимические системы;

- *национально-культурные*: традиции народно-речевой культуры, ее связь с традициями другими социумов и этносов др., культурно-обусловленные ассоциативные нормы; национально-культурная коннотация как постоянный признак прозвища, которая служит семантическим показателем смысловой структуры прозвищного онима на фонетическом, деривационном, стилистическом и прагматическом уровнях, проявляясь при сопоставлении с именами, принадлежащими другой языковой системе, поскольку русские антропонимические формулы безэквивалентны; культурная маркированность коннотаций, обусловленная узуальностью прозвищ, соотносительностью их с культурно маркированными установками, стереотипами, фоновыми знаниями, культурной спецификой внутренней формы, которая репрезентирует национальные стереотипы, тем самым коннотации имеют концептуальную природу, что определяет их разнообразие с точки зрения содержания; оценочность как основополагающий компонент коннотации (положительная или отрицательная оценка, заключенная в значении слова) [Пахомова 2009].

- *популярность*: распространенность и употребительность прозвища во многом зависит от предпочтений, благозвучности, национальных и семейных традиций.

Изучение категоризации прозвищных онимов позволяет считать, что при расширенном понимании имен собственных ономастика перестает быть исключительно узким учением, учением о семантике имён собственных. Сказанное дает все основания рассматривать антропонимическую категорию как *концептуально-языковую категорию*, которая формируется на базе языковых и неязыковых (энциклопедических) знаний [Болдырев 2005: 16-39].

Значение прозвища передает «мысль о человеке», некое его «досье», отражает единство общего и отдельного и репрезентирует обе стороны действительности одновременно. Окружающие, как правило, имеют

возможность определить, в каком смысле употреблено то или иное прозвище для каждого конкретного человека.

Когнитивные признаки, которые репрезентируются в прозвищах, показывают, что категоризация прозвищных онимов выглядит следующим образом (см.: Таблица 4).

Таблица 4.

Категоризация прозвищных онимов

Категоризируемые сущности	Уровни
ЧЕЛОВЕК/ЛИЦО	Суперординатный уровень
ФИО – официальная форма номинации субъекта	Базовый уровень
ПРОЗВИЩА	Субординатный уровень

Таким образом, фокусы категории субординатного уровня ориентированы на систему субъективных оценок, которые возникают в результате когнитивных механизмов: метафорического и метонимического переносов, профилирования, сравнения, выделенности, что способствуют формированию в нашем сознании особого оценочного смысла прозвища, связанного с оценкой именованного человека, и выявлению как категориального значения прозвищных онимов, так и репрезентации антропонимических знаний. Эти механизмы формируют оценочные смыслы на языковом уровне, отражаясь в лексической семантике оценочных прозвищ, а на концептуальном уровне объективируют результаты познания человека окружающего мира сквозь призму прозвищ.

1.3. Из истории изучения прозвищ Тамбовской области

С 1995 года коллектив тамбовских ученых ведет активную работу по сбору и обработке регионального материала. Истоки зарождения

ономастического направления принадлежат Л.И. Дмитриевой [Дмитриева 2010; Дмитриева, Щербак 1998-2002].

Было установлено, что в основу прозвищ кладутся апеллятивы, которые важны для существования человека и которые, естественно, разнятся во времени. Распространенные в современном обществе прозвища – это продолжение того способа именованя людей, который является основным, о чем свидетельствует этимология так называемых христианских имен, имеющих несомненную связь с апеллятивами. Этот основной способ формирования прозвищного ономастикона зависит от культурно-бытовых и социальных условий общества, в котором эти прозвища функционируют [Шостка 2009].

На материале антропонимов г. Моршанска Тамбовской области были рассмотрены документальные, народные, разговорные и просторечные формы антропонимов [Олейникова 2007]. Фамилии жителей города Моршанска, восходящие к прозвищам, рассматривались Л.И. Дмитриевой и С.Д. Олейниковой. Ученые установили, что из 425 фамилий 318 являются прозвищными, ядерной группой прозвищных фамилий «является группа фамилий, восходящих к прозвищам, данным по внешнему виду» [Дмитриева, Олейникова 2010а: 67].

Т.Г. Смирнова рассмотрела структурный тип тамбовских прозвищных фамилий, доказав, что ключом понимания сущности антропонима являются «уличные» фамилии [Смирнова 2003]. Выявлялись сходства и различия фамильной антропонимии Дона и Тамбовщины [Пядышева 2010].

На материале прозвищ с. Степанищево Первомайского района Тамбовской области Т.А. Потаповой и А.С. Щербак были рассмотрены характерные особенности прозвищ тамбовских диалектоносителей в двух аспектах: по наличию определенного структурного элемента в составе слова (по характерному суффиксу) и по направлению образования

прозвища (мотивирующему основанию) [Потапова, Щербак 2008: 393-396].

Прозвища села Глазок Мичуринского района Тамбовской области представлены в виде словаря в работе «Ономастика Тамбовской области: опыт энциклопедии». В словарной статье дается толкование, данное информатором, в случаях, когда нет пояснения, полученного от информаторов, приведены данные из этимологических и диалектных словарей [Дмитриева Щербак 2002: 68-84].

В настоящее время ведется активная работа созданию Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ] в связи с подготовкой материалов «Лексического атласа русских народных говоров» – одного из ресурсов сбора и обработки региональной лексики, в том числе и региональных прозвищ Тамбовской области.

В рамках данной работы особый интерес представляют работы, посвященные изучению лексики тематической группы «человек» в тамбовских говорах. Тамбовские лексемы и фразеологические единицы, отражающие многочисленный, подвижный и емкий дифференцированный признак «внешность» подробно рассмотрены в работе Е.А. Нивиной. В качестве основных дифференциальных признаков диалектной лексики, отражающей основные представления о человеке, его отличительных особенностях, ученым рассмотрены такие характеристики, как: внешность человека, его физическая природа, социальная значимость, семейные отношения, возраст, пол, участие в обрядах и т.д. [Нивиная 2003].

При сопоставлении диалектных лексем, характеризующих человека, и анализируемых нами прозвищ отмечается распространенность прозвищных номинант, контекстом понимания которых служит диалектный материал, например:

Прозвище *Головач* и диалектное слово *головач* в значении «человек с большой головой» (*Тут раньше был головач, тела маленькая, галава большая*) /с. Черняное, Тамбовский р-он, Вихляева Е.В., 1927 г. р., запись

1998 г./). Прозвище *Головуха* и диалектное слово *головуха* в значении «женщина с большой головой» (*Женищина ис сибя хорошая, а галава бальшая, вот и звали галавуха*) / д. Кугушево, Тамбовский р-н, Довцова А.А., 1919 г. р., запись 2001 г.). Прозвище *Головастик* и диалектное слово *головастик* в значении «ребенок с несоразмерно большой головой» [Словарь тамбовских говоров 2006: 58-59]. Прозвище *Лобан* и диалектное слово *лобан* в значении «крупный, здоровый мальчик или мужчина» (ряз., тмб., воронеж., сарат., самар.); «упрямый человек» (новг.) [СРНГ, вып 17: 94].

В системе тамбовских говоров большинство диалектных лексем отражает дифференциальный признак «внешность человека» [Нивина 2003: 10]. Не случайно наиболее продуктивным является тип номинации прозвищ по внешнему виду человека, исторически сложившийся в ходе становления тамбовской антропонимической системы.

Тамбовский диалектный материал нашел отражение в целом ряде работ, среди которых выделяются: «Словарь диалектных глаголов Тамбовской области» [Моисеева 1998], «Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области» (пять выпусков) [Щербак и др. 1999-2003], «Звучащая хрестоматия. Южновеликорусские говоры Тамбовской области» (три выпуска) [Щербак и др. 1999, 2003, 2005], «Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» [Пискунова и др. 2002], «Словарь тамбовских говоров: лексика питания» [Губарева 2003] «Словарь тамбовских говоров (растительный, животный мир, ландшафт, метеорология) [Пискунова и др. 2003], «Словарь тамбовских говоров (Человек: анатомические названия, физические особенности, социальные и семейные отношения, духовная культура) [Пискунова и др. 2006].

Для тамбовских говоров характерны общие для жителей обширного региона лексические, фонетические и грамматические особенности речи, что отражают прозвища. Термин «*региолект*» (введён А.А. Гердом) постепенно может вытеснить термин «*диалект*», «*говор*». Это означает,

что территориальные особенности современного языка могут привести к полной утрате прозвищ, восходящих к диалектной основе, как антропонимического класса. В силу этой и ряда других причин в наши дни прозвища – индивидуальные прозвищные именованья и групповые прозвища или дворовые фамилии как феномен диалектной ономастики – активно исчезают из деревенского быта и речевого этикета.

Между тем, тамбовский прозвищный материал не был предметом специального изучения, хотя фрагментарно отдельные прозвища были учтены при изучении прозвищ в поэтическом тексте [Пискунова 2010], региональных антропонимов в когнитивном аспекте [Щербак 2008, 2012].

Признание когнитивной сущности у прозвища опирается на тот факт, что исследование прозвищных единиц предполагает выход за пределы собственно лексической системы, т.к. развитие онтологической сущности ономастической системы осуществляется через ее отражение в сознании человека. Появление и развитие прозвищ (неиндивидуальных употреблений) говорит в пользу того, что грань между прозвищным онимом и апеллятивом стирается, поскольку семантика прозвища оказывается гораздо шире.

Таким образом, переключение фокуса антропонимических исследований на специфику вербализации знаний о человеке, т.е. вербализацию мысли, создает возможности для изучения различных способов формирования и представления прозвищного знания.

1.4. Антропоцентризм и оценочная категоризация прозвищ

Положение, выдвинутое Е.С. Кубряковой, о том, что антропоцентризм является главенствующим принципом исследования, «что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования», на сегодня стало классическим [Кубрякова 1995: 212].

Понятие «антропоцентризм» восходит к идеям В. фон Гумбольдта о языке как о деятельности народного духа: 1) материальная и духовная культура отражаются в языке; 2) всякая культура национальна, ее национальный характер выражается в специфическом видении мира; 3) любому языку свойствен «народный дух»; 4) язык есть опосредующее звено между человеком и окружающей его действительности [Гумбольдт 1985, 2000]. Исходя из этого, ученый считал, что бессмысленно изучать язык, не опираясь на человеческий фактор.

В дальнейшем эти идеи стали в когнитивной лингвистике ведущими, а именно: определение роли когнитивных систем человека в восприятии окружающей действительности и конструировании картины мира (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Л.И. Гришаева и др.).

В истории лингвистики понятие «антропоцентризм» рассматривалось в двух аспектах: как имманентное свойство самого языка и как способ описания языковой системы.

Э. Бенвенист выдвинул тезис о субъективности, имманентно присущей языку. Эту мысль разделяли ученые психологической, отчасти младограмматической школ (А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, Х. Штейнталь, Г. Пауль). Как способ описания языковой системы антропоцентризм рассматривался в работах Л.В. Щербы и Г. Гийома.

Антропоцентризм в ономастиконе прежде всего реализуется в номинативных процессах и тесно связан с понятием «наблюдатель». В номинативной структуре прозвищного имени всегда наличествует интенция того, кто дает то или иное прозвищное именование субъекту. Н.Н. Болдырев, определяя человека как «наблюдателя», «концептуализатора» и категоризатора», подчеркивает, что «значительная роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как наблюдателю и как носителю определенного опыта и знания» [Болдырев 2004: 24].

Принимая во внимание тот факт, что языковое сознание концептуально, любое прозвище возникает в свете осознания бытийных ценностей. Человек участвует в процессе номинации именованного субъекта с позиции заинтересованности, которая заключается в преимущественном выделении одних субъектов на фоне других по принципу «фон-фигура». Фоном выступают концептуальные характеристики именуемого субъекта, воспринимаемые как области исходного знания, фигурой – конкретная характеристика, которая актуализируется в номинации именованного субъекта как основная.

Иными словами, образование прозвищных имен всегда исключительно индивидуально и избирательно, что позволяет говорить об индивидуальном антропоцентризме, который следует противопоставить обобщенному антропоцентризму. В целом для ономастики характерен индивидуальный антропоцентризм, чему способствует «субъективность языка» (Э. Бенвенист).

В пределах минимальной микросистемы действует правило обязательного (субъективного) различения именованного субъекта, субъективность языка как «способность языка служить не только объективной (социальной), но и субъективной (индивидуальной) системой знаков» [Сулимов 2006: 40], способствует выявлению структурной организации действительности, что подтверждается, например, возникновением условных антропонимических систем для ограниченных коллективов (охотников, рыбаков, грибников).

Из этого следует, что человек, ставящий себя в центр макро- и микрокосмоса, выступает оценивающим наблюдателем всего происходящего в реальном мире, характеризуя субъекты и соотнося их с некоторой точкой отсчета: *хорошо – плохо, красиво – некрасиво, желательно – нежелательно, этично – неэтично* и т.п. «Обыденное сознание» человека структурирует реальную действительность антропоцентрически, и главным базовым концептом в этом

структурировании выступает концепт «человек» («мужчина» / «женщина», «мальчик, девочка», «юноша/ девушка»).

Н.Н. Болдырев подчеркивает: «Именно человек как познающий и как говорящий на определенном языке субъект формирует значения, а не воспроизводит их в готовом виде (принцип креативного речевого мышления), и именно говорящий субъект сознательно осуществляет выбор языковых средств выражения для описания той ли иной ситуации» [Болдырев 2004: 24].

Прозвищные знания любого человека осознаются им на уровне действия дихотомического принципа, который с глубокой древности сохраняет отражение общеоценочной базовой оппозиции *хорошо/плохо* как положительной или отрицательной рефлексии человека на характеристику именованного лица. Данный факт обусловил ведущее положение ономастической семантики как особого осознания мира и бытия.

Иными словами, принцип антропоцентричности играет важную роль в ценностном осмыслении субъекта, в его положительной или отрицательной характеристике. Человек соотносит эти характеристики с существующими в обществе нормами и стандартами, определяет степень соответствия/несоответствия характеристики субъекта установленным нормам. Происходит «мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией, которая относится к категориям модусного типа [Болдырев 2002: 104].

Основным функциональным назначением оценочных категорий прозвищ является выражение субъективной начала при отражении объективной действительности. Специфика их формирования и внутренней структуры заключается в том, что в оценочные категории могут объединяться имена нарицательные и различные типы онимов (антропимы, топонимы), участвующие в номинации лиц. Следовательно, оценка конкретных субъектов, обладающих объективными характеристиками, обуславливает наличие прототипа в оценочных

категориях, в то же время оценка субъективных характеристик не предполагает обязательной (прототипической) структуры оценочных категорий. Иными словами, оценочные категории включают в себя ряд других, оцениваемых категорий. Основным принципом их структурной организации является «семейное сходство».

Оценочные характеристики лица обнаруживают определенную иерархию. В оценочной категоризации можно выделить три уровня – базовый, суперординатный и субординатный.

Суперординатный уровень связан с обобщением понятия качества, мнения, т.е. понятия ОЦЕНКА вообще.

К базовому уровню относятся такие представления, как «хороший – плохой», «красивый – некрасивый», «высокого роста – низкого роста», «большой – маленький», «худой – толстый», «порядочный – непорядочный» т.п. Подобного рода характеристики всегда связаны с мнением или оценкой конкретного человека или группы людей, выражаемых по отношению к именуемым лицам.

На субординатном уровне сосредотачиваются прозвищные лексемы, которые отражают уровень речевой культуры имядателя (прозвища, признающиеся большим или малым коллективом: жителями деревни, людьми одной профессии, членами семьи; неизвестные городским жителям, прозвища различных социальных групп). На этом уровне национально-культурная специфика прозвищ актуализирует результат антропонимической коннотации, отражая элементы разговорности, просторечности, жаргонности, диалектности.

Особенностью категории оценки прозвищ является их зависимость от других концептуальных структур, т.е. оценочная категоризация является собой результат пересечения концептуальных систем, отражающих восприятие мира – физическую и ценностную.

Таким образом, антропоцентризм как свойство языковой, в частности ономастической картины мира, выступает в качестве того

конструктивного основания, в соответствии с которым прозвище несет в себе значительный массив этической информации коллективного и индивидуального знания, являясь маркером стереотипного представления о функции имени в обществе. Признавая антропоцентризм и как имманентное свойство самого языка, и как способ моделирования языковой системы в целом, следует считать, что антропоцентризм в ономастической картине мира в ее современном состоянии занимает особое положение, поскольку антропоцентризм в ономастике не сводится только к номинативным процессам.

1.5. Когнитивные и языковые механизмы конструирования оценки на основе знаний о прозвище

Прозвища входят в категорию предметности (субстантивности), представленную именем существительным, сопоставляемую с категорией признака [Шарандин 2001: 139-156].

Всякая оценка выражает отношение субъекта к явлениям действительности. Категория оценочности в сфере прозвищ, строящаяся на основе бинарных оппозиций, чаще всего отражает принцип *ХОРОШО* (достойно уважения, похвалы, одобрения) – *ПЛОХО* (достойно осуждению) и служит выражению представлений, соотносимых с образом человека со всей совокупностью его параметров (внешность, характер, умственные способности и т.д.). Оценка физических, психических и других достоинств/недостатков людей зависит и от самой структуры общества, и от того социального коллектива, в котором употребляется имя. Моральные, нравственные, этические и эстетические нормы явно прочитываются в прозвищах.

По характеру производящей основы и способу номинации прозвищные имена делятся на антропонимические, топонимические и прагматонимические, в большинстве своем представленные именем существительным и прилагательным на грамматическом и семантическом

уровнях языка.

Выделяется прямая и косвенная, семантическая и формальная номинация. При семантической онимизации оценочные прозвища могут употребляться в прямом значении (прямая номинация), например *Толстый*, *Рыжий*. При косвенной онимизации осуществляются метафорические или метонимические процессы: на основе сходства каких-либо признаков денотатов: *Слон* ← слон, *Селёдка* ← селёдка (метафора) или на основе смежности понятий: *Голова* ← голова, *Борода* ← борода (метонимия).

Грамматическая онимизация как результат формальной онимизации осуществляется с помощью аффиксальной деривации (прозвище *Головач* образовано от фамилии Голованов с помощью суффикса *-ач*; прозвище *Рыжик* – от фамилии Рыжов с помощью суффикса *-ик*), либо корневых морфем (*Нос*, *Глобус*, *Петух*, *Боров*).

Формирование оценочных смыслов прозвищных онимов на языковом уровне находит отражение в лексической семантике оценочных единиц, вместе с тем раскрывая идеи и принципы познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире. Так, если для имен нарицательных характерны парадигматические ассоциации (*день – ночь*) и синтагматические ассоциации (*ночь – темная*), антропонимы же вызывают ассоциации, связанные с денотатом (*Вова – мальчик*, *Галя – девочка*) или с множеством денотатов (структуры знаний, стоящие за производными. Ср.: прозвище *Тимуровец*.

1) «представитель детской организации, которая помогает участникам войны, их семьям, инвалидам, престарелым и т.п.»;

2) «последователь Тимура и его команды из рассказа-повести Аркадия Петровича Гайдара «Тимур и его команда»;

3) «человек, поступающий, как Тимур из повести Аркадия Гайдара»,

4) «положительная оценка деятельности лица».

Наличие в прозвище, суффикса -ЕЦ, является прототипическим и в прозвище *Тимуровец* появляется значение «лица».

Суффикс *-ец* в древнерусский период использовался как нейтральный для образования существительных при номинации людей, выполняя функцию антропонимизации. Например, человек, рожденный весной, получал прозвищное имя *Ярец* (Ярец, иконописец в Москве, 1482 г) [Тупиков 2004: 257].

Впоследствии этот суффикс стал использоваться в качестве социальной маркировки для обозначения княжеских детей, рожденных от наложниц. Этот же суффикс в старорусский период стал употребляться для наименования служителей церкви (ср. поп *Иванец*). Со временем эта морфема, стала функционировать в разных сферах и «обрастать» дополнительными коннотациями, но её прототипическая «предметность» в настоящее время осознается всеми говорящими. Коннотация – это логически выводимая информация, базирующаяся на знании субъекта действительности, стоящего за именем собственным (производящим) и его концептуальным пространством (структурой).

Как известно, коннотации могут быть модальными, оценочными, эмоциональными, психологическими, культурными, семантическими, ассоциативными и т.п. [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 236]. Коннотации являются дополнительными, сопутствующими, подразумеваемыми смыслами. Однако коннотация являет собой часть семантики антропонимической единицы, служит одним из способов выражения лексической семантики онама и ее оформления, то есть коннотация выступает в качестве семантического «шифра» лексической семантики имени собственного, отражающей внутренний мир человека.

Высокой коннотацией, обнаруживающейся в устном народном творчестве и сознании народа, обладают апеллятивы *медведь*, *волк* и *заяц*, поэтому прозвища *Медведь* (Медведева), *Заяц* (Зайцева), *Волк* (Волков) обидны и по своей сути, и по гендерной прикреплённости, поскольку в

русском языке имеются соответствующие родовые пары: медведь – медведица, заяц – зайчиха, волк – волчица. Следует указать, что прозвищ типа *Медведица*, *Волчиха* и *Зайчиха* на территории Тамбовской области не обнаружено.

Можно считать, что основные значения, на которых выстраивается оценочная классификация прозвищных онимов, следующие: субъективные, денотативные и коннотативные, коллективные и индивидуальные, положительные и отрицательные, обидные и необидные, сравнительные.

Оценочные прозвища могут вступать в различные оппозиции, например: прозвища с положительной и отрицательной оценкой, прозвища, содержащие коннотативные и денотативные оценочные значения и др. Возможность создания оппозиций среди оценочных прозвищ может свидетельствовать о ее некоторой системности и организованности, что усложняет характеристику понятия «оценка».

Всякая оценка выражает отношение субъекта к явлениям действительности. Базовый признак ХОРОШИЙ – ПЛОХОЙ измеряет свойства субъекта, определяет качества, признаки, действия, состояние, дает положительную или отрицательную оценку. Принцип оппозиций выявляет некоторую зависимость между семантическим признаком смысловой структуры русского личного имени собственного (в отличие от апеллятива) и его морфологической структурой и комплексом грамматических признаков, характеризующих разряд этого слова [Шарандин 2010: 262-300].

Однако ограничить восприятие субъектов и отношение к ней человека лишь этой дилеммой невозможно, поскольку оценка может сводиться не только к плюсу или минусу. Речь идет о нейтральных прозвищах, которые в большинстве своем образованы от фамилий. Например, прозвище *Макар* от фамилии Макаров, *Павел* – от фамилии

Павлов, *Антон* – от фамилии Антонов, *Долгий* – от фамилии Долгих), *Долгуша* – от фамилии Долгушин.

К нейтральным, которые не вызывают обиды, ибо не отмечаются по сути дела в плане семантики от самих фамилий, относятся прозвища типа *Токарь* (Токарев), *Бондарь* (Бондарев), *Кузнец* (Кузнецов). Дело в том, что в некоторых случаях они могут бытовать как нестандартные фамилии, у которых нет формантов, поэтому эти фамилии и воспринимаются как прозвища. Однако некоторые профессии приобрели на данном этапе пренебрежительное к ним отношение, обрели негативную коннотацию, поэтому и прозвища, образованные от фамилий, восходящих к определенной профессии, могут вызвать нежелательные ассоциации. Ср.: *Пастух* (Пастухов).

Формирование оценочного прозвища осуществляется на основе профилирования конкретной характеристики, актуальной для человека, в результате чего устанавливается отношение «фон – фигура». Соотнесение профилируемых характеристик с общепринятыми нормами и оценочной шкалой основывается на механизме сравнения. В фокус внимания номинатора попадает выразительность тех или иных качеств человека.

Так, слова *сильный, здоровый, крепкий* в сознании русского народа ассоциировалось с человеком положительным, настоящим мужчиной, хотя наличие одной только силы без каких-либо положительных качеств еще отнюдь не возводится в ранг человеческих, прежде всего мужских достоинств. Прозвищ, которые давались физически сильным людям, на Тамбовщине зафиксировано очень незначительное количество, причем основаны они практически на двух и более признаках. Например, *Мерин* (сильный, здоровый крепкий, выносливый); *Лобан* («сильный, мощный»); *Балу* («сильный, добрый»). Прозвища *Мощный, Кача/Качок* в комментариях не нуждаются, их этимология прозрачна. Только одно прозвище принадлежит женщине: *Терминатор* («сильная, огромная, мужеподобная»).

Сила в число женских достоинств в русской традиции, как, впрочем, и в мировой культуре, не входила и не входит. Сильная, по-настоящему сильная, женщина – это нарушение общепризнанного стандарта, отсюда и это сугубо мужское прозвище.

Прозвище, данное слабому человеку, зафиксировано на территории Тамбовской области в единственном числе и построено оно по принципу энантиосемии: *Шварц* (от Шварцнеггер). Возможно, что отсутствие большого числа подобного рода прозвищ, зиждется на этических нормах русского народа.

Таким образом, механизм когнитивной выделенности создает ситуацию наречения и служит источником прозвищной номинации. Между тем, название любого объекта может быть мотивировано различными характеристиками: человек может быть рыжим, хромым, толстым, глупым одновременно. Но в основе прозвищной номинации будет лежать только одна характеристика, в то время как другие характеристики будут игнорироваться. В этом случае значение прозвищных онимов содержит указание как на «высвечиваемый» ею профиль, так и на соответствующий фон, но может быть и наоборот, один и тот же профиль может быть высвечен на различных характеристиках.

В процессе конструирования оценочного смысла особую роль играет такой компонент оценки, как оценочная шкала. Являясь одним из структурных элементов оценки, оценочная шкала представляет сложную структуру, в которой находят отражение две основные стороны оценки – субъективная и объективная. Шкала учитывает как отношение субъекта к объекту, так и свойства самого объекта. В первом случае о свойствах объекта ничего не говорится, но во втором случае речь идет как о свойствах объекта, так и о субъективном к нему отношении. Сложность структуры оценочной шкалы определяется соотношением денотативного и оценочного компонентов значения. Эта шкала динамична и способна разворачиваться как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения

определенного признака, определяя негативность/позитивность прозвищ, в основу номинации которых кладутся когнитивные, заложенные как в общерусской традиции, так и в традиции жителей определенного ареала.

Прозвища как класс онимов, в особенности в таких средах, которые трудно признать социально полноценными – таких, как детские коллективы в школах и дворовые компании, не говоря о кличках в криминальном и околокриминальном мире, всегда возникают из средств стилистически сниженной лексики, что в свою очередь вызывает негативное по крайней мере в эмоциональном плане отношение к самому этому классу онимов, становящемуся достоянием немногих специалистов. Здесь есть интересные наблюдения над образованием прозвищ в студенческой среде, где широко распространено усечение фамилий *типа Блинов – Блин, Кулешов – Кулиш, Рогачев – Рогач* и т.п., в какой-то мере вскрывающие прозвищную природу некоторых исконно русских фамилий. Думается, что в основе инициативы к распространению такого рода прозвищ лежит сложившаяся манера обращения вузовских преподавателей или школьных учителей к студентам и учащимся по фамилии, а не по имени – манера, собственно говоря, абсолютно неадекватная с точки зрения практики общения. Не случайно такого рода прозвища не появляются среди детей дошкольного возраста, но потом получают широкое распространение именно среди школьников и студентов. Похожим процессом является подведение личных имен, немотивированных для носителя русского языка (тем более такого «наивного» носителя языка, как ребенок) под знаменательные слова, например: *Серезжа – Серый* и т.п.

Для старших школьников и молодежной среды может отмечаться замена гипокористических форм имени сходными или соотносительными иноязычными личными именами, например: *Борис – Боб, Николай – Ник, Иван – Джон, Александр, Алексей – Алекс* и др.: такой процесс отражает контакт с иным языком, но по существу всегда является свидетельством

знакомства с языком на «докоммуникативном» уровне, не позволяющим пользоваться им в общении, но проявляющемся в виде обозначения некоей языковой компетенции.

Следовательно, национальная специфика мышления производна не от языка, а от реальной действительности, прозвища не только отражают в своей семантике и указывают те различия, которые оказываются маркированными для людей, живущих на той или иной территории в силу тех или иных причин, но и описывают национальную специфику значений антропонимических единиц. Связь между прозвищем и производным осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (известность имени, типичность, распространённость, прецедентность и т.д.).

Более сложные ассоциации, которые лежат в основе всякого рода метонимических переносов, наблюдаются в случаях замены апеллятива, к которому восходит фамилия, другим, связанным с ним по смыслу. При этом наблюдаются случаи созвучия. Фамилия *Кострюков* восходит к прозвищу *Кострюк*, которое давали неуживчивому, «колючему» человеку. *Кострюк* созвучно апеллятиву *Костюля*, отсюда и прозвище *Половник*.

Иногда в качестве прозвища используется апеллятив, входящий в одну и ту же лексико-семантическую группу, что и апеллятив, лежащий в основе фамилии: *Булка* (Хлебникова), *Пароход* (Корабельников). Разного рода ассоциации лежат в основе таких прозвищ, как *Мурзик* (Кошкин), *Пернатый* (Воронцов), *И-го-го* (Конева).

Можно констатировать, что норма, будучи оценочным образованием, является самым важным в системе жизненных ценностей человека и тесно связана с эстетической оценкой. Большинство прозвищ указывает на параметры измерения качественной характеристики человека. В этом случае идея нормы развивается по линии «положительная

оценка» – «отрицательная оценка», т.е. соответствующая или не соответствующая должному образцу.

Таким образом, при создании прозвища отправной точкой может стать любое слово, которое приобретает референциальную значимость, поскольку является коннотативно маркированным. Прозвища формируют категорию оценочных слов, в их семантике получают отражение дополнительные знания интерпретирующего характера: коннотация закладывается в семантику производного прозвища в процессе номинации. В принципе мотивированность есть не только потенциальное присутствие этимологической семантики, но и наличие полноценной семантики в скрытой форме, что является тем признаком прозвища, который для носителей языка как бы присутствует в этой системе по умолчанию.

1.6. Положительная и отрицательная самооценка в процессе самопознания человека

В ценностной картине мира человек занимает, как известно, двойственное положение: во-первых, он выполняет роль субъекта оценки; во-вторых, выступает в роли оцениваемого объекта.

Одним из важнейших особенностей субъектно-объектного отношения в оценивающем акте выступает разделенность субъекта и объекта, определенная дистанция между ними, они не могут совпадать. Автономность существования субъекта и объекта ценностного отношения реализуется в оценке человека глазами другого человека, в оценке со стороны. Говорящий не может быть сам объектом оценки.

Следовательно, прототипической для оценки является ситуация, когда говорящий оценивает другого человека, т.е. третье лицо, к непрототипическим относятся ситуации, когда человек оценивает сам себя.

Прототипическая ситуация для оценки человека.

Среди прозвищ, которые встречаются на территории Тамбовской области, зарегистрированы такие, которые передаются по наследству, т.е.

наследственные. Подобное явление отмечается в основном среди жителей сельской местности, где, живя в довольно замкнутом пространстве, люди хорошо знают друг друга, хорошо знают все поколения той или иной семьи, могут их сравнивать ее членов, оценивать их сообразно ценностной шкале, ведя точку отсчета от старших к младшим.

В прозвищном имени отражается стремление максимально точно дать описание личности при помощи её номинации. Номинация происходит по оценке внешних и внутренних признаков человека, по профессиональным качествам, по происхождению и т.д. [Шостка 2009: 12]. Для того чтобы назвать субъект, необходимо противопоставить, выделить его из числа предметов окружающего мира.

Так, концептуальный признак **«позитив – негатив»** объективируется в прозвищах, большинство которых носит ярко выраженную негативную окраску. К числу отрицательных свойств народ всегда относил такие качества, как: назойливость, придирчивость, нудность, вспыльчивость, гордость, спесивость, хвастовство, волокитство, командирство, краснобайство, болтливость, суровость, нелюдимость, хмурость, хитрость, коварство, озорство, простоватость, лень, клеветничество, обжорство, неряшливость, кривлянье, непостоянство, робость, упрямство, скупость, жестокость.

Особое место в ценностной картине мира русского человека занимает отношение к труду и качества человека, определяемые на основе этого отношения – труд является бесспорной ценностью. Праздность и лень служили основанием для возникновения экспрессивных прозвищ. Например, в сельской местности Тамбовской области отмечены следующие прозвища:

плохо

Пошатун/Пошатуций («бездельник»), **Хлус** («шут, враль»), **Лодыга** («лодырь»), **Завьял** («лодырь»), **Легич** («любитель полежать»), **Кошель** («неповоротливый»), **Свистун** («гуляка»), **Сидень** («лежебока,

лентяй»), *Курака* («тот, кто делает кое-как»), *Тюня* («мокрая курица»), *Непряха* («неумеха»), *Загуменный* («отлынивающий от работы»), *Шоха* («разиня»), *Капыря* («медлительный»), *Шатун* («бездельник»), *Батакша* («праздный гуляка»), *Волынка* («гуляка»), *Свистун* («гуляка»), *Почивала* («лежебока»), *Шигана* («отъявленный бездельник»), *Обывала* («живущий одним днем»).

хорошо

Нормой поведения человека считалось трудолюбие, хозяйственность. Среди прозвищ с позитивной семантикой отмечаются только те прозвища, которые характеризуют человека как трудолюбивого, рачительного хозяина. Например: *Боронтый* («рачительный»), *Провотор* («ловкий, бойкий, расторопный, проворный»), *Воструха* («бойкий, проворный»), *Вострик* – «бойкий, проворный»).

Прозвища позитивного характера не только не обидны, на чаще всего тот, кому они даются, гордится ими, т.к. этому способствует заложенное как в истории, так и в культуре народа представление об этом апеллятиве. Прозвище закрепляется за человеком и поддерживается коллективной оценкой.

Непрототепическая ситуация для оценки человека

Человек сам себе прозвище не дает, но он способен дать себе самооценку. Особенность самооценки заключается в том, что человек способен «расщепить» себя на субъект и объект. В этом случае он является одновременно и субъектом оценки и объектом оценочного акта. Осмысление человеком самого себя, «выделить самого себя» прослеживается на лексическом материале. Так, слова *самомяние*, *самонадеянный*, *самовольство*, *самодовольный*, *самодурство*, примеры из словаря В.И. Даля – *самохваль*, *самочинство*, *самочествование*, *самопочитание*, *самообожание*, *самозаконье* и др.

Безусловно, позитивную оценку действий человека, отказавшегося от личного во имя интересов коллектива, отражают слова *самопожертвование* и *самоотречение*.

Положительная и отрицательная самооценка допустима и психологически обоснована в процессе самопознания человека, она реализуется обычно во внутренней речи. Для обозначения оценочных суждений, направленных на самого себя, существуют специальные слова: *самокритика* (негативная оценка себя), *самокопание* (безотносительно к позитивному или негативному характеру оценки), *самобичевание* (интенсивная негативная оценка самого себя), *самовосхваление* (в большинстве своем необоснованная положительная оценка), *самоуничижение* (негативная оценка себя, доведенная до крайностей).

Таким образом, прозвищные имена в современной речи – это развитие традиционной системы именованья, состоящей в стремлении выделить человека с помощью называния в условиях наличия устойчивой, действующей официальной формы именованья [Шостка 2009]. Прозвище – единственная возможность индивидуализации лица, осуществление же акта самооценки с целью «расхваления самого себя» (*я Красавица, Умница* и т.п.) не является доминирующей в русской модели человека, о чем свидетельствует непрототепическая ситуация для оценки человека.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.

1. Анализ научной литературы по проблеме исследования тамбовских прозвищ показал, что традиционные методы описания антропонимического материала в большей степени ориентированы на то, как устроена антропонимическая система в целом, в результате чего не учитывается специфика категориально-понятийного уровня, недостаточно разработаны механизмы формирования различных типов прозвищного знания. При этом остается без внимания и сам процесс формирования прозвищных онимов в рамках теории категоризации.

2. Прозвище – результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных. Как неофициальное экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него, прозвища передают собственно ономастические (языковые) знания и знания о мире, служат основой для формирования лексических смыслов и репрезентации знаний о субъекте. Различия в восприятии окружающего пространства, в способах мировидения носителей русского языка служат когнитивной основой антропонимической репрезентации.

3. Структура прозвища, его содержание и отраженные в нем представления о действительности обеспечиваются когнитивными способностями человека: направленным вниманием, образно-чувственным восприятием, профилированием и собственно мыслительными операциями. В основе оценочной деятельности человека лежит механизм фокусирования, в результате которого устанавливаются межконцептуальные связи между субъектом и его оценкой, в качестве оценки выступает знание о человеке, механизмы метафорических и метонимических переносов.

4. Одним из важнейших участков речемыслительной деятельности человека, отражающей репрезентацию оценки субъекта и выражающей ее посредством разноуровневых языковых единиц, прежде всего лексических, является коннотация. Вследствие этого коннотация может рассматриваться как один из способов выражения лексической семантики имени собственного и его оформления, коннотация выступает в качестве семантического «шифра» оценочной семантики прозвищного онима.

5. Конструирование оценочного смысла прозвищного онима как средства репрезентации оценки, употребляемое во вторичной функции, связано с процессом категоризации и является результатом интерпретирующей деятельности человеческого сознания. Иерархическая

организация прозвищных онимов фокусируется на субординатном уровне, сосредотачивая специфику прозвищных онимов на фоне официальной антропонимической традиции.

6. Прозвищные онимы, обладая категориальными признаками, такими, как неофициальность, вторичность, мотивированность, факультативность, экспрессивность, непринуждённость, формируют общеоценочные смыслы и различные типы субъективной оценки, передавая отношение говорящего к именуемому, которые напрямую зависят от речевого сознания человека, его речевой культуры. Являясь «точным» зеркалом индивида, прозвище принимает активное участие в формировании особого самосознания, которое способствует развитию системы духовно-нравственных ценностей и различных сторон человеческой личности, находящих выражение в языковых средствах.

7. Лексическое значение прозвища, заложенное в парадигматике, в самой прозвищной лексеме, содержат признаковую семантику, будучи вторичными именами, прозвища всегда мотивированны. Они двуплановы в информативном отношении, поскольку содержат целый комплекс и лингвистической, и экстралингвистической информации. Между тем экстралингвистическая информация в прозвищах гораздо значительна по отношению к другим антропонимам. Такое качество прозвищ, как ассоциативность, позволяет им обладать широким спектром выражения оценки – с одной стороны, они регулярны, чаще всего традиционны, чему способствует закрепление прототипической ситуации для оценки человека, с другой стороны, именно в прозвищах наиболее ярко проявляется креативная способность человека.

8. Образный уровень структуры прозвищ в современной речи является мощным механизмом создания положительного или отрицательного портрета.

ГЛАВА II.

ОТРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТАМБОВСКИХ ПРОЗВИЩ

Традиционные аспекты теоретических изысканий в области изучения прозвищ сводятся в логической оппозиции (единичное – общее). Так, прозвание единичного субъекта *Рыжий* отражается в сознании человека в виде единичного индивидуального прозвища на фоне других прозвищ, восходящих к цвету волос. В связи с этим в антропонимическом значении отражаются знания о существовании субъекта и тех признаках, которыми он отличается от других.

Учение о систематизации прозвищ восходит к трудам А.М. Селищева, заложившему в отечественном языкознании основы научной классификации имен собственных. На материале древнерусских имен и прозвищ ученым было выделено 19 семантических групп [Селищев 1968: 97-12]. В ономастической литературе выделяются семантическая (А.В. Суперанская, З.П. Никулина) и структурная классификации (Е.Ф. Данилина, Н.П. Ключева). Первые попытки распределения прозвищ по семантическому критерию относились еще к XIX – началу XX вв. [Зеленин 1903; Снегирев 1841 и др.].

В современной ономастике вопрос о значении собственного имени получает трактовку с позиций когнитивного подхода, где это значение определяется как комплекс знаний об отдельном субъекте, представленный разными мысленными структурами, в том числе пропозицией и наглядно-чувственным образом. Данное понимание имеет корни в формально-логических, структурно-семантических определениях имени собственного [Суперанская 1974, 2009; Болотов 1973, 2003; Блох, Семенова 2001; Ш. Балли 1971; Wójtowicz 1986 и др.) и согласуется с

когнитивным аспектом осмысления [Болдырев 2002, 2004, 2009; Щербак 2015].

Поскольку прозвища как компонент языковой картины мира тесно связаны с коннотаций, отражающей эмоциональную, экспрессивную и оценочную характеристику, то все прозвища подразделяются на ОБИДНЫЕ и НЕОБИДНЫЕ. Обидные прозвища содержат негативную, отрицательную, неодобрительную, пренебрежительную характеристику. Необидные прозвища не содержат негативных характеристик и имеют положительную окрашенность.

Репрезентация оценочных знаний прозвищ осуществляется через их значение и происходит посредством языковой номинации оцениваемых субъектов, объективирующей знание о физиологических состояниях и внешности, ментальной и эмоциональной деятельности, номинирующая различные аспекты его профессиональной, экономической, политической, социальной и духовной сферы жизнедеятельности и различные знания об артефактах.

2.1. Коннотативное прозвищное именование

Ввиду того, что, что важнейшей функцией прозвищ, которую они выполняют в антропонимической системе, является их заместительная функция [Wójtowicz 1986: 65], то осмысление признака *«наличие/отсутствие чего-либо»* при характеристике человека находит отражение в общих о нем представлениях. Это дает возможность воссоздать ментальные представления, стереотипные ассоциации, ключевые ценности русской культуры, объективируемые прозвищами, представить составляющие картины мира, существующей в сознании номинатора.

Представление о человеке создается на основе разного рода ассоциаций, т.е. единственного способа, ведущего к познанию окружающего нас мира. Эти ассоциации связаны в большей степени со

зрительными впечатлениями и стоят у истоков более сложных процессов, связанных с умозаключениями, с появлением метафорических переносов, появившихся в результате сравнений, а также метонимии как результата осознания особого места, занимающего субъектами в реальном мире.

Ассоциации как свойство ассоциативного мышления присущи всем особям человеческого рода, но субъекты или объекты, лежащие в основу ассоциаций, различны в зависимости от возрастных, социальных, культурных традиций.

Категория оценочности в концептосфере прозвищ, которая строится на основе бинарных оппозиций, чаще всего отражает принцип *хорошо – плохо* и служит отражению представлений, соотносимых с образом человека со всей совокупностью его параметров (характеристика внешнего вида человека, его умственные способности, общественно-социальная значимость и др.).

Оценка физических, умственных, психических и других достоинств/недостатков человека зависит и от самой структуры общества, и от того социального коллектива, в котором употребляется прозвище. Моральные, нравственные, этические нормы явно прочитываются в прозвищах, которые функционируют в том или ином регионе.

Традиционно устоявшиеся представления, продиктованные *эстетическим* взглядом на внешний облик человека, отвергают любые отклонения от нормы. Можно констатировать, что *норма*, будучи оценочным образованием, является самым важным в системе жизненных ценностей человека и тесно связан с эстетической оценкой. В этом случае идея нормы развивается по линии «положительная оценка» – «отрицательная оценка», «обидное прозвище» – «обидное прозвище», т.е. соответствует или не соответствует должному образцу.

Имена, взятые нами антропонимы из словаря Е.С. Отина [Отин 2006] которые отмечены как «узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией, употребление которого в русском языке

территориально ограничено» и примеры из тамбовских говоров, свидетельствуют, что в живой русской речи антропонимы, ставшие прозвищами «уважительных» смыслов не содержат, они высвечивают негативную характеристику. В основе этой характеристики лежат оппозиционные отношения: *внешний вид* (общее впечатление, опрятный/неопрятный), *рост* (высокого роста или низкого роста), *черты характера* (добрый или злой, тихий или беспокойный, веселый или грустный, ловкий или медлительный, умный или глупый), щедрый или жадный, серьезный или несерьезный, трудолюбивый или ленивый, *отношение к человеку* (уважаемый или неуважаемый). Например:

Акулька – неопрятная неаккуратная женщина. *Вот какими акульками ходили мы* [СРНГ-XXIII: 173]; [*У нас Акулькой бабу завУть, катОра неприбрА и галавА павЯзына плОха*] (с. Старя Казинка, Мич. р-н, запись 2011 г.);

Афанасий – о неряшливом человеке. *Афанасий беспоясый* [СРНГ, I: 294]: (*МавО брАта ГрИшкой завУть, а все к немУ: АфанАсий да АфанАсий. Яво все не любИли, дЮже грЯзный был*); *Вавила* – рослый, неуклюжий, нескладный парень [СРНГ- IV: 8]. *Ты настоящий вавило* (яроsl.); [*КулАчные баи были на Маслину, в субОту и на процЕный день воскрисЕню. Вот на ЭтИх баЯх, кто набИждал у нас звали ВавИла, патаму што у няво кулАк был бальшой*] (с. Большая Талинка, Тамб. р-н, запись 2010 г.);

Афоня – недалекий, простодушный, доверчивый, наивный человек. *Афоня видит и орла в выси, мечтает о жар-птице за хребтами* [Отин 2006: 70-71]; (*ХОдитъ наш АфОня, дУму дУмаетТ, так прОзвища АфОня и прилИпла к Ваньке, шабань тя вазьми, этъ у нас прИсказка такАя*) (с. Карай-Пущино, Инж., р-н, запись 2014 г.)

Маня/Манька – глуповатая женщина, неаккуратно одетая женщина. *Маня манькой* [*А заУть Аньку Маня-Манькой, нирАзвитая она, ни абразОвынная*] (с. Софьнка, Умет. р-н, запись 2009 г.).

Петряй – мальчик на побегушках; неразвитый, необразованный молодой человек [СРНГ-XXVI: 331]; [*У няво вОсимв клАссаф было, нидЭ ни учИ лся, а бЕгал и фсямУ селУ намагал. Так и звАли яво ПетрЯй вмЕста ИвАна*] (с. Гусевка, Гавр., р-н, запись 2000 г.)

Как свидетельствует материал, русскому миропониманию свойственно отношение к действительности с позиции невыделения приоритетов с положительной оценкой.

Данный факт свидетельствует о том, что все положительное воспринимается в народной среде как норма, а все отрицательное должно выделяться и подлежать высмеиванию. В данном случае можно говорить о том, что прозвища с семантикой оценочной характеристики объективируют содержание негативного характера.

Общие оценочные категории «хорошо» – «плохо» относятся к модусным категориям, которые «по своей природе связаны с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией и отражают интерпретативную модель мира. Они объективируют способы интерпретации знаний человеком и закрепляют механизмы этой интерпретации в системе языка в виде определенного формата знаний» [Болдырев 2006: 21].

Обращает на себя внимание, что использование данных имен выделяет внешние признаки человека, его эмоционально-психологическую характеристику и морально-нравственную. В связи с этим представляется возможным определить положительную характеристику человека, которая сводится к соответствию с идеалом: *добрый, чистосердечный, искренний, честный, спокойный, ловкий, быстрый, усердный.*

2.2. Концептуальные структуры знания прозвищ

Знание, стоящее за прозвищем, можно определить как знание когнитивной матрицы (по Н.Н. Болдыреву), открывающей доступ к нескольким концептуальным областям.

Использование понятия «когнитивная матрица» вызвано необходимостью передать строение «производного массива» прозвищ, их участия в процессе языкового отражения и формирования знаний о мире позволяет выявить, что к числу основных концептуальных областей, на основе которых интерпретируются их значения.

Термин «матрица» может служить для обозначения многоаспектности знания, множественности способов языковой репрезентации знания, вариативности контекстов употребления прозвищ.

Многоаспектность прозвищного знания позволяет говорить о знании матричного характера, системе взаимосвязанных когнитивных контекстов. Когнитивные контексты, в рамках которых происходит осмысление прозвищ, весьма разноплановы и индивидуальны. Например, если в просторечии имя *Яшка* употребляются для обозначения шпиона, то в современном жаргоне – это имя постового милиционера, неинтересного серого человека средних лет, лицо совкового (советского) человека, нарушителя границы и даже таракана. Площадь Свердлова (бывшая) в Москве), а также место, где раньше стоял памятник Якову Свердлову, у «*Яшки*» [Толковый словарь языка совдепии 1998: 682],

Матрица включает в себя любое число концептуальных областей, необходимых для актуализации значения прозвища, и позволяет отразить те или иные концептуальные области, которые служат источником актуализации значения прозвища. Рассмотрим структуру когнитивной матрицы антропонима (см. схему 1).

Матрица строится принципу «ядро – периферия», где в качестве ядра выступает прозвище, область периферии образуют основные взаимосвязанные контексты осмысления прозвища или концептуальные области, при обращении к которым происходит понимание того или иного прозвища.

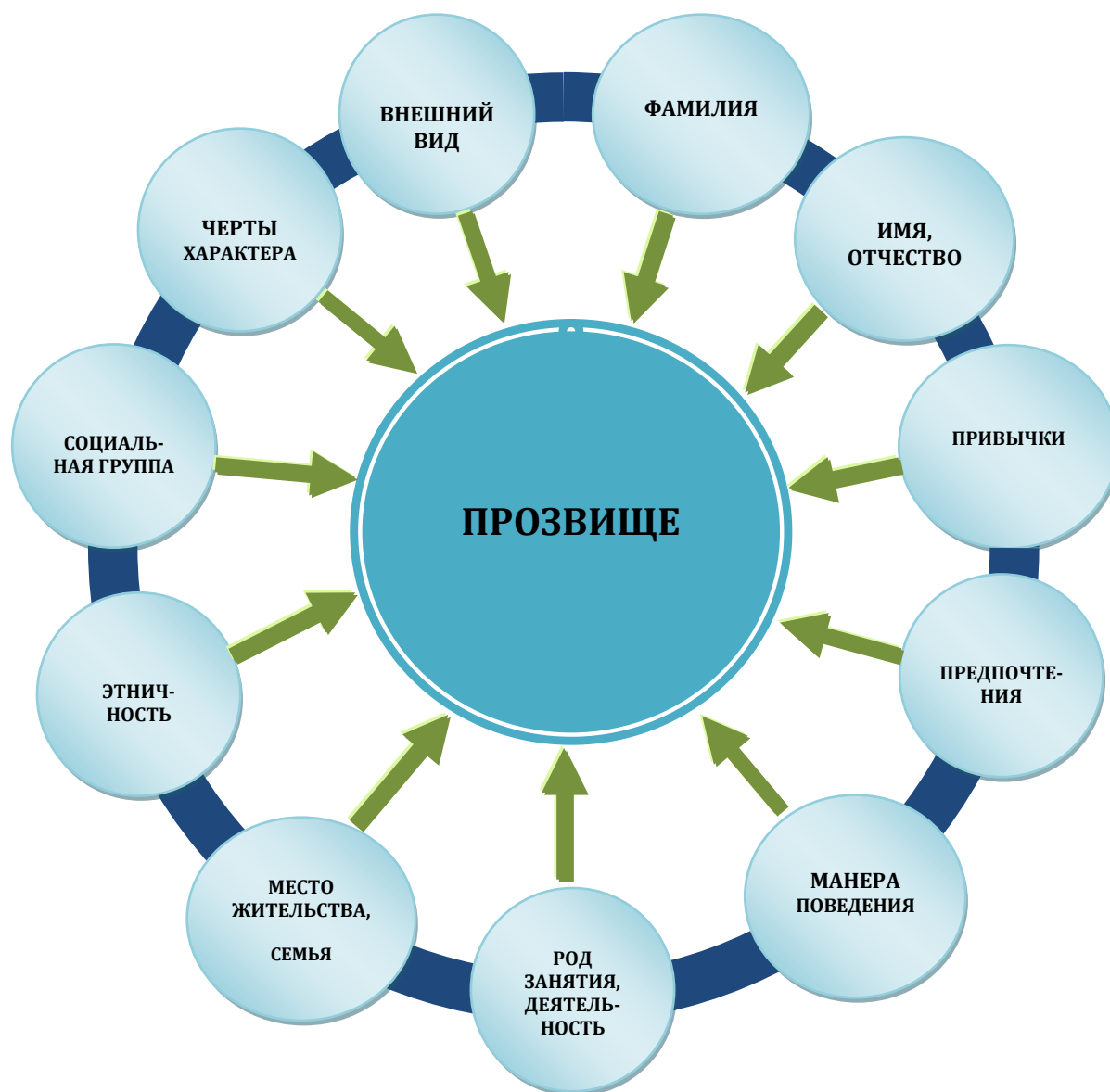

Схема 1. Когнитивные контексты матрицы ПРОЗВИЩЕ

2.3. Прозвища, отражающие знания о фамилиях

В сферу образования прозвищ вовлекается значительный фонд фамильных лексем. Из отмеченных на территории Тамбовской области (из 276 зарегистрированных отфамильных прозвищ на их долю приходится 98) наиболее частотным является создание прозвищ путем отбрасывания фамильных формантов *-ов, -ев, -ин, -ын, -ский, -евский, -овский*. Причем, фамилии эти в качестве прозвищной основы имеют как полные имена собственные *Исай* (Исаев), *Кирей* (Киреев), *Богдан* (Богданов), *Алым*

(Алымов), *Пахом* (Пахомов), *Мустафа* (Мустафин), *Мирон* (Миронов), *Михей* (Михеев), *Никита* (Никитин), *Мамонт* (Мамонтов), так и уменьшительные: *Яша* (Яшин), *Кузя* (Кузин, Кузьмин), *Аноша* (Анохин), *Афоня* (Афанасьев). Подобные прозвища не содержат негативную, неодобрительную или пренебрежительную окраску, высмеивающую своего обладателя, они относятся к числу нейтральных.

Однако влияние гендерного фактора, состоящего в закреплении имен собственных на мужские и женские, может послужить причиной того, что за прозвищем закрепляется негативная окраска. Например, такое прозвище, как *Гаврила*, дается девочке Гавриловой, что, несомненно, может послужить причиной затаенной обиды, ибо у этого имени – Гаврила, Гавриил, Гаврило – нет соответствующего женского варианта (ср. Ян – Яна, Евгения – Евгения и т.п.).

Также не обидны многие прозвища, которые были образованы путем отбрасывания формантов от фамилий, восходящие к нехристианским древнерусским именам и прозваниям: *Орел* (Орлов), *Зима* (Зими́на), *Сокол* (Соколов), *Дуб* (Дубов), *Волк* (Волков), *Кулик* (Куликов), *Гром* (Громов), *Журавль* (Журавлев), *Ястреб* (Ястребов), *Голубь* (Голубев), *Шуба* (Шубин), *Кулеш* (Кулешов), *Мороз* (Морозов), *Куница* (Куницкий), *Черныш* (Чернышов), *Поп* (Попов), *Король* (Королев), *Виноград* (Виноградов), *Грач* (Грачов), *Царь* (Царев), *Ждан* (Жданов), *Борщ* (Борщов, Борщевский).

Однако многие основы прозвищ восходят к апеллятивной лексике, которая в культурной традиции русского народа обладает соотносительностью с определенными устоявшимися в памяти народной когнициями, как позитивного, так и негативного характера. Ввиду этого прозвища, образованные путем отсечения формантов, делятся на прозвища позитивного характера и прозвища негативного характера.

Прозвища позитивного характера не только не обидны, но чаще всего тот, кому они даются, гордится ими, поскольку этому способствует

заложенное как в истории, так и в культуре народа представление об этом апеллятиве. К прозвищам позитивного характера относятся: *Маркиза* (Маркизова), *Цветок* (Цветкова), *Лебедь* (Лебедева), *Береза* (Березина), *Щегол* (Щеглов), *Кроха* (Крохин), *Малышка* (Малышкин), *Казак* (Казак), *Ноготок* (Ноготкова), *Зяблик* (Забликов), *Богатка* (Богаткин), *Муравей* (Муравьев), *Панаха* (Панахин).

Прозвища негативного характера, вызывая нежелательные ассоциации, могут быть достаточно обидными. К ним относятся *Выгуз* (Выгузов), *Крючок* (Крючков), *Бык* (Быков), *Москаль* (Москалев), *Садом* (Садомцев), *Пучок* (Пучков), *Ворона* (Вороновская), *Кулик* (Куликов), *Бабай* (Бабайцев), *Баран* (Баранов), *Барсук* (Барсуков), *Блоха* (Блохина), *Лопата* (Лопатин), *Кисель* (Киселев), *Галка* (Галкин), *Кочет* (Кочетков), *Кукушка* (Кукушкин), *Дубина* (Дубинкин), *Козел* (Козловский), *Щука* (Щукина), *Зверь* (Зверев), *Жеребец* (Жеребцова), *Воробей* (Воробьев), *Шип* (Шипов), *Ерш* (Ершов), *Карась* (Карасев), *Шмель* (Шмелев), *Сорока* (Сорокин), *Кощей* (Кощеев), *Мосол* (Мосолов), *Сарай* (Сараев), *Лапша* (Лапшин), *Прокуда* (Прокудин), *Шинок* (Шинков), *Сатана* (Сатанин), *Конь* (Коновальцев).

История вносит порой коррективы в понимание слова, например, с оттенком негативности звучит прозвище *Комиссар* (Комиссаров), хотя фамилия восходит к должности, существовавшей в России до революции.

С учетом гендерного фактора прозвище *Князь*, которое носит девочка по фамилии Князева, также следует отнести к роду негативных, ибо у слова *князь* имеется коррелятивная родовая пара *княгиня*. Если девочка, носящая прозвище *Маркиза* (Маркизова), втайне соотносит с дамой высшего света, то девочка по прозвищу *Князь* понимает, как и все ее окружение, что это только традиционное прозвание, соотносимое с фамилией и ни с чем больше.

От фамилий, относящихся к так называемым профессиональным, образуются прозвища как нейтрального, так и негативного характера. К

нейтральным, которые не вызывают обиды, ибо не отмечаются по сути дела в плане семантики от самих фамилий, относятся прозвища *Токарь* (Токарев), *Бондарь* (Бондарев), *Кузнец* (Кузнецов). Дело в том, что в некоторых случаях они могут бытовать как нестандартные фамилии, у которых нет формантов, поэтому эти прозвища и воспринимаются как фамилии. Однако некоторые профессии приобрели на данном этапе пренебрежительное к ним отношение, обрели негативную коннотацию, поэтому и прозвища, образованные от фамилий, восходящих к данной профессии, могут вызвать нежелательные ассоциации: *Пастух* (Пастухов).

Если прозвища образуются от фамилий, непосредственно восходящих к апеллиативам, не имеющих суффикса *-ник* как указателя на субъект, то такие фамилии могут вызвать самые разные ассоциации, исключая чаще всего указание на профессию: *Горшок* (Горшков), *Чугун* (Чугунов), *Башиак* (Башмаков). Апеллиативы *горшок*, *чугун*, *башиак* очень часто кладутся в основу довольно обидных прозвищ.

Отмечаются примеры омонимии на уровне апеллиативов, легших в основу фамилий и образованных от них прозвищ. В качестве иллюстрации можно привести следующие пары фамильных антрополоксем и прозвищ, полученных из этих фамилий: *Пятка* (Пяткин), *Немец* (Немцов). *Пятка* – часть человеческой ноги и *Пятка* – пятый сын у родителей; немец – житель Германии и *Немец* – немой, плохо говорящий или молчун. Таким образом, коннотация прозвищ и основ фамильных антрополоксем отличается, прозвища привязаны к конкретным денотатам, оттого и ассоциации, возникающие при их звучании, более определены, узнаваемы и порой обидны.

Единичен пример, когда отсечение формантов у антрополоксем обнаруживает не апеллиатив, а фамилию: *Сенько* (Сеньковская), которая не склоняется, следовательно, может принадлежать как женщине, так и мужчине.

Помимо изложенного выше способа (пути) образования прозвищ от фамильных антрополексем, существует и второй путь, который заключается в том, что усекаются не только форманты, но и суффиксы, относящиеся к основе тех имен и апеллятивов, от которых фамилии были образованы. При этом: 1) исчезает оттенок уменьшительности, ласкательности, если это касается уровня патронимических фамилий: *Вася* (Васюнин), *Гриша* (Гришунин); 2) исчезает оттенок официальности: *Боря* (Борисов). Иными словами, данные прозвища по сути нейтральные. То же происходит и при образовании прозвищ от фамилий, восходящих к апеллятивной лексике: исчезает оттенок уменьшительности, что приводит как к нейтральности прозвища – *Глаз* (Глазков), *Черемуха* (Черемушкин), так и к дестимологизации: *Мотор* (Моторнов ← *моторный*, в диал. «быстрый, подвижный»); *Зима* (Зимухин).

Имеются случаи, когда утрата суффикса производящей основы расширяет сферу применения прозвища: *Лиса* (Лисицын). Прозвище Лиса употребляется как для мужчин, так и для женщин, ибо в триаде (Лис – Лиса – Лисица) это слово (лиса) является немаркированным по роду.

Гендерная прикрепленность прослеживается при образовании прозвищ от фамилий Малышкина – *Малышка* и Малышкин – *Малыш*.

Как известно, профессиональные фамилии зачастую были образованы не от названия материала или получаемого продукта, а непосредственно от названия профессии, на что указывает соответствующий суффикс субъекта. В случае образования прозвищ от фамилий подобного рода путем усечения формантов и суффиксов субъекта получают либо нейтральные прозвища в силу нейтральности апеллятива – *Корабль* (Корабельников), либо прозвища, имеющие коннотацию позитивного или негативного характера в зависимости от культурной традиции и опыта, приобретенного народом за долгие годы бытования данных денотатов: *Барыш* (Барышников), *Аршин* (Аршинников), *Репа* (Репников), *Колесо* (Колесников), *Решето* (Решетников).

Достаточно распространенным в молодежной среде (особенно в студенческой) является образование отфамильных прозвищ по созвучию. При этом наблюдаются различного рода варианты:

– **Фамилия и прозвище созвучны по начальным звуковым комплексам:**

а) созвучны 4 звука: *Шумахер* (Шумаков), *Камбала* (Камбин), *Петросян* (Петрухин), *Клей* (Клейменов), *Мухомор* (Мухортов), *Копыто* (Копылов), *Маклауд* (Маклаков), *Шарик* (Шарин), *Свир* (Свиридов), *Шимаян* (Шимаков);

б) созвучны 3 звука: *Зема* (Земцова), *Беляш* (Белимов), *Синяк* (Синюшкин), *Шляпа* (Шлянников), *Черя* (Черников), *Бурда* (Бурмистров), *Тюльпан* (Тюлюкина), *Миф* (Мифтахов), *Кулеш* (Кулаев), *Кос* (Косманин), *Медик* (Медведев), *Кузя* (Кузнецов), *Сера* (Серов), *Була* (Булычев);

в) созвучны два звука: *Шишка* (Шигорева), *Чух* (Чурилов), *Жучка* (Жутов);

– **Прозвище образуется от фамилии с частичной заменой звуков:**

Кареш (Карева), *Шер* (Шаронов), *Кузен* (Кузнецов), *Катюня* (Катникова), *Чилик* (Чилюкин), *Зубр* (Зубарев), *Кузин* (Кузин), *Тимон* (Тиманчук), *Сверчок* (Свиридов), *Хома* (Хомяков), *Буханка* (Баханович). Как видно из примеров, данный вид образования прозвищ отмечен своего рода творчеством.

Еще ошутимее элементы словесного творчества, своеобразной словесной игры наблюдаются в тех случаях, когда принимается во внимание общий характер звучания. При этом может происходить перестановка (метатеза). Ср.:

Чермет (Черемисин), *Шикарjak* (Широков), *Щегол* (Щегловатов), *Кочерга* (Корчагин), *Картошка* (Коротков), *Черт* (Четвертков). Иногда прозвище создается из отдельных звуков, составляющих фамилию: *Эскимос* (Акимова), *Доцент* (Донцов), *Скунс* (Конкс), *Ящик* (Ятченко), *Хрыч* (Архаров), *Ветчина* (Вячина).

Интересны примеры, когда от одной фамилии образуется несколько прозвищ, которые даются одному и тому же человеку. Так, от фамилии Кудинова были образованы сразу два прозвища: *Кукс* и *Скунс*, причем их созвучие зиждется лишь на одном слоге -КУ, который обрастается новыми звуко-буквами при сохранении однослоговости прозвищ. От фамилии Сеничкин получены три прозвища: *Синичка* – пример созвучия фамилии и прозвища, *Семечка* – также говорит о созвучии, а уже от него на уровне синекдохи было образовано *Подсолнух*.

Имеются примеры, когда процесс творчества по созданию прозвищ основан на отсечении фамилеобразующего форманта, а затем полученное прозвище варьируется: (Чурсин) – *Чурс*, *Чупс*, *Чупа-Чупс*. Наиболее распространенный, однако, следует считать прозвища, образовавшиеся по созвучию с фамилией и подвергшиеся разного рода вариативным изменениям. Например, *Миллер*, *Мюллер*, *Мю* (Милюков); *Пикачу*, *Пиkachмок* (Ткачук); *Пологоловый*, *Полтергейст*, *Полтер*, *Полта* (Пелагеевский).

Образование отфамильных прозвищ может быть осуществлено при помощи суффиксов. Суффиксы, имея собственную значимость и определенную коннотативность, приносят это в прозвище, делая его более экспрессивно окрашенным.

В отфамильных суффиксально оформленных прозвищах наличествует отношение тех, кто дает прозвища, к тем, кому они даны. Так, например, прозвища, образованные суффиксами уменьшительно-ласкательными, естественно, говорят о позитивном отношении друзей к человеку, получившему это прозвище. Речь идет о таких образованиях, как *Солнышко* (Солнцев), *Гребешок* (Гребеньков), *Сухарик* (Сухаревич), *Дорик* (Дорохов), *Дубок* (Дубовицкий), *Роголёк* (Рогов), *Андрючок* (Андереев).

Следует отметить, что подобное отмечено на уровне как мужских, так и женских прозвищ: *Гусенок* (Гусев), *Паршенек* (Паршин), *Малек* (Малинин).

Могут быть одинаковые прозвища, у фамилий, восходящих к одному и тому же личному имени: *Гаврюша* (Гаврилов, Гаврин). При этом в данном прозвище прослеживается достаточно ощутимая связь с персонажем мультфильма о друзьях из Простоквашина – бычке Гаврюше.

Таким образом, когнция накладывается на суффиксальное образование, деля прозвище, несомненно, несколько обидным, несмотря на всю ласковость его звучания. *Степашка* – всем известный персонаж из любимой передачи «Спокойной ночи, малыши!», поэтому прозвище *Степашка*, данное Степанову, прежде всего ассоциируется у тех, кто его слышит, т.е. с телевизионным плюшевым зайцем.

Суффикс *-ашк* оформляет прозвище *Кондрашка* (Кондратьев), суффикс *-юх* вычленяется в прозвище *Матюха* (Матвеев), они делают прозвища слишком похожими на сокращенные имена, что, в принципе, адекватно фамилиям, которые восходят к личным именам Кондратий и Матвей.

Более экспрессивными являются женские прозвища. Известно, что суффикс *-их(а)* используется для оформления именованной женщины по мужу (фамилии, имени, профессии и т.п.). Ввиду существующей традиционной модели, прозвища старшеклассниц, оформленные при помощи суффикса *-их(а)*, воспринимаются несколько негативно в силу возрастного несоответствия: *Квичиха* (Квитковская), *Пирожиха* (Пирогова), *Чижиха* (Чижикова). Наиболее негативным получилось прозвище *Кабаниха* (Кабанова) ввиду ассоциаций с небезызвестной Кабанихой из драмы А.Н. Островского «Гроза».

Отмечены случаи замены суффиксов производящих основ фамильных антрополексем, что делает прозвище более позитивно окрашенным по сравнению с фамилией ввиду разной стилистической закреплённости суффиксов. Например, *Дробатушка* (Дробатухин), *Булдыжник* (Булдыгин), *Каныш* (Каныгин).

Замена суффиксов может изменить диалектно окрашенные основы на литературные: *Сибиряк* (Сибирцев), *Ласточка* (Ластовкина), *Колотушка* (Колотовкин), *Молчун* (Молчанов). Кроме того, замена суффиксов может повлечь за собой изменение производящих основ ввиду разных метонимических переносов: *Овсянка* – Овсянников (фамилия Овсянников восходит к именованию человека по роду его деятельности: *овсянник* – «человек, торгующий овсом или выращивающий его на продажу» [Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник 1998: 89].. Подобное отмечено в прозвище *Мельница* (Мельникова).

Иногда суффикс изменяет производящие основы до такой степени, что довольно затруднительно обнаружить между ними какие-либо связи, кроме созвучия: *Мурка* (Муравьева).

Влияние гендерного фактора наблюдается при образовании мужских и женских прозвищ от одной и той же фамилии: *Малютка* (Малюткина), *Малюта* (Малюткин). Мужское прозвище, как видно из примера, характеризуется отсечением суффикса. Аналогично: *Цыпа* (Цыплаков). И в этом виде отфамильных прозвищ зафиксирован случай, когда от одной фамилии образуется два прозвища: *Богданчик*, он же *Большой Бо*, потому что «он не только высокий, но и толстый» (Богданов). При образовании прозвищ используется и заимствованный элемент, например, *Кукляндия* (Куклева).

Большое количество отфамильных прозвищ, бытующих в молодежной среде, образовано путем разного рода переосмыслений, ассоциаций, лежащих в основе их жизненного опыта. Так, школьная программа по литературе, несомненно, помогла в создании таких прозвищ, как *Писатель* (Куприн), *Гришка* (Мелехов Александр). Мультфильмы натолкнули на появление прозвания типа *Незнайка* (Незнанова). География помогла создать *Маклая* (Миклухин).

Более сложные ассоциации, которые лежат в основе всякого рода метонимических переносов, наблюдаются в случаях замены апеллятива, к

которому восходит фамилия, другим, связанным с ним по смыслу. При этом наблюдаются случаи созвучия. Фамилия Кострюков восходит к прозвищу *Кострюк*, которое давали неуживчивому, «колючему» человеку. *Кострюк* созвучно апеллятиву «кастрюля», отсюда и прозвище *Половник*.

Иногда в качестве прозвища используется апеллятив, входящий в одну и ту же лексико-семантическую группу, что и апеллятив, лежащий в основе фамилии: *Булка* (Хлебникова); *Пароход* (Корабельников), *Конь* (Жеребятьев), *Гусь* (Селезнёв).

Разного рода ассоциации лежат в основе таких прозвищ, как *Мурзик* (Кошкин), *Пернатый* (Воронцов), *И-20-20* (Конева).

Иногда прозвища строятся на основе употребления просторечных и диалектных слов, в то время как в основе фамилий лежат общеупотребительные слова: *Чилик* (Воробьев) – слово *чилик* в тамбовских говорах отмечено в значении «воробей». Отмечены случаи, когда прозвища оформлены как фамилии: *Кочетова* (Курочкина). При этом замена слова диалектным нарушает гендерную соотнесенность: *кочет* в южных говорах означает «петух».

При переосмыслении основ фамильной антрополоксемы и прозвища, к ней восходящего, заметную роль играют созвучия, т.е. аудиальные ассоциации. Например, фамилия *Яцкова* в сознании номинатора увязывается со словом *яйцо*, отсюда и прозвище *Киндер-сюрприз*. Фамилия *Ледовских* ассоциируется со словосочетанием *две доски*, а *две доски* – это *Забор*. Чертовских стал *Чертополохом*, *Кожин* – *Кожаном*.

По созвучию, ввиду незнания некоторых устаревших или малоупотребительных слов, появились прозвища *Черкес* (Черкасов), *Чай* (Нечаев), *Квас* (Заквасов), *Подкидной* (Подкидышев), *Миرون* (Мирошниченко).

Четверток – так могли назвать четвертого сына в семье в Древней Руси. У школьников возникают ассоциативные связи с четвертью, а четверть – это *Чекушка*, отсюда *Чек* (Четвертков).

Особняком стоит прозвище *Гуля* (Голубева), где в качестве его использовано традиционное название голубя, возникшее из звукоподражательного слова, использовавшегося в качестве подзывания птицы – «гуль-гуль-гуль».

Прозвища могут быть образованы путем сложения основ и использования аббревиатур. Сложение основ при образовании прозвищ – явление, судя по тому материалу, которым мы располагаем, достаточно редкое. Но тем не менее говорит о богатом творческом начале, которое явно прослеживается в молодежной среде, особенно у школьников. Именно у них появилось такое прозвище, как *Монгол-татар* (Татаринов).

Оформленность прозвищ по типу двусловных сочетаний наблюдается в тех случаях, когда отфамильное прозвище, совпавшее с личным именем, вызывает определенные ассоциативные связи, которые и позволяют конкретизировать прозвище: *Богдан Титамир* (Богданов).

Отмечены случаи рифмованных прозвищ, которые совпадают по форме с дразнилками: *Брат Кондрат* (Кондратьев).

Сложение основ, широко распространено в молодежной среде, имеет своеобразную разновидность, которая состоит в том, что прозвище образуется путем соединения слогов или отдельных звуко-буквосочетаний фамилии и имени. К таким прозвищам следует отнести *Понса* (Попова Светлана), *Чепашка* (Чекаев Паша), *Колян* (Коновалова Оля), *Шакира* (Шакина Ира), *Мартон* (Марусин Антон). Для преподавательских прозвищ, помимо фамилии и имени, используется отчество: *Зена* (Земских Екатерина Николаевна). И все же для учительских и преподавательских прозвищ более популярным способом их создания являются аббревиатуры: *РАЯ* (Рябов Александр Яковлевич), *БЕС* (Башкиров Евгений Сергеевич), *ПАН* (Плахов Алексей Николаевич), *КВН* (Кособрюхов Владимир Николаевич), *СС* (Сергей Сергеевич).

Все прозвища, созданные сложением частей фамилий и имен, а также путем аббревиатур, вовсе не представляют собой набор звуков, это

вполне узнаваемые слова. Творцы прозвищ, видимо, к этому и стремятся: ведь простой набор звуков не имеет смысла, следовательно, словом не является. Именно поэтому при создании прозвищ подобного рода могут быть использованы такие фонетические изменения, как метатеза и оглушение конечного согласного с единственной целью – получить легко узнаваемое слово. Например, *ОРЗ* (Рудько Ольга Захаровна), *ФОК* (Фетисов Петр Григорьевич).

Реэтимологизация, т.е. процесс возвращения к первоначальному этимону, значению, также не редок при образовании отфамильных прозвищ. Многие фамилии в свое время были образованы от имен прилагательных, которые как бы вновь возрождаются в прозвищах. Например, *Курносая* (Курносова), *Косой* (Косов), *Милый* (Милов), *Белый* (Беляев), *Лысый* (Лысов), *Рыжий* (Рыжов), *Кислый* (Кисляков), *Седой* (Седов), *Синий* (Синицын).

Единичными являются следующие случаи:

1) «восстановление» в виде прозвища словосочетания, положенного когда-то в основу прозвища: *Редкий зуб* (Редкозубов);

2) использование краткой формы вместо полной формы прилагательного: *Бодёр* (Бодров);

3) учет гендерного фактора, который состоит в изменении родовой принадлежности апеллятива, легшего в основу фамилии и прозвища, относящегося к лицу женского пола: *Королева* (Королёва).

Таким образом, отфамильные прозвища бытуют в молодежной среде, особенно школьной, потому что именно в классах или аудиториях чаще всего обращение идет на уровне фамилий. И именно этим, видимо, можно объяснить факт превалирования прозвищ, образованных от фамилий. Кроме того, основы фамильных антропонимов очень разнообразны как в генетическом, так и в семантическом планах. Прозвища, восходящие к основам фамилий, отражают этические оценки, которые соотносятся

скорее с собственно этикой, нежели с культурой речи в приложении к антропонимике.

Как показывает материал, образование прозвищ от фамилий в основном идет на уровне подростковой и молодежной среды. Система прозвищ, образованных от фамилий, включает два типа единиц: собственно антропонимические единицы (*Муравей* по фамилии Муравьев) и онимизирующиеся (или способные к онимизации) номинативные единицы (насекомое *муравей* – прозвище *Муравей*, оценивающее трудолюбивого человека).

Прозвища, образованные от фамилий отсечением фамилеобразующих формантов, воспринимаются необходимыми в том случае, если этимология апплятивной лексики, легшей в основу фамилий, для современных носителей является непонятной, затемненной. Аналогичное следует сказать и о диалектных словах, лежащих в основе фамилий: *Шамай* (Шамаев), *Ярец* (Ярцев), *Шлень* (Шленев), *Чепай* (Чепаев). В таком случае эти прозвища воспринимаются как некий набор звуков, не связанный с каким-либо конкретным значением.

Таким образом, прозвища, связанные с оценкой, которые восходят к основам фамилий, создаются путем отбрасывания фамильных формантов, путем отбрасывания суффиксов и прибавления суффиксов, по созвучию, на основе переосмысления, сложения основ, аббревиатур и реатимологизации.

Прозвищами, не связанными с оценкой, оказываются те, которые «совпадают» с так называемыми нестандартными фамилиями, у которых нет формантов (например, фамилии *Касьян*, *Шныга*, *Шнырь*, *Заяц* и прозвища *Касьян*, *Шныга*, *Шнырь*, *Заяц* [Нестандартные фамилии Тамбовской области 2004: 29, 40].

Эти прозвища не отличаются в плане семантики от самих фамилий, поэтому прозвища и воспринимаются как нейтральные. Из восьми тысяч фамилий, оформленных с помощью суффикса *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-ский*, *-ской*, *-их*,

-ых, -ой, -ий, которые считаются традиционными в русской ономастической системе, лишь двести шестьдесят восемь фамилий (3,5 % от общего числа проанализированных фамилий) являются нестандартными. По своему происхождению нестандартные фамилии на территории Тамбовской области в большинстве своем тяготеют к апеллятивной лексике. Ср.:

Фамилия *Буня* [Нестандартные фамилии Тамбовской области 2004: 24], прозвище *Буня* и диалектное слово *буня* в значении «спесивый человек». [*Идёт ны парЯтку нАша бУня», – эт гыварИли так пры тавО, кто дюжа гардИца.*] / с. Глуховка, Гавриловский район, Чертилина З.Т., 1926 г.р., запись 202 г./ [Словарь тамбовских говоров 2006: 44].

2.4. Прозвища, репрезентирующие личные имена

С принятием христианской религии в X веке Русь получила практически сложившийся христианский именник. По этой причине личные имена для русских были немотивированными. Кроме того, закрепившиеся в русском традиционном именнике заимствованные имена немногочисленны, оттого и часто повторяются.

Если мы говорим: это Иван, то нас в данном случае интересует то, что перед нами конкретный человек по имени Иван. Предельная конкретность, единичность являются главными признаками имени, которое индивидуализирует именуемое. Самое большое число отыменных прозвищ дает созвучие имен и некоторых апеллятивов. В этих отыменных прозвищах можно вычленить следующие подвиды:

1) созвучие:

Традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени Петр – Петя и слова Петя, которое можно считать кличкой петуха, что отражено в устном народном творчестве: *Петя-петушок*. Ср.: *Петя* – отсюда прозвище *Петух*. Так, традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени *Петр* – *Петя* и слова

Петя, которое можно считать кличкой петуха. Например: «*Петя, Петя, петушок, золотистый гребешок*», «*Петушок-золотой гребешок*», «*Петух поневоле запоёт, коли говорить не умеет*», «*Петух скажет курице, а она - всей улице*», «*Петухи зори не просят*», «*Петуху ячменное зерно жемчужины дорожке*», «*Петушок – золотой Гребешок*» «и др. В этом случае можно говорить о таком явлении, как коннотация, в результате которой происходит логическое выделение информации, базирующейся на знании субъекта действительности, стоящей за именем собственным производящим и его концептуальным пространством (структурой).

При изучении тамбовских говоров, С.В. Пискунова отмечает устойчивость употребления формы существительного в именительном падеже единственного числа *коч* от слова *кочет* в значении «петух» и подчеркивает, что «так называли всех с именем Петр, Петя и мужчин с горделивыми, высокомерным характером» [Пискунова 1985: 107].

[*Сам-та у нас хадИл как коч. ВышАгиваить – все баБы так и пЯлюца на нявО. Шыпка гОрдый был, да вАжный. АнаслЯ выйнЫ мужукИ на вес зОлота были. Бабы на них вЕшались... Да как пЯтух знАчить. Коч – эт пятУх. Коч вышАгиваит, аднавО вить в курЯтнике дуржуть. И мой тАх-та, как коч адим на фсю дерЕвню.*] /с. Семеновка Ржаксинский р-н, Понкротова М.Ф. 1923 г.р., запись 1989/ [Словарь тамбовских говоров 2003: 87].

2) рифмованные дразнилки: *Обезьяна* (Яна), *Хрюша* (Андрюша);

3) совпадение звучания имени и апеллиатива: *Дыня* (Дина), *Соловей* (Слава), *Пахан* (Павел);

4) встречаются и прозвища такого типа, которые имеют так называемый местный колорит: *Питирим* (Петр). Имя Питирима, архиепископа Тамбовского, жившего в XVII веке и причисленного к лику святых в начале XX столетия, на Тамбовщине известно каждому жителю области;

5) метатеза помогла образовать прозвище *Саян* (Саня);

б) созвучными оказываются не полные личные имена, а уменьшительные их формы: *Леший* (Алексей – Леша), *Гаврила* (Игоря - Гаря);

7) удвоение слога: *Лёлё* (Алеша).

При образовании отыменных прозвищ огромную роль играют переосмысления, т.е. нахождение связей между именами и фамилиями, в которых прослеживаются некие сходные признаки. Например, *Онегин* (Евгений), *Пушкин* (Александр Сергеевич), *Гагарин* (Юрий Николаевич), *Клювдия* (Клавдия). Последнее прозвище основано на сходном звучании имени Клавдия и утки Клювдии их мультфильма. Прозвище *Кристи* (Кристина), несомненно, восходит к созвучию имени Кристина и фамилии известной английской писательницы Агаты Кристи.

Подобные прозвища достаточно прозрачны, поскольку в них отмечен тот опыт, который приобретен, например, школьниками за годы их жизни.

Прозвища могут быть образованы и от отчества. Преподавателя математики, которую все боятся, прозвали *Кондрашка*, и не только по тому, что ее отчество Кондратьевна, но и потому, что от ее взгляда, как говорят студенты, «*может кондрашка хватить*»

Так же, как и в отфамильных прозвищах, в отыменных встречаются такие, которые образованы по типу аббревиатур: *БД* (Борис Дмитриевич), *Зене* (Зинаида Петровна), она же *Зенешка*, *ВЭН* (Владимир Николаевич), *СС* (Сергей Сергеевич) [из опроса студентов Института филологии и журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина].

Прозвища образуются от личных имен и отчеств при помощи суффиксов, причем выбор их зависит от отношения (негативного или позитивного) друзей к тому, кто получает это прозвище. Например, достаточно позитивным можно считать отношение к тому, кто носит прозвище *Иваныч* (Иванович). Более негативным следует считать отношение к человеку, имеющему прозвище *Аркашка* (Аркадьевна) и

Петрушка (Петровна). Особенно обидным следует признать прозвище *Петрушка*, поскольку в опыте народа имеются прочные ассоциативные связи с именем персонажа народного лубочного искусства и театра.

Так же, как и в отфамильных прозвищах, в отыменных встречаются такие, которые образованы по типу аббревиатур: *БД* (Борис Дмитриевич), *Зене* (Зинаида Петровна), она же *Зепешка*, *ВЭН* (Владимир Николаевич).

Встречаются и случат сложения частей имени и отчества: *Тайсон* (Таисия Алексеевна).

Единичен пример сложения начальных частей имен двух закадычных друзей: *Васген* (Василий и Геннадий).

Кроме вышеперечисленных прозвищ, образованных с помощью суффиксов, есть и такие, в которых вычленяются элементы, похожие на суффиксы, но окказиональные, созданные детской фантазией. К подобным прозвищам относятся *Михкень* (Михаил), *Мишанья* (Михаил), *Полюция* (Полина).

Только на уровне отыменных прозвищ отмечены их образования от имен родственников. Мальчика, похожего внешне на деда, которого все любят, зовут *Тишаня* (деда зовут Тихон или Тишаня). Мальчика, маменькиного сынка, ябеду и плаксу, называли *Людкин* (маму зовут Людмила).

Достаточно часто встречаются прозвища, где в качестве своеобразных конкретизаторов выступают имена личные: *Женя Негазуй* («тракторист, водит трактор обычно на очень большой скорости»). Отношение к тем, кому даны эти прозвища, легко определить по суффиксам, в них имеющимся, а также по словам «сварной» и «газуй» в прозвище *Саша Сварной*. Слово «сварной» совпадает по звучанию с диалектным словом «сварливый» в значении «склонный к ссорам, вздорный», является субстантивированным прилагательным. Таким образом, прозвище представляет собой каламбур, основанный на одинаковом звучании корней -СВАР:

- 1) сваривать («соединять с помощью сварки металлические части»);
- 2) свара – ссора, бань, раздоры, драка [Даль, Т. IV: 145].

Прозвище *Женя Негазуй* содержит в себе просьбу, пожелание и может рассматриваться в качестве способа профилактического воздействия на того, кто ездит на недозволенной скорости. Подобное явление было широко распространено в русской ономастической традиции прошлого. Об этом свидетельствуют вычленяемые из фамильных атрополексем имена, входившие некогда в состав древнерусского именника. Например: Неплюев ← *Неплюй*, Негрей ← *Негрей* и др.

Отыменные прозвища наиболее активны в студенческой среде (в полтора раза больше, чем отфамильные). Обидная или необидная информация (позитивная или негативная), заключённая в прозвище при его воспроизведении и восприятии, оказывается зависимой от социальных и этических установок и ценностных ориентиров коммуникантов.

2.5. Репрезентация знаний тамбовскими прозвищами о внешнем виде человека (визуальный тип)

Одна из зрительных ассоциаций, являясь общечеловеческой, основана на четком осознании физической природы человека (его тела). Прозвища, восходящие к характеристике человека по его внешним признакам, физической природе, относятся к числу самых древних именовании человека: на раннем этапе развития человечества они бытовали как имена [Wójtowicz 1986: 63-116]. Обычно они связаны с визуальной оценкой облика человека, которая, однако, выводится лишь из соответствия/несоответствия внешних черт человека тому стандарту, который традиционно складывается у любого народа за долгие годы его культурно-исторического развития.

Визуальная оценка идет по линии детальной характеристики внешности человека, причем, что особо важно отметить, вступает в силу такой когнитивный признак, как «соответствие/несоответствие»

стереотипу, сложившейся норме в определенном сообществе людей в течение длительного периода.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на человека, – это его рост, причем, с добавочной семой «худоба». Худой в русской традиции значит больной, плохой, поэтому и прозвища высоких и худых людей отличаются многообразием. Высоких, худых нескладных мужчин зовут *Фитиль*, *Дрын*, *Ветелка*, *Шалыга*, *Угрюмый*, *Длинный*, *Лапша*, *Гвоздок*. Прозвища типа *Дрын*, *Шалыга*, *Ветёлка* имеют прозрачную внутреннюю форму для тамбовских жителей.

Так, *ветёлка* – это «придорожная ива с длинными тонкими ветвями» [*Вятёлки фсяда нь бирягАм рек растУть, а у нас на дварЭ вятёлка растЁть.*] / с. Быковка Моршанский р-н, Рябова А.С., 1937 г.р., запись 2015 г./.
Дрын – это «тонкая длинная палка», которой погоняют «скотину» [*У сарАя дрын завсягда стаИть. Када скатИну выганЯишь эт тОнкая длИнная пАлка нужна.*] (с. Гусевка Гавриловский р-н, Козлова А.П., 1847 г.р., запись 2014 г./.

Дрын – это худой человек. [*Он худОй ды такОй стЕпени был, што када раздЕница, у нивО прям все косьти видАть бЫла. Так и кАжица, щас Если вЕтир падУитъ, то пирилОмитъ йивО. Вот так и завали е йивО дрЫном.*] (см. Донское, Тамбовский р-н, Кузнецова В.П., 1930 г.р., запись 1997 г. [Словарь тамбовских говоров 2006: 67].

Прозвище *Фитиль* можно считать почти традиционным, так же, как и *Длинный*. А вот *Угрюмый*, *Лапша*, *Гвоздок* требуют объяснений. «Угрюмый – «высокий, худой, нескладный молодой преподаватель, он ходит так, как будто стесняется своего роста, своей худобы, почти не улыбается»; *Лапша* – «длинный, худой, как лапша Роллтон»; *Гвоздок* – «длинный, худой, а голова большая, как шляпка у гвоздя, но он очень обаятельный, поэтому он не гвоздь, а гвоздок»». Эти три прозвища созданы в студенческой среде, в которой появляются новые ассоциативные связи, что, несомненно, влияет на выбор тех апеллятивов, которые

порождают довольно любопытные прозвища. Больших, т.е. высоких и крупных, крепких, называют *Шкаф*, *Амбал*, *Лось*, *Слон*, что становится почти традицией [из личной картотеки].

Интересно отметить, что в молодежной среде зафиксировано прозвище *Слоник*. В чем отличие *Слона* от *Слоника*? Оказывается, *Слон* – «высокий, крупный, просто огромный», а *Слоник* – «только высокий, а телосложение нормальное». Женщину крупного телосложения, высокую и полную, могут звать *Бочка*, *Машка-Бомба*, *Колхида*. Причем, последнее прозвище особенно любят городские жители.

Человека высокого, с раскатистым голосом зовут *Гром*, что, возможно, следует соотносить как с громоподобным голосом, так и со словом громила. *Жилян* – это «высокий, худой, но жилистый человек». Оба прозвища родились в молодежной среде, на них, по свидетельству информаторов, никто не обижается (из опроса студентов Института архитектуры, строительства и транспорта Тамбовского государственного технического университета города Тамбова).

В сельской среде жить без детей считалось почти позором, поэтому прозвище *Мерин*, которые получил от односельчан высокий, сильный, крепкий, но бездетный мужчина, довольно обидное. Жену его зовут не иначе, как *Мериниха*. Понятно, что подобное прозвище тесно связано с крестьянским бытом. [*У нас на селе Стяпана меринком зовут, а жану явО миринИхай, а ана КатирИна, у них дитей нет. Биз дитЕй плоха.*] [д. Барановка, Петровский р-н, Спешинская А.Ф., 1944 г.р., запись 2013 г./.

Заметим, что наиболее экспрессивными в тамбовских говорах являются женские прозвища с суффиксом *-их(а)*, они используются для оформления наименования женщины по мужу (фамилии, имени, профессии и т.д.). Например, женское прозвище по прозвищу отца: *Калачиха* (отец пек на продажу калачи, его звали Калачом). В большинстве своем такие прозвища, как *Лавриха*, *Маслиха*, *Комариха*, *Пизиниха*, *Рогачиха* (с. Степанищево, Первомайский район, Кириллова В.Д., 1936

г.р., запись 2012 г.) воспринимаются несколько негативно [Потапова, Щербак 2008: 394-385].

Прозвище *Каркуша*, появившееся в молодежной среде, дано высокой, худой девушке, настолько смуглой и манерной, что делало ее похожей, по мнению одноклассников, на знаменитую телевизионную ворону Каркушу (из опроса учащихся школы № 7 г. Тамбова).

Низкий рост, т.е. маленький рост, если он значительно ниже стандарта, также вызывает к жизни прозвища, восходящие к разного рода апелляциям. В зависимости от отношения к людям маленького роста, которые выражаются в выборе апеллятивной лексики, лежащей в основе прозвищ, последние могут быть как нейтральными, так и экспрессивно окрашенными.

О том, что в прозвище, несомненно, угадывает отношение к человеку, свидетельствует факт изменения плана выражения прозвища как своего рода знаковой единицы. Молодого человека, который в школе носил обидную кличку *Шмакодявка*, в студенческие годы стали звать *Шмаком*, потому что он, когда посерьезнел, приобрел уважение товарищей, стал, по их словам, взрослым, солидным (из опроса студентов Института архитектуры, строительства и транспорта Тамбовского государственного технического университета города Тамбова).

К нейтральным прозвищам, которые даются людям за маленький рост, следует отнести *Малой*, *Малик*, *Малян*. Их внутренняя форма достаточно прозрачна, суффиксы -ИК и -ЯН не вносят какой-либо особой коррективы в содержательную структуру прозвищ, если не считать того, что они приносят в общее значение этих слов элемент приятного отношения того, кто прозывает человека. Более экспрессивными можно считать те прозвища, в которых имеется связь с апелляциями, имеющими традиционно устоявшуюся коннотацию: *Филиппок*, *Наполеон*. В молодежной среде появляются *Децл*, *Теленузик*, причем последнее прозвище дано девушке. В этой же среде появляется рифмованное

прозвище *Юрок-полторок*, которое воспринимается прозвищеносителем как обидное (школьник Юра был маленького роста). Причиной негативности прозвища можно считать тот факт, что это рифмованное прозвище, которое воспринимается как своего рода дразнилка, типа: «*Жадина-говядина*».

Негативными следует считать те прозвища, в которых существует связь с апеллятивами, имеющими по традиции отрицательную оценку: *Сморчок*, *Копчик*. Молодежь более изобретательна в присвоении прозвищу, ибо в данном случае обычно присутствует хорошо просматриваемое и осязаемое творческое начало. *Чек* (от чекушка, т.е. четвертинка), *Земляк* (от земля, т.е. почти не возвышающийся над землей). *Букашка* (очень маленький молодой человек), *Гном* (очень маленькая девушка).

В основу образования прозвищ людей маленького роста могут быть положены, помимо семы «маленький» и другие семы. Особенно часть дополнительной является сема «худоба, тщедушность». *Старичок* (молодой мужчина, маленький, худой, похож на старичка), *Козявка* (маленькая, худая), *Козявочка* (маленькая, худая, но всеми любимая). Доля симпатии есть и в прозвище *Стопарик*, которое дано мужчинами другу и только у них в ходу. Более обидными являются молодежные прозвища *Карманный*, *Цыплок*, *Тушканчик*. Оба последних прозвища принадлежат девушкам.

Маленьких, толстых часто зовут *Карлсон*, *Шарок*, *Пупок*. Маленьких, невзрачных наделяют прозвищами *Сергея Щукарь*, *Пупырь*, которые бытуют в молодежной среде. Здесь же возникло и прозвище *Крот* (молодой человек с узкими глазами).

Становится традиционным прозвище *Блоха*, которое дается представителям как мужского, так и женского пола, если они маленькие, черноволосые, подвижные (отмечено прозвище *Блоха* и по фамилии Блохин). Маленький, с большой бородой – *Хоттаб* (от Хоттабыч);

маленький, трудолюбивый – *Муравей*; маленький, широкоплечий – *Поддубный*; маленький, кряжистый – *Комель*; маленький, крепенький – *Грибок*. Последнее прозвище принадлежит очень симпатичной, по мнению друзей, девушке. *Крошка* – так зовут маленькую, но очень симпатичную, девушку (из опроса студентов института филологии и журналистики ТГУ имени Г.Р. Державина).

Сема «сходство» в сочетании с семой «маленький» присутствует в прозвище *Фиделька* («он похож на Фиделя Кастро, но очень маленький, поэтому Фиделька»), прозвище *Винни-Пух* возникло вследствие того, что мальчик был маленьким, толстым, кроме того, его звали Вениамин.

Преподавательские прозвища могут свидетельствовать об изобретательности их подопечных: *Синичкой* зовут преподавательницу химии за маленький рост и щебечущий голос; *Колибри* – маленькую учительницу английского языка с высокой грудью, *Молекула* – это прозвище преподавателя физики, маленькой и очень подвижной (из опроса учащихся МОУ школы № 3 г. Тамбова).

В молодежной среде популярны так называемые «прозвища для двоих». Например, *Мелким* зовут одного из братьев, рост у которых средний, того, кто на два сантиметра ниже, зовут *Мелкий*. *Слон* и *Моська* – очень высокий парень, а его девушка очень маленькая. *Полтора* – два друга, рост одного приближается к 2 метрам, а у другого не превышает 1,5 метров.

Встречается энантиосемия: *Малый* и *Малыш*, оба прозвищеносителя почти двухметрового роста. Подобное явление встречается в любой среде, прозвища *Бэби*, *Дюймовочка*, которые относятся к высокому, полному парню.

Иногда прозвище, данное матерью своим детям, закрепляется за ними: трех братьев, толстеньких, маленьких, румяных, зовут *Нуф-Нуф*, *Ниф-Ниф* и *Наф-Наф*.

Таким образом, значение прозвищ, содержащих характеристику человека по его внешним признакам, физиологическому облику, отражают как концептуальное представление, знание об именуемых, так и способ хранения этого знания в голове человека.

2.5.1. Оппозиция *толстый* – *худой* как оценка человека

Как излишняя полнота, так и излишняя худоба в русской традиции считалось всегда недостатком не только внешности человека, но и было свидетельством его возможности трудиться.

Толстый человек не только не отличается красотой, но он, скорее всего, был лентяем, белоручкой. Худой человек, видимо, больной, что тоже не способствует тому, чтобы трудиться. В тамбовских говорах «квёлый» отмечается в значении «слабый, хилый, болезненный» [*МальчОнка у ней квЁлый радИлся.*] / с. Бокино, Тамбовский район, Шиндяпина А.А., 1926 г.р., запись 2002 г. / [Словарь тамбовских говоров 2006: 83].

Прозвища, данные по признаку «полнота», бытующие в Тамбовской области, значительно превышают объем прозвищ, данных по признаку «худоба». О большом и грузном, плечистом человеке говорят *Шкаф*, о высоком – *Столб*, *Фонарь*, *Верста Коломенская*. Полных, пухленьких людей преследует целый шлейф метафорических прозвищ, которые можно объединить авторами-составителями словаря в лексико-семантическую группу «хлебобулочные изделия». Среди них: *Пончик*, *Пышка*, *Плюшка*, *Колобок*, *Батон*, *Ромовая Баба*, *Пельмень* и др. Эти прозвища не требуют особого пояснения, поскольку они стали почти традиционными в прозвании людей, Здесь напрашивается не только визуальная аналогия, но и скрытое представление о внутренней связи предметов и явлений (Ср. с пословицей: «Что съешь, на то и будешь похож»).

Женских прозвищ данного типа значительно меньше: *Пышка*, *Толстуха*. Прозвища, полностью совпадающие с апеллятивной лексикой –

Пузо, Сало, могут вызвать и чаще всего вызывают обиду со стороны тех, кому они даны, и не только потому, что апеллятивы, к которым эти прозвища восходят, обладают негативной окрашенностью, но и свидетельствуют о пренебрежительном отношении к ним тех, кто эти прозвища дает. *Колобок, Пончик, Пышка* связаны с такими апеллятивами, которые в народной традиции считаются приятными, дающими радость и наслаждение.

Суффиксальная оформленность прозвища *Пузан* делает его менее обидным, чем *Пузо*. Возможно, это объясняется тем, что прозвища *Пузо/Пузеньё* омонимично апеллятиву, вызывающему негативное к нему отношение, что переносится и на носителя прозвища. Суффиксы привносят в семантическую структуру слова дополнительную коннотацию, что делает прозвище менее обидными. Прозвища, имеющие в своей основе апеллятив *пузо*, отличаются разнообразием и отмечены в молодежной среде: *Пузырек, Телепуз* (он же *Пончик*).

У представительниц женского пола школьного возраста зафиксированы такие прозвища, как *Толстопузик, Бомбермен* (от бомба). Последнее прозвище носит девушка-старшеклассница, которая, несмотря на свою полноту, очень подвижна и великолепно танцует, обладает несомненным чувством ритма. Этим она вызывает симпатии друзей, именно поэтому она не *Бомба*, а *Бомбермен*.

Имеются прозвища, которые являются своеобразными синонимами к уже имеющимся в народной традиции, привычными. Подобное происходит потому, что часто употребляющееся прозвище как бы семантически обесцвечивается, не имеет должной экспрессии, которая, несомненно, должна присутствовать на уровне прозвищ. Именно поэтому наряду с *Бутузом* появляются мужские прозвища, распространенные в молодежной среде: *Пуж, Пужик*. В этой же среде появляются *Пухлый* («толстый, как борец сумо») и соответственно метафорическое *Борец*, а

также суффиксально оформленное *Пухлик* (из опроса учащихся МОУ школы № 3 г. Тамбова).

Метафоричны прозвища *Вилок, Арбуз, Батон, Жбан, Раскладушка*, в которых ощущаются скрытые сравнения: «круглый, толстый, с большим животом, настоящий арбуз»; «белый, толстый, мягкий, как батон с круглыми боками». Апеллятивы, входящие в лексико-семантическую группу «хлебо-булочные изделия», легко ложатся в основу прозвищ, бытующих в любой возрастной среде, и, как правило, закрепляются за представителями женского населения. Это *Ромовая баба, Булочка, Плюшик* (от Плюшка). Последнее зафиксировано в молодежной среде, где суффикс *-ик* в равной мере оформляет как мужские, так и женские прозвища: *Жирик* – толстый парень и толстая девушка.

В качестве дополнительного признака при рождении прозвища выступает его созвучие с фамилией *Колобок* (полный мальчик по фамилии Колотушкин).

Гендерная закреплённость прозвищ не всегда связана с категорией рода. Так, мужчину зовут *Пятитонка*, а учительницу, очень полную и неповоротливую, ученики прозвали *Автобус*. Разные ассоциации положены в основу следующих прозвищ, отмеченных в молодежной, особенно школьной среде: *Ментюк* («в селе живет милиционер, очень толстый; толстого молодого человека нарекли *Ментюк*»); *Чинарь* («чинный, важный, как человек, имеющий высокий чин»); *Бургомистр* («бургомистр, по понятиям школьников, всегда толстый, с большим животом»).

Иногда прозвища даются по каким-нибудь двум признакам, отличающим данного человека, что наблюдается в любой возрастной среде: *Боров* (толстый, важный парень), *Торпеда* (толстый, но подвижный парень).

Как указывалось выше, прозвищ у худых людей отмечено меньше, однако и по семантике и по экспрессивной окрашенности они богаче. Так,

традиционные *Скелет* и *Кощей* существуют наряду с такими молодежными прозвищами, как *Сухарь* (он же *Сушка*; ср.: *Дырка* (бублик круглый, и он дырка от бублика); *Троф* (сокращение от дистрофик); *Вермишель*, *Балерун* («худой парень, да к тому же тонконогий»).

Женских прозвищ меньше: *Шнурок*, *Масяня*, *Двадцатка* («худая, как доска в 20см»).

Отмечается и энантиосемия: *Жирный* (худой).

2.5.2. Оппозиция *сильный* – *слабый* как оценка человека

Понятия «сильный», «здоровый», «крепкий» в сознании русского народа ассоциировалось с человеком положительным, настоящим мужчиной, хотя наличие одной только силы без каких-либо положительных качеств еще отнюдь не возводилось в ранг прежде всего мужских достоинств. Прозвищ, которые давались физически сильным людям, на Тамбовщине зафиксировано очень незначительное количество, причем основаны они практически на двух и более признаках. Например, *Мерин* (сильный, здоровый крепкий, выносливый); *Лобан* («сильный, мощный»); *Балу* («сильный, добрый»). Прозвища *Мощный*, *Кача* (качок) в комментариях не нуждаются, их этимология прозрачна. Только одно прозвище принадлежит женщине: *Терминатор* («сильная, огромная, мужеподобная»). Сила в число женских достоинств в русской традиции, как, впрочем, и в мировой культуре, не входила и не входит. Сильная, по-настоящему сильная, женщина – это нарушение общепризнанного стандарта, отсюда и это сугубо мужское прозвище.

Прозвище, данное слабому человеку, зафиксировано в единственном числе и построено оно по принципу энантиосемии: *Шварц* (от Шварцнеггер) [из опроса учащихся МОУ школы № 12 г. Тамбова].

Возможно, отсутствие большого числа подобного рода прозвищ, зиждется на этических нормах русского народа.

2.5.3. Отражение в прозвищах характеристики внешности человека по анатомическим параметрам

Как было отмечено, высокий/низкий, толстый/худой, сильный/слабый – эти признаки, которые первыми бросаются в глаза, относятся к составляющим общее впечатление о человеке. Однако есть и более детальные отличия одного человека от ряда ему подобных. Общепринятая классификация номинации человека включает:

а) *волосы*

Эти детальные признаки материально выражаются, например, при оценке многих частей человеческого тела и в первую очередь волос: форма прически (*Кудряшка, Лысый, Сноп*), цвет волос (*Рыжий, Рыжуха, Блондин, Цыган*) [*МужЫк был мой чЕрный, кудрЯвый, как цыгАн. Так прынявО и гыварИли: «САшка-цыгАн идеть».*] / с. Семёновка, Токаревский р-н, Крылдова А.Р. 1927 г.р., запись 2000г./ [Словарь тамбовских говоров 2006: 172].

Привычным глазу и традиционно русским принято считать русский цвет. Такой цвет волос, как рыжий, сразу бросается в глаза: человек, у которого такой цвет волос, выпадает из русского понятия красоты. Отсюда и прозвища, традиционное *Рыжий* и разного рода сочетания слов, в состав которых в качестве обязательного входит это слово рыжий: *Рыжий батюшка* («в селе поп был Рыжий, мальчика стали звать Рыжий батюшка», Тамб. р-н); *Саша Рыжий; Рыжий Ап* («рыжая, нескладная, но очень обаятельная девушка», Мич. р-н). Есть прозвища, в которых звучат оттенки рыжего цвета: *Медный, Огонек* (Сосн. р-н).

В молодежной среде бытует прозвище, данное девушке за очень густые натуральные рыжие волосы, *Шашлайон* (Shage Zion – персонаж одного из мультфильмов).

Светлые блондины такая же редкость, как и рыжеволосые. Они получают прозвища *Белый, Серега Белый, Белка, Белобрысый, Седой*.

За волосы пепельного цвета молодой человек мог получить прозвище *Серый*. Видимо, оттого, что у мальчика были волосы настоящего русого цвета, его стали звать *Русак*.

Отмечено и двойное прозвище. *Хлеб* и *Батон*, которое было присвоено двум друзьям, один из них – темноволосый, другой – блондин.

Случай энантиосемии наблюдается в прозвище *Черный*, которое было дано белобрысому человеку.

Отличаются особой экспрессией прозвища, которыми называют людей, меняющих свои естественные волосы, особенно, если эта попытка оканчивается неудачей: *Чернобыль* («девушка, сделавшая экстравагантное мелирование»); *Асфальт* («блондинка стала брюнеткой»); *Бешеная морковка* («девушка после окраски волос в оранжевый цвет»). Решил следовать моде и молодой человек, покрасивший волосы в голубой цвет, за подражание девушкам и полученный результат его нарекли *Попугайчиком*.

Качество волос, их густота также служат основой для прозвищ. Несмотря на то, что кудрявые молодцы были всегда эталоном красоты, если судить по песням, сказкам, самое большое число прозвищ относится к людям, имеющим кудрявые волосы. Апеллятивы при этом выбираются самые разные: *Пушкин*, *Баран*, *Баранчик*, *Бляшка*.

Обращает на себя внимание прозвище *Шаршавый* (в произношении отражено аканье) [*Эт чилавЭк, у катОрава Очинь густЫи вОлосы, кудрЯвые и жЕскии.*] / с. Калинка Ржаксинский р-н, Родинова Л.П. 1947 г.р., запись 2012 г./ В молодежной среде распространены такие прозвища, как *Пудель*, *Пушистик*, *Одуванчик* [личная картотека].

Густые волосы – гордость владельца, но если они нечёсанные, то тогда носить ему очень экспрессивные, негативно окрашенные прозвища, в которых явно звучит порицание. Это *Шерстяной*, *Лохмач*, *Бармалей*, *Тарзан*, *Болотный* (черт), *Охламон*.

Взъерошенные короткие волосы, стоящие дыбом, вызывают следующие ассоциации, угадывающиеся в прозвищах: *Ежик*, *Окунек*, *Чиж*.

Отсутствие волос или очень жидкие волосы рожают не менее экспрессивные и обидные прозвища: *Бритый*, *Черенок*, *Лысиха* («у женщины очень редкие волосы»), *Вовка-кудрявый*. Последнее прозвище основано на энантиосемии.

б) голова

Прозвищ, данных по размеру головы и ее форме, обнаружено незначительное количество: Размер и форма головы определяются по определенному, установленному культурой традицией стандарту, базирующемуся на соразмерности головы и туловища, головы и роста. Если пропорциональность с точки зрения визуальной явно нарушена, то люди, имеющие довольно крупную голову, приобретают прозвища *Бобок*, *Кочан*, *Саша Головастик*, *Глобус*.

Последнее прозвище отмечено в школьной среде. Здесь же бытует прозвище *Гвоздь* («туловище маленькое, а голова большая»).

В студенческой же среде зафиксированы прозвища, связанные с формой черепа: *Квадратная голова*, *Квадратный череп*, *Фасоль*.

в) лоб

На лоб, как ни странно, обращается мало внимания, видимо, это объясняется тем, что чёлки, вытеснившие гладкую причёску, носят практически все.

Единственным прозвищем, которое представили информаторы, является *Лобан* («у него широкий, очень большой лоб»). *Лобан* – «крупный, здоровый мальчик или мужчина» (ряз., тмб., воронеж., сарат., самар.); «упрямый человек» (новг.) [СРНГ, вып 17: 94].

г) глаза

Слишком узкие для русского эстетического вкуса глаза оцениваются как нечто, не просто отклоняющееся от стандарта, но и связывающееся с

понятием нерусского. Отсюда владельцы узких глаз нарекаются следующими прозвищами: *Кореец, Японец, Китаец, Монгол, Киргизка*. В молодежной среде, где, как говорилось выше, рождаются другие ассоциации. Так, девушку с узкими глазами называют *Узи*.

Слишком большие глаза также обращают на себя внимание. Отсюда прозвища *Глазастый, Глазастик*. Глаза навывкате позволяют дать их владельцам прозвища *Глазиха, Селедка*. Последнее встречается в молодежной среде. Прозвище *Глазиха* стало почти единственным прозвищем жительницы села, поэтому перешло к мужу, которого называют *Глазок*.

Неприятное впечатление, которое вызывает человек, слишком часто моргающий, отражается в прозвищах *Моргун, Моргунка*.

О том, как рождаются прозвища в молодежной среде, говорит один из информаторов: «*В середине года в нашем 9 классе появилась новенькая. У всех давно были прозвища. Значит и ей надо было дать. Фамилия и имя у нее самые простые: Елена Иванова. Из них ничего интересного не получилось, а без прозвища нельзя. Стали на нее смотреть более внимательно и увидели: плоская она какая-то вся, лицо тоже плоское, носа почти не видно. Одни глаза. И стали звать ее Камбала*» (из опроса учащихся МОУ школы №12 г. Тамбова)

Очки, скрывающие глаза, особых насмешек не вызывают, топоту что их в настоящее время носят многие. Но если эти очки необычной формы или придают лицу какое-либо выражение, рождающее определенные ассоциации, то появляются следующие прозвища, встречающиеся в школьной среде: *Профессор* («серьезный мальчик, носит очки давно, хорошо учится»), *Ботаник* («девочка стала носить очки недавно»), *Зомби* («девочка носит круглые очки»), *Сова* («учительница носит просто огромные очки»).

Самые неприятными и обидными являются прозвища, связанные с каким-либо дефектом глаз, особенно косоглазием или отсутствием одного

органа зрения. Неэтично напоминать людям лишний раз об их физическом недостатке. Видимо, поэтому и прозвища получаются практически не имеющими никакой коннотации. Происходит прямая констатация факта: *Косой, Косая, Косяк, Одноглазая, Очко* («парень получил ожог глаза; зрение сохранилось, но вокруг глаза остался круглый след от ожога»). Разумеется, если одноглазый носит черную повязку, чтобы скрыть пустоту, глазницу, то он нарекается *Пиратом*.

д) *лицо*

Цвет лица, его овал, какие-либо дефекты кожи лица – все это рождает прозвища достаточно экспрессивные.

Обладатели румяных округлых или круглых щек именуются *Помидорами* или *Помидорчиками*. Слишком бледное и круглое лицо в молодежной среде порождает прозвища *Каспер, Чуна-Чупс*. Толстощекие прозываются *Хомяками, Бобрами*.

Плоское лицо вызывает ассоциации с камбалой, отсюда и прозвище *Камбала*.

Необычный овал лица зафиксирован в прозвищах *Квадрат, Горшок*. *Хорьком* зовут того, у кого слишком мелкие черты лица. Дефекты кожи отмечены в прозвищах *Родинка* («на лице около носа большая родинка, очень некрасивая, похожа на родимое пятно»), *дядя Петя Рябой* (лицо все в веснушках, так и рябит в глазах»).

е) *нос*

Прозвища, которые даются людям по форме носа, в своей основе имеют сравнение этой выдающейся вперед части человеческого лица с носами кого-либо из живых существ или персонажей, например, мультфильмов или книг. Отсюда и метафоричность многих прозвищ подобного вида: *Ястреб* («нос, как у ястреба»), *Орел* («нос, как у орла»), *Буратино* («нос, как у Буратино»), *Шапокляк* («нос, как у старухи Шапокляк, героини одного из мультфильмов). Иногда прозвища представлены в виде сочетаний слов, одно из которых личное имя того,

кому прозвище дается: *Сергей Буратино, Васька-Слон* («нос, как хобот у слона»). Прозвище *Пятак* восходит к форме носа, «похожего на пяточок свиньи, только более крупного размера, поэтому Пятак».

Однако самое экспрессивное прозвище, достаточно распространенное, судя по материалам, представленным информаторами (учащиеся МОУ школы № 12 г. Тамбова), – это прозвище *Нос* («очень большой нос»), ни с чем не сравнимый.

У прозвища *Вовка-Соплян* достаточно четко прослеживается мотив, благодаря которому оно появилось.

ё) *губы*

Прозвища, восходящие к форме губ или к их размеру, практически единичны и связаны лишь с толстыми большими губами: *Губан, Губастый*. Не связано ли подобное с отсутствием в народе поверьем, что характер легко определить по губам: полные губы – признак доброго нрава, тонкие губы – злого, а чрезмерно толстые губы принадлежат губошлепу, иначе простофиле. «В просторечном стиле литературного языка слово *губошлеп* отмечено в значении «глупый человек» [Словарь тамбовских говоров 2006: 61].

[Прозвище у няво *ГубашлЁп, гаварИт мнОга*] (с. Перкино, Сосн. р-н); [У губошлЁпа гУбы пОлные, прям выврычиньи, так и звали яво ГубашлЁп] (с. Траковка, Ржакс. р-н).

ж) *зубы*

Большинство прозвищ, восходящих к характеру зубов, соотносятся с большими выпирающими передними зубами. Практически все они относятся к разряду достаточно экспрессивных, ибо соотносятся с известными всем апеллятивами: *Заяц, Тушканчик, Бобер, Кролик*. И как обобщенное – *Грызя* (от грызун). Если *Зайцем* можно назвать трусливого, *Тушканчиком* – хорошо прыгающего, *Бобром* – трудолюбивого, *Кроликом* – пушистого, то *Грызя* соотносится только с большими передними зубами.

Прозвище, таким образом, получается более конкретным, от этого более экспрессивным и, следовательно, обидным.

Если передние зубы не только выпирающие, но и кривые, то сравнить подобное не с чем, отсюда достаточно жесткое прозвище, зафиксированное в школьной среде, – *Мутант*. Есть прозвище, данное за то же строение зубов, – *Слава-Зуб*, а также прозвище, построенное по способу редупликации, – *Зуби-Зуб*. Это же прозвище в той же молодежной среде получил молодой человек со вставленными передними золотыми зубами, он же *Золотой зуб*.

З) челюсть

Слишком выдающаяся вперед челюсть, несомненно, обращает на себя внимание и рождает следующие прозвища: *Выдвижная челюсть*, *Выдвижной*, *Челюсть*. Последнее прозвище, как прозвища *Нос*, *Зуб*, т.е. прозвища, совпадающие с апеллятивами, думается, более экспрессивны в виду того, что они указывают на тот изъян в человеческой внешности, на который следует обратить внимание. Девушку с выдающейся вперед челюстью зовут *Лошадь Пржевальского*.

и) растительность на лице

Самая большая доля прозвищ этого плана приходится на тех, кто носит усы: *Таракан*, («у него тонкие черные усы»), *Усач* («молодой человек, отпустивший усы»), *Кот* («усы, как у кота»), *Бородой* зовут молодого человека, вопреки моде, носившему бороду, а *Козлом* – того, у кого борода, у как у козла.

Сейчас редко кто отпускает бакенбарды, но того, кто их носит, имеет прозвище *Пушкин*.

к) уши

Традиционными можно считать такие прозвища, которыми называют людей за большие уши, как: *Ушастый*, *Ушан*, *Ушак*, *Лопух*, а за последние годы к ним прибавилось и такое, как *Чебурашка*. В молодежной среде бытует *Летучий голландец*.

За дефект ушной раковины человека зовут *Корноухим* («нет мочки левого уха»).

л) *шея*

Три признака могли бы лечь в основу прозвищ, восходящих к такой части человеческого тела, как шея: ее длина, толщина, какие-либо дефекты. Только два прозвища соотносятся с длиной шеи: *Гусь*, *Гусача*. Человека с толстой шеей зовут *Бычара*. *Зобом* прозывают того, кто болен базедовой болезнью.

м) *цвет кожи*

Смуглый цвет кожи, данный от природы, у русских редок. Это отклонение от стандарта отмечается прозвищами, особенно в молодежной среде. Смуглых зовут *Шоколадный*, *Копченый*. Подобные прозвища зафиксированы в деревнях. Там же бытует такое прозвища, как *Саша Чушинный* («такой темный, как будто никогда не умывается, как чушка»; *чушка* (прост.) – «то же, что поросёк [Ожегов 1986: 172]. Отмечено прозвище *Тархан* («такой же темный, закоптелый, как тархан, который шкуры обрабатывает»).

В молодежной среде смуглого парня зовут *Чибо* (по сорту кофе), а девушек – *Чугунок* и *Асфальт*.

н) *осанка*

Крючок, *Перец* («как стручок красного жгучего перца, когда он засохнет»), *Гнутый* – такие прозвища получают сутулые люди. Человек, имеющий горб, – *Горбач*.

о) *руки*

Все прозвища, которые связаны с особенностями рук людей, достаточно прозрачны, признаки, положенные в основу этих прозвищ, легко угадываются: *Левый* («левша»), *Косорукий* («ломал в детстве руку, которая срослась неправильно, криво»), *Шестипальный*, *Культияпа* («не хватает двух пальцев на левой руке»).

п) *ноги*

Хромота, косолапость – вот то, на что прежде всего обращают внимание: *Хромой, Хромоножка*. Последнее прозвище дано девушке, у которой после падения с дерева в детстве осталась легкая хромота. За большой размер ноги одна девушка получила прозвище *Сорок пятый*, а за слишком тонкие ноги её же одноклассники прозвали *Козьи ножки*. Кривые ноги послужили причиной прозвища, данного нелюбимому учителю, - *Трехколесный*. В подобном случае используется традиционное прозвище *Косолапый*.

р) сходство с кем-либо или с чем либо

Очень большую долю прозвищ составляют те, которые базируются на внешнем сходстве человека с кем-либо из других людей, из представителей мира животных, из числа персонажей мультфильмов.

Уже говорилось выше, в номинацию многих прозвищ заложен признак, по которому происходит сравнение данного человека. При сравнении нескольких реалий используются именно то, с чем сравнивают, достаточно известный денотат. Это аксиома, ибо только уверенность в том, что сравнение будет воспринято адекватно, и делает его достаточно образным, информативным.

Сходство людей с кем-либо бросается в глаза при наличии в их внешности хотя бы одного признака, который в народной памяти тесно связан с каким-либо человеком, известным всем или хотя бы определенному кругу людей: *Сталин, Ленин*. Сравнивают носителей с какими-либо животными и птицами (*Конь, Белка, Медведь, Кузнечик, Пингвин, Глухарь, Паук, Кырска, Дрозд*).

Прозвища, восходящие к сходству с какими-либо известными людьми, значительны по объему, и выбор тех, с кем сравнивают, зависит от многих факторов, в том числе и возрастных. *Ленин* («лысый, картавит»), *Сталин* («похож внешне»), *Чубайс* («похож внешне»). Это прозвища, данные людьми более зрелого возраста.

У молодежи ассоциации несколько иного плана: *Шакира* («внешне похожа»), *Мартин* («улыбка, как у певца Мартина»); *Ахматова с гитарой* («внешне похожа на поэтессу Анну Ахматову; к тому же любит стихи этой поэтессы и перекладывает их на музыку, аккомпанируя себе на гитаре»); *Туффи* («внешне похож на персонаж мультфильма»); *Ван-Дамм* («внешне похож»); *Летиция* («внешне похожа на героиню бразильского сериала»); *Фунтик* («нос, как у Фунтика из одноименного мультфильма»); *Нафаня*, он же *Нафан*, он же *Нафачок*, («внешне похож на домовенка Нафаню из мультфильма»); *Ракель* («внешне похожа на героиню сериала»).

У каждого народа, в том числе и у русского, есть свой традиционно устоявшийся стереотипный образ человека другой национальности. Нахождение каких-либо признаков, входящих в данный стереотип, является причиной появления прозвищ *Цыганка* («смуглая, черноволосая, кудрявая»); *Цыганиха*, *Цыганок*; *Еврей* («кудрявый, большеглазый, большегубый»).

Отмеченные случаи энантиосемии: *Цыган* («блондин»). Кроме того, иногда в качестве сходного признака берутся не этнические приметы, а приметы, имеющие политическую окраску: *Дух* («похож на чеченца»).

Сходство человека с кем-либо из мира животных также кладется в основу прозвищ, однако примеров тому обнаружено незначительное количество: *Лягушка* («рот у парня, как у лягушки»); *Кот* («толстый, рыжий с усами»); *Котенок* («очень хорошенькая девушка, маленькая, ласковая»); *Мартын* («парень похож на мартышку, у него близко посаженные глаза, много и часто кривляется»); *Тигр* («очень злой учитель, ходит в пиджаке в полоску, к тому же у него зеленые с желтизной глаза»); *Ондатра* («девушка внешне похожа на ондатру»).

с) одежда, общее впечатление

«Встречают по одежке», так говорят в народе. Одежда создает общее впечатление, которое иногда остается в неизменном виде пристрастия человека к определенному стилю, цвету, его приверженности моде.

За любовь к определенному стилю и цвету, рисунку на одежде получены прозвища *Полосатый, Матроскин, Пегая* («женщина всегда была одета в серую, какую-то «тусклую» одежду»). Девушку, любившую тяжелые ботинки, стали называть *Гриндерс*. Односельчане прозвали девушку-армянку за неизменную черную одежду *Дикой Розой*.

Людей, особенно мужчин, стремящихся одеться чисто, как бы «с иголки», называют *Модный, Мода*. Неряшливых мужчин зовут *Кулюха, Лохмотка, Чухан*.

Замечено, что слишком высокий рост чаще всего совмещается с худобой (*Оглобля* – высокий, худой, *Жердь* – худой человек), а слишком маленький рост – с хрупким телосложением (*Пичуга* – маленький, *Блоха* – маленький, быстрый).

2.5.4. Оппозиция *красивый* – *безобразный* как оценка человека

Оценка, лежащая в основе характеристики человека, высвечивает негативную и позитивную характеристику, в основе которой лежат оппозитивные отношения **ХОРОШО – ПЛОХО**. Эта оппозиция прослеживается в характере эстетической оценки внешности человека. Человек воспринимает другого человека, как правило, на основе зрительных ассоциаций (*красивый/некрасивый*).

Эти прозвища соотнесены в большинстве своем с традиционными апеллятивами, с которыми сравнивалась с давних времен красавица: *Ромашка, Береза, Гулюшка, Королева*.

Прозвища *Красавчик, Король* относятся к мужчине, имеющему хорошую осанку, аккуратно и даже щегольски одетому. В молодежной среде прозвища, данные девушками молодым людям, звучат как *Мачо, Супер*.

Очень некрасивым молодым людям даны прозвища *Женя-морда, Фантомас, Мышь*. Среди прозвищ, относящихся к некрасивым девушкам, зарегистрировано прозвище *Баба Яга*.

Оценка человека во многом зависит от системы ценностей внутреннего мира человека, обусловленного наличием эмоциональной оценки. Судя по семантике прозвищ, положительная характеристика человека сводится к идеалу: красивый, дородный, сильный, крепкого телосложения, здоровый (*Здоровяк, Красавчик*). Отмечаются и негативные прозвища типа *Бородуля* – «мужпоподобная женщина», *Колган* – «неуклюжий, некрасивый»), *Бабай* (тюркское слово *бабай* – дед, дедушка, старик). Это прозвище мог получить русский от соседей – нерусских, либо это прозвище мог носить нерусский житель [Словарь-справочник. Фамилии Тамбовской области 1988: 20]. Слово *бабай* в русских говорах отмечается в значении «детского пугала» [Даль-1: 34]. В современном прозвище отражается сема «страшный», «некрасивый»: [*У нАс на дирЕвни мужИк был, так фсЭх дЕвак и бАб стращцАл. И звАли мы яво БаБАй. «Ой ни хадИ к рякЕ Бабай встрЕнить». А он там рЫбу лАвить*] (с. Алгасово, Морш., р-н, Тимофеева А.А., запись 1999 г.).

При оценке одного человека другим значительную роль играет эмоциональный фактор, определяющий симпатию или антипатию личности другого.

Наличие лексических оппозиций в антропонимической лексике доказывает динамичность системы языка, приводит к наращению знаний о картине мира, отраженных в прозвищах, способствует увеличению скорости коммуникации, развитию прозвищ как класса слов в их коммуникативной перспективе, а вместе с ним системы языка.

2.5.5. Репрезентация знаний о чертах характера человека (ментальный тип)

Визуальный тип прозвищ зачастую только констатирует те или иные отклонения от стандарта; апеллятивы, к которым восходят прозвища, не всегда обладают негативной коннотацией и поэтому по большому счету не вызывают обиды у тех, кому они были даны. Исключения составляют

прозвища визуального типа, которые связаны с какими-либо физическими недостатками, доставляющими и без прозвищ огорчения тем, у кого они есть. Кроме того, обиду вызывают прозвища того же типа, которые даны тем, кто пытается изменить что-либо в своей внешности, но эта попытка заканчивается неудачей, например, уже упомянутые прозвища *Попугайчик* (молодой человек покрасил волосы в голубой цвет), *Чернобыль* (девушка сделала экстравагантное мелирование).

Прозвища, восходящие к чертам характера, по большей части строятся не на чисто визуальном впечатлении от человека, а на оценке его личности, его социальной валентности. И прозвища этого рода скорее следует отнести к прозвищам-характеристикам, в которых заложено не только желание унижить человека, но и указать на те отрицательные черты его личности, чтобы человек, получив такую оценку, смог изжить этот недостаток, чтобы люди смогли по прозвищу какого-либо человеку определить, с кем они имеют дело.

По сути дела каждая черта характера по максимуму имеет свою противоположность, хотя иногда имеются и так называемые промежуточные звенья. Так, в понятие «тихий, спокойный» может входить как невозмутимость, так и необщительность, скрытность, а также слабость характера, зависимость от других. А в понятие «беспокойный» можно автоматически включить задиристость, вспыльчивость, вздорность, сварливость, озорство, т.е. все те черты, которые делают обладателей подобных характеров людьми в общении не совсем приятными.

Таким образом, «спокойный – беспокойный» как оппозиция противоположных черт характера может обрастать квалитативами, построенными по принципу градации, нисходящей на уровне квалификации признаков спокойного характера (спокойный → тихий → невозмутимый → необщительный → скрытный → слабый, безвольный) и

восходящей при анализе беспокойной натуры (беспокойный → озорной → задиристый → вздорный → вспыльчивый сварливый).

Спокойного человека стали часто звать *Кирьяном* (по имени героя фильма «Вечный зов»), поскольку человек приятен в общении, он не дает повода для раздражения, поэтому его зовут *Милок*. Невозмутимость расценивается несколько иначе, особенно в молодежной среде, где бытует прозвище *Корова*, которое дано парню (молодому человеку за невозмутимость, доходящую до полнейшего равнодушия ко всему, что происходит вокруг).

Спокойный человек – *Молчун* – обычно тихий, молчаливый, зачастую незаметный. Нередко они становятся необщительными: *Дикарь*, *Бирюк*, *Гудок* («не любит шумных компаний, Молчун в ответ на вопрос, к нему обращенный, что-нибудь гукнет неразборчивое – и все, поэтому *Гудок*»). Девушки подобного типа наделены такими прозвищами, как *Тихоня*, *Мышь*.

В силу характера из-за нежелания общаться тихие, молчаливые люди становятся домоседами. И тем не менее апеллятивы, положенные в основу прозвищ, данных таким людям друзьями в разряд обиходных не входят. *Кузьмой* называют молодого человека по имени домовенка Кузи, очень симпатичного героя отечественного мультфильма. *Затворница* – это прозвище, данное девушке за её скромное поведение.

У тихих, скромных людей может развиваться и тихая черта характера, как скрытность, которая отмечается друзьями такими прозвищами, как *Сундук* («всегда закрытый, непонятно, что там у него внутри»), и *Киндер-сюрприз* («сам не открывается, а когда попробуешь посмотреть, что же там внутри, можно и разочароваться»).

Очень плохо, когда спокойствие характера, тихий нрав сочетаются с неумением постоять за себя, отстаять свою точку зрения, защитить себя. К сожалению, люди не жалуют слабых, оттого и апеллятивы, лежащие в основе прозвищ, соотнесенных со слабостью характера негативны и

зачастую экспрессивно окрашены. Например, *Рохля, Зюзя, Квашня, Размазня, Телок, Лопух*, которые стали традиционными, не требуют особых пояснений, становятся своего рода штампами, перейдя в разряд экспрессивной лексики, употребляются как оценочная лексика с резко негативной окраской. В молодежной среде предпочитают давать другие прозвища, где есть, несомненно, творческое начало и желание заменить «обесцвеченные» долгим употреблением слова другими: *Овца* («куда скажешь, туда и идет»), *Фифти-Фифти* (««пятьдесят на пятьдесят, ни то ни се»), *Козьявка* («так себе человек, мелкий по духу, слабый духом, одним словом, козьявка»). Все три прозвища даны молодым людям, видимо, от того, что в особах женского пола слабость не является такой уж отрицательной чертой, как у мужчин (из опроса студентов Института филологии и журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина).

Если люди, обладающие вышеизложенными чертами характера, создают в общении комфортную ситуацию для тех, кто является их коммуникативным партнером, то этого нельзя сказать о тех людях, которые обладают беспокойным характером, что, несомненно, создает значительные неудобства для тех, кто вступает с ними в контакт.

Беспокойные люди вносят дискомфорт отсутствием спокойствия, нарушением упорядоченности. В деревнях среди людей старшего и среднего возраста их зовут *Бес, Болга* (от *болгачить/булгачить* – в тамбовских говорах «баламутить, тревожить, беспокоить») [*Ни булгач явО: он с дижУрства прииОл, устАл*] / с. Подлесное, Сосновский район, Рудакова Т.С., 1943 г.р., запись 2004 г./.

Беспокойные люди могут не только быть смутьянами, но и задирами. Самое необидное прозвище – это *Драчун*, которое, являясь традиционным именованием того, кто любит подраться, семантически «обесцветилось», перестало считаться экспрессивным. Аналогичное можно сказать и о таких прозвищах, как *Петух, Ери, Бандит, Гусь, Гусак, Чума*.

Более экспрессивными являются те прозвища, в которых есть элемент либо варьирования формы (*Шпан* вместо традиционного *Шпана*), либо выделения менее употребимого признака, относящегося к апеллятиву, бытующему как прозвище *Казак*.

В молодежной среде зафиксированы такие прозвища, как *Синяк* («вечно ходит в синяках, потому что постоянно задирается и любит подраться»); *Корявый* («неуживчивый, драчливый»). Вспыльчивых мужчин на селе зовут *Шальной*, *Фыря* (от фырка́ть), *Бунёк* (от бую́н, бую́нить), *Буновы́й* (производное от Бунёк) [картотека научно-образовательного центра «Русист»].

Женские прозвища в основном связаны с проявлением таких черт характера, как озорство и сварливость. Естественно, следует сказать, что озорной характер, особенно в молодом возрасте, – не в укор. Озорного молодого человека зовут *Прокуда* («прокудливый, проказливый»). Но если это свойство человека слишком сильно выражено и приносит беспокойство окружающим, то таких особ женского пола зовут *Анчутка* («живущее в доме мифическое существо женского пола, очень проказливое в тамбовских поверьях»), *Бусурка* (от бусурманка, т.е. нехристь). Сварливая женщина – это *Бреховка* («любит брехать», т.е. врать») [Даль-1: 127].

Сварливого мужчину зовут *Сварной*, а вот лицам женского пола достаются более экспрессивные прозвища, в основе которых может лежать метафорический перенос: *Пальма* (Пальма – распространенная кличка собаки в деревнях Тамбовской области).

а) *добрый – злой*

Доброта – черта характера, которая испокон века считается признаком человека, хорошего во всех отношениях (добрый молодец, люди добрые, добрый батюшка и т.д.).

Хорошим, т.е. добрым, человеком считается в народе тот, кто способен оказать помощь в беде. Тот, кто отличается особой добротой,

получает в молодежной среде, особенно школьной, довольно специфические прозвища: *SOS* («мальчик в класс всегда носил с собой запасные ручки, карандаши, линейки, чтобы поделиться с теми, кто забыл эти предметы дома»); *Гонец* («мальчик, который никогда не отказывался пойти куда-либо за чем-либо»); *Кошелек* («мальчик, который всегда был готов дать займы денег товарищу на пирожок»); *Свечка* («такой добрый мальчик, весь светится добротой»).

Зло, как известно, противоположно доброте, оно более многогранно и многолико, оттого и прозвищ, относящихся в злым людям значительно больше, чем тех, которые объединены семей «добрый». Наиболее частотными прозвищами подобного типа являются прозвища, эксплицитно содержащие признак зла, традиционно соотносимый с представителями мира животных. Это *Кабан*, *Гюрза*, *Зверь*, *Полкан*, *Барбос*.

Перенесения из сферы *Животный мир* в сферу *Человек* бесконечно разнообразны. Представления о характере того или иного живого существа настолько прочно вошли в наше сознание как ассоциирующиеся с определённым свойством или качеством человека, что образованные на основе такого переноса прозвища не нуждаются в истолковании. Хитрого человека называют *Ужом*, *Мизгирём (Пауком)*, *Лисой*, *Змеёй*, *Налимом* («скользкий, как налим»), *Угрём*, *Хорьком*. О сильном, выносливом, крепком скажут: *Лось*, *Бык*, *Мерин* – в общем-то, положительное качество окрашено в этом случае отрицательно из-за дополнительных значений, которыми обычно наделяет эти прозвища контекст: «Боишься, что перетрудится он? А что ему сделается, Быку этому?»; «Здоровый уже, Лось, а ведёшь себя, как маленький» [из личной картотеки].

Неуклюжего, обладающего косолапой необычной походкой человека называют *Медведем*; копушу – *Черепашкой*; женщину, излишне беспокоящуюся за судьбу потомства – *Наседкой*, а при этом ещё и глупую – *Курицей*; лежебоку, любящего понежиться, – *Котом*; упрянца и глупца ругательно – *Ослom*. Очевидна метафоричность таких прозвищ, как

Павлин, *Петух* (некто, склонный к самолюбанию, важничавший, уделяющий большое внимание внешности), *Пингвин* (неповоротливый, неловкий), *Филин* (хмурый, угрюмый, наводящий страх на окружающих) [из личной картотеки].

Интересно развитие новых параллельных значений в разных группах прозвищ. Так, визуальное прозвище *Баран* говорит о том, что его носитель кудряв, кучеряв, а ментальное – о глупости и еще об упрямстве его обладателя. Часто прозвища даются за какую-то отдельную черту, определяющую облик человека: *Стрекоза* (большие, выпуклые, «стрекозьи» глаза, либо очки), *Рыба* (водянистые глаза, либо скучное, вялое выражение лица) и др.

Иногда происходит конкретизация признака путем употребления одновременного имени и прозвища: *Колька Полкан*. Если в первых прозвищах есть полное совпадение с апеллятивами, это названия представителей животного мира или клички собак, сторожевых собак (комнатных так никто не назовет), то прозвище *Колька Полкан*, имея прикрепленность к определенному человеку, о чем свидетельствует имя, предполагает, что вторая часть прозвища – *Полкан* – является легко выделяемой на основе существующего опыта семей «злой». Это и делает прозвище особенно экспрессивным, и потому обидным.

Ассоциации, связанные с опытом народа, особенно исторического порядка, легли в основу таких прозвищ, как *Гитлер*, *Мамай*.

Иногда прозвища эксплицитно выражают тот признак, который говорит о «злом» поведении человека: *Шугай* («тот, кто гонит всех, шугает»), *Борзой* («быстр (борз) на расправу»), *Гроза* («шумит, бушует, наводит страх»).

В молодежной среде прозвищ людей, обладающих злым характером, почти не встретилось, за исключением двух: *Шапокляк* («характер злой, как у Шапокляк из мультфильма»), *Во блин, Гоблин!* («исключительно злой человек, страшный во гневе»).

б) *серьезный – несерьезный*

«Серьёзных» прозвищ зафиксировано исключительно мало, практически они отмечены в молодежной среде. Видимо, это можно объяснить тем фактом, что такая черта характера, как серьезность, особенно видна на общем фоне традиционной детской беззаботности. Между тем, серьезность и предполагает отсутствие ярко выраженной «детскости». Отмечены такие прозвища, как *Мужик* («так назвала его мать, когда ему было всего 3 года, за необычную вдумчивость, ответственности; в школе прозвище за ним сохранилось»); *Батя* (студент был старше всех на курсе, т.к. поступил в институт уже после армии; у него было больше жизненного опыта, и все прислушивались к его советам) [из личной картотеки].

Если детская несерьезность, несколько легкое отношение к жизни не считается отклонением от нормы общежития, то люди взрослые, относящиеся к жизни так же легко, как дети, осуждаются как нарушители жизненного уклада. Прозвища, даваемые «несерьезным» взрослым людям, в основе своей содержат разные признаки.

Наиболее общим, родовым по сути дела, прозвищем модно считать *Легкач*, в котором содержится, несомненно, осуждение за легкомыслие во всем. Особого осуждения, судя по прозвищам, достойны взрослые люди, которые легко смотрят на жизнь и свою ответственность за что-либо или кого-либо переносят на других: *Ловкач*.

В сельской местности жители дают своим односельчанам такие прозвища, как *Мальчик* («почти старик, а ведет себя, как мальчик»); *Вертун* («женат давно, а все на молоденьких засматривается»); *Студент* («женат, имеет детей, а ведет себя, как холостой, как студент на каникулах»); *Детина* («взрослый огромный мужчина, а все с молодежью на гулянки ходит»); *Щегол* («тараторит, трещит, говорит без умолку, а все не по делу, попусту»); *Буров* («болтун, пустомеля, враль, несерьезный

какой-то»; буров от буровить в тамбовских говорах – «говорить ерунду, несерьезные вещи»).

В молодежной среде осуждаются примерно те же признаки несерьезности, но ассоциации несколько иные: *Ромео* («молодой человек, меняющий девушек, как перчатки»); *Пупс* («молодой человек, которому так и хочется дать соску, чтобы не капризничал, как младенец»); *Стрекоза* («молодой человек, ведущий себя, как стрекоза из известной басни И.А. Крылова»).

Интересен, как нам кажется, факт отсутствия зафиксированных прозвищ, относящихся как к слишком серьезным, так и слишком несерьезным представительницам женского пола. Не объясняется ли это тем, что традиционно несерьезность считается прерогативой женщин?

в) *весёлый – невесёлый*

Веселый человек ценится в любом сообществе людей за умение разрядить обстановку, создать праздничную атмосферу. И если человека любят, то дают соответствующие его наклонностям прозвища: *Веселый*; *Смеющийся*; *Жаворонка* («очень хорошо поет и любит петь; постоянно что-нибудь напевает»); *Гармонь* («лучший гармонист в деревне, без него ни одно веселье не обходится»); *Артистка* («хорошо поет, пляшет; где она, там всегда весело»). Однако и веселье должно быть в меру, как говорится в русской пословице: «Делу время, потехе – час». Оттого и людям, любящим веселиться, а не работать, даны прозвища *Шумный*, *Керогаз* («очень шумный, как керогаз»).

В молодежной среде весельчаки получают прозвища *Мультяшка*; *Петросян* («очень хорошо рассказывает разные смешные истории, знает много анекдотов»); *Приколка*.

В лексико-семантическую группу, объединяющую лексемы с общей семьей «невеселый» можно включить слова, называющие такие черты характера, как хмурость, нудность, нытье, поскольку эти качества составляют, на наш взгляд, некую противопоставленность веселости.

Людей, которые отличаются занудством, плохо выносят в любом коллективе. Они способны отравить любое веселье. Прозвища, которые им даны, соотнесены с музыкальными инструментами, ассоциативно связанными в традиционном представлении русского народа с «нудной» игрой: *Скрипач, Шарманка*.

Отмечаются прозвища, которые достаточно прозрачны по своей внутренней форме: *Мешок, Тюфяк* (медлительность, слабохарактерность), Любителя долго и нудно говорить зовут *Демагог, Нудяк*. *Бурбур* – это прозвище человека, который не только нудно повторяет одно и то же, но еще и отличается невнятной дикцией («говорит долго и нудно; бурбур себе под нос, т.е. бурчит себе под нос»). *Буриха* – то же, что *Бурбур*.

Веселым нравом не отличается и нытик, вечно жалующийся, надоедающий все своими невзгодами. В народе таких зовут *Дудуниха* («как в дуду дует, на одной ноте и об одном и том же»); *Горемыка* («вечно жалуется на головную боль, на боль в спине, на то, что нет денег и т.д.; словом, не живет, а горе мыкает»). Оба прозвища принадлежат мужчинам.

Самые экспрессивные прозвища достались хмурым, никогда не улыбающимся людям: *Февраль, Кислое молоко* («у него всегда хмурый вид, от которого молоко в доме киснет»).

г) *умный – глупый*

Все зафиксированные прозвища, имеющие в своей семной структуре сему «умный», относятся к оценке уровня интеллекта. Есть прозвище *Мудрый*, в котором помимо интеллектуальных способностей, оценивается, несомненно, и житейский опыт.

В основном оценка уровня интеллекта идет за счет следующих ассоциативных связей: *Доцент; Розенталь* («молодой человек хорошо знает русский язык, очень грамотно пишет»); *Саша Академик*.

Глупость как черта характера человека оценивается очень экспрессивно, ассоциативные связи настолько разнообразны, что это

наводит на мысль о том, что данная черта человеческого характера больше замечается и, естественно, осуждается.

Отрицательная семантика, выражающаяся обычно через реалии материального мира, даёт себя знать при таких негативных прозвищах, как *Истукан*, *Бамбук* («голова у него настолько пустая, что звенит, как высохший бамбук»).

Прозвища, которые зафиксированы в сельской местности, отличаются традиционным характером употребления данных апеллятивов в качестве прозваний глупых людей. Это *Лопух*; *Дурила*; *Пенёк* («молодой человек, про которого в селе говорят, что у него в аттестате написано: прослушал 10 классов»); *Болт* («болтает все без толку, ни одной умной мысли не выскажет»); *Чугунок* («у него глупая, чугунная голова»).

Прозвища глупых варьируются от традиционных до новых ассоциативных находок: *Филёк*; *Дуркан*; *Истукан* («ни одной мысли в голове; глаза вытарашенные и пустые»); *Долдон*, *Додон* (от *долдон* в тамбовских говорах – «человек настолько глуп, что ему надо одно и то же по несколько раз повторять», «пустослов, человек, который упрямо твердит одно и то же» [*У, далдОн, гварИть аднО и тОжа, как пынугАй*] / с. Ольховка, Индавинский район, Ишкова В.В., 1941 г.р., запись 2000 г./ [Словарь тамбовских гоовров 2006: 65], *Колотушка* (то же, что *Долдон*); *Баклан* («толстый и глупый; одна еда на уме»); *Тундра*.

д) *трудолюбивый – ленивый*

Трудолюбие – это такая черта характера, которая высоко ценится в народе. Однако прозвищ с семой «трудолюбивый» выявлено незначительное количество и в основном в молодежной среде. Сюда относятся *Завхоз* («очень хозяйственный школьник, замечает все неполадки в классе, помогает их устранить»); *Пчелка* («никогда не сидит без дела»); *Деляга* («любит работать, но обязательно должна при этом быть какая-то выгода для него»). Дают школьники прозвища не только друг другу, но и взрослым: *Железная бабушка* («старенькая уже бабушка, а

никогда не устает, хотя много работает, не сидит без дела») [из личной картотеки].

Как видно из приведенных выше примеров, негативное отношение к трудолюбивому человеку налицо только в прозвище *Деляга*, ибо в сознании народа слово, лежащее в его основе, связано с корыстным отношением к труду, что отнюдь не приветствуется.

Казалось бы, такая черта характера, как лень, вызывающая справедливое негативное отношение к тем людям, которые подобной чертой обладают, должна бы породить большое число прозвищ. И тем не менее обнаружить их удалось немного, преимущественно в молодежной среде.

Единственным, среди немногочисленных прозвищ с данной семой и бытующих среди студентов оказалось прозвище *Мозгач*, которое было дано человеку, выделявшемуся среди очень трудолюбивых студентов ленью, граничащей с паразитизмом «он хотел жить за счет других, стараясь воспользоваться результатами чужого труда».

У молодежи встречаются не только прозвища, восходящие к нетрадиционным признакам, которые народный опыт так или иначе связывает с определенными апеллятивами: *Кот* («любит понежиться, поспать»), но и прозвища, оформленные окказиональными, изобретенными суффиксами: *Валячо* («любит поваляться, а не работать»). Прозвище *Клементий*, данное старшекласснику, восходит к имени его деда, лень которого до сих пор является притчей во языцех среди знавших его людей.

е) *ловкий – медлительный*

Ловкость, быстрота, энергичность всегда вызывают положительную оценку. Недаром в народе говорят: «Ловок в труде».

Однако эти же качества связаны и с непоседами. Все вместе обнаруживается и в прозвищах, связанных с данной чертой характера. Подобного рода прозвища отмечены среди взрослого населения, живущего в сельской местности.

Привычными, почти традиционными можно квалифицировать прозвища *Шнырь, Шило, Шуруп*. Так говорят о людях не только ловких в работе, но и непоседливых: «На месте без дела не усидит». Отмечаются и такие прозвища, относящиеся к людям подобного типа, которые отражают несколько неожиданные и непривычные ассоциативные связи: *Винтовка* («всегда готов работать, как винтовка – выстрелить»), *Зарядья* («как зарядиться что-нибудь делать, так и не остановится, пока не сделает, а сам уже о новом деле думает»; глагол «зарядиться» в тамбовских говорах употребляется в значении «начнет») [*Доць как зарядИца с утра, так и идЁть*] (Тамб., Расск, Сосн. р-ны).

В среде пожилых людей, живущих в городской местности, было зафиксировано два прозвища: *Мешок, Постепенный*. Если первое прозвище легко угадывается в таких словах, как мешкать, замешкаться (в тамбовских говорах есть даже прилагательное «мешкОтный» в значении «медлительный»), то второе прозвище построено на самохарактеристике человека: «Я все делаю не сразу, а постепенно».

Более экспрессивными являются прозвища *Калупыч* («все делает медленно, колушается»; глагол колупаться в тамбовских говорах употребляется в значении «работать медленно, ковыряться»).

В молодежной среде отмечены прозвища, которыми называют медлительных девушек: *Еле-еле* («все делает медленно: и ходит медленно, и говорит медленно, и ест медленно»); *Тормозок* («медлительна в делах, долго принимает какое-либо решение»).

ё) *хитрый*

«Простота хуже воровства», так говорят в народе, характеризуя людей наивных, бесхитростных. И тем не менее прозвищ, относящихся к простодушным людям, практически не отмечается. Зато имеются прозвища, которыми названы хитрые люди. По их лексико-семантическому и словообразовательному характеру, вероятно, можно судить о том, как в народе относятся к хитрым. Самым нейтральным

можно считать прозвище *Хитрый*, которое ничем как простой коннотацией факта не назовешь. Обесцвеченными в силу частого употребления как прозвищ являются такие, как *Уж*, *Лиса*, *Змей*, *Еврей*, а также *Лисёнок*, относящееся к лицу женского пола и благодаря уменьшительному суффиксу *-енок*, имеющему, несомненно, позитивный характер.

Если хитрость граничит с коварством, то выбираются соответствующие ассоциативные связи с такими апеллятивами, в семной структуре которых вычленяется сема «коварство». Причем выбор этих апеллятивов связан с опытом и поэтому неодинаков у лиц, принадлежащих к разным возрастным группам.

У лиц, относящейся к старшему поколению, зафиксировано прозвище *Мизгирь* (до сих пор во многих говорах, в том числе и тамбовских, этим словом называют паука). Отмечено в этой же возрастной группе и прозвище *Налим* («скользкий, как налим, которого трудно поймать»).

Прозвище *Феномен* получил человек, который «живет в одном селе, а работает в соседнем, и мнения о нем в обоих селах – разное, потому что умеет казаться не тем, кем он есть на самом деле».

У молодежи люди хитрые, коварные наделены прозвищами *Дух* (печальное наследие афганской войны), *Кардинал* (ассоциации уходят корнями в роман А.Дюма о трех мушкетерах; память о кардинале Дишелье).

ж) жадный

Жадность как черта характера, несомненно, относится к числу отрицательных. Однако, как и в предыдущем случае, прозвищ, данных жадным людям, встретилось незначительное количество, и преимущественно эти прозвища отмечены в молодежной среде. Причем, судя по тем ассоциациям, которые легли в их основу, жадные люди квалифицируются скорее всего как скопидомы и скряги. Традиционными можно квалифицировать прозвища *Куркуль*, *Плюшкин*, последнее имеет

несколько вариаций. Фамилия гоголевского персонажа из «Мертвых душ» превратилась из имени собственного в нарицательное. Видимо, это повлияло на тот факт, что, будучи существительным, слово плюшкин имеет четкую родовую прикрепленность, оттого и может быть использовано как прозвище.

Кульком, Мешком называли школьника мальчика, собирающего все, что ни попадется: «все к себе тащит, найдет резинку – себе, найдет огрызок карандаша – опять себе». Человека, у которого жадность проявляется при виде денег, дети зовут *Скрудж* (по имени персонажа мультипликационного фильма).

Дети дают прозвища и взрослым: *дядя Толя Плюшкин* («собирает все на своем пути, даже ненужное, и складывает в сарай»).

з) *высокомерный*

Простота в обращении ценится в любой возрастной среде. Высокомерные люди подвергаются осмеянию. Апеллятивы, с которыми ассоциативно связаны прозвища, относятся к тематическим группам «картежная игра» либо «дворянские титулы». Например, *Король, Туз; Граф, Барон*. Вероятно, в народном опыте в связи с этими апеллятивами отложилось присутствие чего-то важного, а слово «важный» может быть в определенном контексте синонимом слову «высокомерный».

Знание шахматной игры позволило дать высокомерной девочке прозвище *Ферзь*.

И наконец традиционное прозвище *Зазнайка*, которое эксплицирует ту черту характера, которая вытекает из высокомерия и высокомерного отношения к людям. Иногда высокомерие является чуть ли не единственной заметной чертой характера какого-либо человека, что прозвище получает не он сам, а его жена: *Королиха*. Однако вероятнее всего, она и сама по себе довольно заносчива.

и) *хвастливый*

Хвастунов в народе называют *Шукарь* (по персонажу произведения «Поднятая целина» М. Шолохова), *Бог* ([*гаварИт, што фсё мОжить, што как бох, абищАить, а ни дЕлаить*] (с. Горелое, Тамб., р-н). В молодежной среде – это *Джин* («говорит, что может исполнить любые желания, стоит их кому-нибудь только загадать») [из опроса учащихся МОУ школы 12].

Таким образом, прозвища формируют категорию окказиональных слов, поскольку в их семантике получают отражение дополнительные знания интерпретирующего характера. Особая природа семантики прозвищ позволяет им выступать как средства отражения и проявления определенного коллективного или индивидуального знания, опыта, мнения, оценки. Так, беспардонный человек – это *Ободняй* («никогда никого не обойдет, прёт напролом; «ободнить» в тамбовских говорах означает «обойти, дать дорогу») [картотека лаборатории тамбовских говоров].

Людей авторитетных либо стремящихся к авторитетности в молодежной среде зовут *Пахан, Босс, Крёстный, Шеф*, т.е. налицо набор апеллятивной лексики в духе времени. Чудаков, т.е. людей, непохожих на окружающих, традиционно зовут *Чудик*; трусливых кличут *Трус, Трусок*; людей с холодным сердцем, неотзывчивых на чужое горе, зовут *Мороз*. Ехидного зовут *Уколыч* («так и норовит кого-нибудь уколоть, подколоть»).

Подозрительного человека назовут *Фома*, надоедливого – *Реней*. Кроме того, отмечено прозвище *Коммунист*, которое старшеклассники дали девушке, подозрительной и никому не верящей. Лживая девушка получила прозвище *Лапша*, потому что любит всем «лапшу на уши вешать» [из личной картотеки].

2.6. Отражение в прозвищах манеры поведения, привычек, любимых слов, разных случаев или событий из жизни человека

К особенностям манеры вести разговор можно отнести *громкость* голоса. В состав прозвищ, характеризующих людей с излишне громким

голосом, входят *Радио* («мужчина говорит очень громко, заглушая собеседника»), *Боцман* («голос, как у боцмана, за версту слышно»). Эти прозвища зафиксированы в старшей возрастной группе. В этой же группе обнаружены и женские прозвища, такие, как *Левитаниха*, *Громакова*.

Гендерный фактор среди лиц среднего и старшего возраста имеет большое значение, поэтому женщины получили прозвища, оформленные суффиксом и окончаниями, свойственными традиционному оформлению лиц женского рода. В этой же возрастной среде есть прозвище *Глушенный*, которое дано человеку с таким громким голосом, когда создается впечатление, что его оглушили, он плохо слышит, оттого и кричит, думая, что все тоже глухие».

В молодежной среде громкость голоса ассоциируется с криком: *Крик*, *Кри-кри*. Оба прозвища даны девушкам с очень громкими голосами, такими громкими, что даже на фоне громкой музыки, громкого смеха, что свойственно молодежной среде в целом, они кажутся криком. Первое прозвище – *Крик* – эксплицирует апеллятив, второе – *Кри-кри* – содержит в себе редупликацию части основы, которая как бы удваивает громкость голоса.

Помехой является и *темп* речи, который, несомненно, затрудняет разговор. Традиционны ассоциации, легшие в основу прозвищ, которые даются людям с очень быстрым темпом речи: *Скороговорка*, *Пулеметчица*, *Трандычиха*. Все прозвища относятся к женскому полу, кроме прозвища *Скороговорка*, которое дано мужчине.

Различного рода *дефекты речи* также затрудняют общение, иногда настолько, что собеседник совсем перестает понимать того, с кем ведет разговор. В русской традиции того, кто говорит непонятно, называют *Немым*. Среди прозвищ, которые даны людям, имеющим дефекты речи, зафиксированы: *Картавка*, *Заика* – это прозвища людей, которые картавят и заикаются, причем оба прозвища относятся к лицам мужского пола и распространены среди лиц старшего возраста. Им же принадлежат

прозвища *Сюсюлелевый*, он же *Сюся* («мужчина присюсюкивает во время разговора»), *Хохлушка* («женщина, имеющая украинский акцент»).

Не остается незамеченный и *тембр* голоса: *Сашка Пискля* («взрослый мужчина, а голос писклявый, как у ребенка»); *Шмель* («такой низкий голос, как шмель гудит»).

Тем, кто любит говорить, не давая собеседнику и слово вставить, прозвища дают традиционного характера: *Балабон*, *Говорун*, *Балаболка*. Прозвище *Говорун* менее экспрессивно, нежели *Балабон* и *Балаболка*, в которых ощущается некое негативное начало из-за присутствия в содержательной структуре этих слов семы «пустомеля».

В молодежной среде дают прозвища, касающиеся особенностей *смеха* и *кашля* человека. Чаще всего обнаруживаются ассоциации, связанные со звуками, издаваемыми представителями мира животных. Например, *Опорос* («смех девушки похож на визг поросенка»), *Хрюнич*, он же *Хрюнча* («смех молодого человека напоминает хрюканье»). *Кря-кря* («кашель бабушки напоминает кряканье утки»).

1) прозвища, данные по манере ходьбы

Манера ходьбы, *походка* также рождают прозвища. Особенно большое количество прозвищ приходится на визуальную оценку манеры ходьбы. К ним относятся *Медведь* («косолапит, отсюда и раскачивающаяся походка, как у медведя»); *Пингвин* («ходит переваливаясь»). Эти прозвища по сути дела изображать нет нужды, ибо ассоциации, лежащие в их основе и связанные с особенностями походки представителей животного мира, достаточно узнаваемы в силу своей традиционности.

Более выразительны прозвища *Крылатый* («ходит расставив руки, как будто у него крылья, а не руки»); *Модный* («ходит выпятив грудь, как бы красуясь своей фигурой»).

Заметим, что при образовании прозвищ ведущими способами являются морфологический (суффиксация). Если обратиться к значению аффиксов, то можно отметить, что прозвища становятся

характеризующими, Наиболее экспрессивными являются женские прозвища с суффиксом *-их* типа *Калачиха* (отец пек на продажи калачи, его звали *Калачом*), в большинстве своем прозвища, оформленные при помощи соответствующей традиционной модели с суффиксом *-их*, воспринимаются негативно: *Лавриха, Маслиха, Комариха, Рогачиха*. [Потапова, Щербак 2008: 393-396]. В молодежной среде частотен суффикс *-ень*: бабушку, шаркающую при ходьбе, называют *Шаркень*; суффикс *-ан-* – типичный суффикс имен с фамильярно-просторечной оценкой (ср.: *Колян, Вован, Толян*), суффикс имен существительных женского рода *-к-*, входящий в состав прозвища *Булка*, придает именованию экспрессию.

Иные ассоциации, чем в среде людей более старшего возраста, наблюдаются при анализе прозвищ, возникших в молодежной среде. К примеру, *Кривой* («у молодого человека нарушена координация движений»); *Шаман* («ходит покачиваясь, размахивая руками, опустив голову, как будто шаманит»).

Если человек как бы подпрыгивает при ходьбе, в молодежной среде его зовут *Заяц, Кузнечик*; человека с пружинящей походкой называют *Пружина, Резина*. Девушка, которая ходит широкими шагами, имеет прозвище *Шире шаг*.

В среде людей, принадлежащих к старшему поколению, оценке подлежит и скорость ходьбы. Тех, кто быстро ходит, называют *Самолет, Вертолет, Рысак, Бегунок, Машка-ходок*. Человека за медленную ходьбу зовут *Черепаша*, а хромого зовут *Трѐх* («не идет, а трѐхается; «трѐхаться» в тамбовских говорах означает «идти медленно, неровным шагом из-за хромоты»).

2) прозвища, данные по манере поведения

Естественное поведение человека, адекватное определенной ситуации, есть то поведение, которое отвечает стандарту. Любое нестандартное поведение замечается, и ему дается соответствующая оценка. *Фуфель* – так зовут человека, который ведет себя неестественно,

«наигранно». В молодежной среде девушка получает прозвище *Фи* («строит из себя недотрогу, таковой не являясь»).

Неестественным, по мнению создателей прозвищ, является существо женского пола, которое ведет себя как мужчина. *Семен Иванович* – «женщина, по имени Анна, может сделать любую мужскую работу». Школьники зовут девочку *Гошка*, потому что она «ведет себя, как мальчишка».

Любопытны многие, это всем известно, но если это любопытство чрезмерное, иногда влекущее за собой неприятные последствия, то оно получает соответствующую оценку, эксплицитно выраженную в таких прозвищах, как: *Сплетница*, *Милицонер* («женщина, которая вечно подглядывает за всеми, все вынюхивает»); *Смотритель* («женщина, которая подсматривает, все о всех знает»); *Вертолет* («женщина, которая все вынюхивает, выискивает»). Как видим, прозвища подобного типа закреплены за женщинами, существами, которые испокон века отличаются любопытством. Прозвище любопытного мужчины – *Чекист* («он не только подсматривает за всеми, но и осуждает, выносит приговоры»).

Традиционно считается, что женщине трудно «удержать язык за зубами», оттого и неестественным выглядит ее поведение, если она умеет хранить как свои, так и чужие секреты. У такой женщины появляется прозвище *Партизанка*.

Одежда, манера её носить многое говорят о характере человека, например, *Босяк* («расхлябанный и в одежде, и в поведении»)

3) прозвища, данные по любимым словам

В качестве дифференцирующего признака, который может стать определяющим и ложиться в основу прозвища при оценке человека, могут быть любимые слова, часто произносимые, или слова-паразиты, засоряющие речь коммуниканта.

Все прозвища данного типа среди тех, которые были зафиксированы на территории Тамбовской области, являются мужскими и наблюдаются

как в среде взрослого населения, так и в молодежной среде. Например, *Нехуже* («мужчина постоянно повторяет это слово в своей речи»); *Не спорь* («милиционер отвечает на каждое возражение»); *Куманёк* («мужчина так обращается ко всем: мужчинам, женщинам, детям»); *Милаха* («любимое обращение мужчины к собеседнику»); *Тем-тем* («слово-паразит в речи мужчины»). Слова-паразиты стали прозвищами: *Чиво*, *Чего*, *Ё-моё* («повторяет через слово»).

В молодежной среде бытуют прозвища *Рязанов В.В.* («молодой человек ко всем обращался по фамилии, имени и отчеству»); *Маманя* («на всех переменах бегал по коридору и кричал: «Маманя!»); *Бабушка* («всегда и во всем ссылается на свою бабушку: «А вот моя бабушка...»); *Пирожок* («молодой человек на всякий вопрос отвечал: «А вот твой пирожок в урне валяется»); *Старая клюшняя* («молодой человеку так называет свою девушку, которая старше его на месяц»); *Шамому мало* («так молодой человек отвечал, когда у него что-нибудь просили»); *Чук* («этим словом сторож отпугивал ребят от колхозного сада») [из опроса учащихся МОУ школы № 3].

Иногда в качестве прозвищ выступает манера произношения какого-нибудь слова: *Кукурука* («так произносил мужчина слово кукуруза»); *Бырбан* («мужчина толстый с большим животом, обычно хлопает себя по нему и приговаривает «Вот какой у меня бырабан (барабан) вырос»).

Любимые слова, используемые в качестве прозвищ, могут дополняться некоторым смыслом. Например, *Даун* («молодой человек, беря телефонную трубку, говорил: «Да-у» (т.е. да»); *Тик-так* («учительница русского языка часто говорила слово *так* и при этом очень заметно подмаргивала»); *Тычок*, она же *Тынчер* («девушка изображала чью-либо походку словами тынчь-тынчь-тынчь»). Кроме прозвищ *Тик-так*, принадлежащего женщине, есть еще одно женское прозвище: *Наваристая* («девушка любила повторять это слово вместо слова крутой»).

4) прозвища, данные по любимому занятию

Прозвища могут быть даны и по любимому занятию того, кого оценивают. Они делятся на две большие группы, одна из которых содержит те, которые выражают позитивное отношение, а ко второй относятся прозвища, содержащие неодобрение и порой насмешку над тем, кому эти прозвища были даны. Если человек занят любимым делом и проявляет при этом немалые способности, а порой и талант, то для оценки, чаще всего положительной, берутся ассоциации, имеющиеся в народном опыте, для приравнивания, одобрения, похвалы. Например, *Яшин* («хорошо играет в футбол, как Яшин»); *Захар* («играет в футбол так же хорошо, как Захаров»); *Мюллер* (по фамилии известного футболиста). Те, кто хорошо рисует, удостоились прозвищ *Пикассо*, *Репин*. *Чайковский* – человек, который может играть на любом инструменте, *Цой* «хорошо поет», *Артист*, хоть ему уже исполнилось 70 лет, – «активный участник сельской художественной самодеятельности». Тот, кто по-настоящему занимается спортом, получает прозвище *Спорт*. *Шлем* увлекается мотоциклами.

Девушка, больше всего любящая играть в игру «Дэнди», получила прозвище *Жапчик*. Мужчина, читающий все газеты, приходящие в село и любящий обсуждать политические события с односельчанами, носит прозвище *Политрук*.

Но не все занятия, которым отдают свой досуг люди, могут вызвать положительную оценку. Если в первой группе прозвищ, данных по любимому занятию, преобладают мужские (исключение составляет *Жапчик*), то во второй группе оказались и женские. Негативную оценку получили те женщины, которые играют в азартные игры, – *Игралка* («всю жизнь все свободное время играет в лото на деньги»), а также те, которые курят либо нюхают табак: *Курилка*, *Нюхалка*, *Нюхтарка*.

Не пользуются уважением на селе и те, кто помогает писать анонимные письма, отсюда *Писарь*, а также те, кто находится в постоянных разъездах, кому не сидится дома: *Миклухо-Маклай*.

Пользуются уважением на селе люди крепкого телосложения, сильные, но вот тому, кто приобрел мышцы не в труде, а на тренажерах, дают прозвище *Кача, Качок*.

5) *прозвища, данные по любимому виду одежды*

Предпочтение какому-либо определенному типу одежды бросается в глаза, что также может служить определенной, отличительной чертой человека. Большую часть таких прозвищ составляют те, которые появились в молодежной среде, отражая пристрастие кого-либо к той или иной форме одежды. Вероятно, это можно объяснить любовью молодых людей к разного рода экспериментам. Старшее поколение более консервативно в этом плане, хотя и оно способно дать оценку человеку, носящему всегда одно и то же. Например, *Лампас* («мужчина всю жизнь ходит, как казак, в штанах с лампасами»); *Капрал* («мужчина ходит в военной форме, которая осталась от деда»); *Монах* («мужчина носил брюки навыпуск, хотя все в селе заправляли их в сапоги, потому что было грязно»); *Дерматинный* («мужчина который носил только пиджак из дерматина»); *Зеленый* («местный учитель постоянно ходит в зеленом пиджаке и очках с зелеными стеклами»); *Клетчатый* («часто меняет пиджаки, но все они в клетку»).

В молодежной среде отмечают следующие прозвища: *Дихлофос* («молодой человек так себя обрызгивает одеколоном, что с ним можно стоять рядом, если только зажать нос»); *ЧП* («молодой человек носит черный плащ»); *Балахон* («молодой человек носит одежду на два размера больше»); *Шнурок* («старшеклассник, а носит ключи на шнурке, как маленький»); *СЭМ* («вечно пьяный мужчина, ходит всегда небритый в мятой одежде, но 1 Мая бреется, надевает выглаженный костюм и похваляется: «Я самый элегантный мужчина»). Обращает на себя внимание такие женские прозвища, как *Памкин сид* (Pumpkin seed – тыквенное семечко) – «девушка любит оранжевый цвет, причем сама ярко-рыжая»; *Попадья* («девушка носит только длинные (макси) юбки, хотя все

вокруг предпочитают мини»); *Пеструшка* («студентка носит очень пеструю одежду»); *Витязь в тигровой шкуре* («пять лет мужчина носил костюм под леопарда») [из личной картотеки].

б) *прозвища, данные по любимому кушанью*

Прозвищ, данных по любимому виду кушанья, немного, и все они (за одним лишь исключением) встречаются в старшей возрастной группе. В основном это прозвища, пришедшие из семей и подхваченные родными, знакомыми, друзьями. Почти все они созвучны апелляциям: *Котлета*, *Сосиска*, *Пепин* (сорт яблок). Иногда это общее название *Сластёна* («мальчик очень любит все вкусное, сладкое»). Любители тех или иных кушаний, с восторгом говоря о своих любимых блюдах, употребляют уменьшительные формы, которые сохраняются и на уровне прозвищ: *Супчик*, *Кашечка*, *Чайк.*, *Булочкак* (из опроса учащихся МОУ школы № 3).

Встречаются прозвища с конкретизаторами в виде личных имен: *Ваня Ши* («в детстве ел только ши»), *Лидка-колбаса* («за колбасу душу продаст»).

В молодежной среде встретилось прозвище, явно рожденное новым бытом: *Цунь-Дзунь* («молодой человек предпочитает китайскую кухню»).

7) *прозвища, данные по любимым песням и фильмам*

Прозвищ подобного типа немного, они не ассоциативны, а являются повторением названий песен, фильмов. Например, *Жанна* (песня о стюардессе по имени Жанна), *Васильки* (название когда-то популярного городского романса), *Студент* (подходя к девушкам, молодой человек всегда пел песню «Студент» группы «Руки вверх»). Молодого человека прозвали *Титаник* за любовь к этому фильму, к тому же фамилия его Кораблев [из личной картотеки].

8) *прозвища, данные по какой-либо мечте*

Мечты могут исполняться, а могут так и остаться ими. Но и они могут стать прозвищами, имеющими как позитивную, так и негативную окрашенность: *Медок* («у женщины рождались дочери, а ей хотелось сына,

и он родился, мечта исполнилась; мать, целуя его, приговаривала: «Ах ты, мой медок»); *Механик* («молодой человек с детства мечтал стать механиком, и он стал им»).

Несбывшиеся мечты приносят огромную печаль, и напоминание о них, отражающееся в прозвищах, очень больно ранит: *Чкалов* («мечтал с детства быть летчиком, но не стал по ряду причин, о которых он не хочет говорить»); *Маруся* («у женщины было два сына, ей очень хотелось иметь дочь, но родился сын, и соседи стали звать его Маруся»); *Ангела* («женщина хотела дочь, придумала ей имя – Ангела, но родился сын; женщина не могла с этим смириться и однажды, когда звала мальчика домой, крикнула: «Ангела!» И стал он с тех пор Анжелой»).

Достаточно большое количество прозвищ восходят к названию тех мест, откуда прибыли жители на новое поселение. Этот фактор может послужить отличительным признаком человека. К примеру, *Чапай* («приехал из Чапаевска»), *Курский* («приехал из Курска»). Иногда прозвищем становится ошибка: *Рим* («приехал из Риги, а все поняли из Рима»); *Воха* («приехал из Казахстана и утверждал, что так казахи произносили его имя Лёха»).

В качестве основы прозвища может быть положено название национальности или что-либо, связанное с ней: *Армян* («приехал из Армении»); *Ара* («приехал из Армении и утверждал, что ара по-армянски «друг»).

Современная политическая ситуация может отражаться и в прозвищах: *Чеченская снайперша* («женщина приехала из Чечни»).

9) прозвища, связанные с местом жительства

Прозвища данного типа восходят к географическому положению дома либо к каким-нибудь объектам, расположенным около него и служащим своеобразным ориентиром: *Южная* («живет на улице Южной»); *Журавль* («около дома, где живет молодой человек, расположен

колодец с журавлем»); *Королева бензоколонки* («около дома девушки находится бензоколонка»).

10) *прозвища, данные по каким-либо случаям или событиям из жизни человека*

Этот вид прозвищ довольно распространенный и многоаспектный, основан на тех событиях или случаях из жизни кого-либо, которые надолго запоминаются и служат отличительными признаками, выделяющими человека из ряда ему подобных.

То, как маленький ребенок выговаривал некоторые слова, помнят как родные, так и знакомые, отсюда и очень необходимые прозвища, возвращающие человека в детство: *Клёка* («так произносил в детстве слово «крестная»); *Дюха* («так выговаривал свое имя Андрюха»); *Лялёка* («так произносил свое имя Валерка»); *Мехеня* («говорил я мехеня вместо я махонький»); *Хаев* («так произносил в детстве слово коров: «Баба, хаёв гонят»); *Липочка* («в детстве вместо платочек говорил липочек»).

Из детских лет идут прозвища, напоминающие либо о каких-то трагических событиях, либо о каких-либо особенностях поведения, которые, возможно, хотелось бы забыть. Ребенок вырос, изменился, а прозвища так и остались. Речь идет о таких прозвищах, как *Синий* («родился весь синий, думали, что не выживет»); *Хрипой* («в подростковом возрасте голос стал хриплым»); *Чуня*, он же *Чунёк* («в детстве был большим грязнулей»); *Саша Свин* («в детстве любил купаться в лужах»); *Тарзан* («любил в детстве играть в Тарзана»); *Борода* («в подростковом возрасте у него на подбородке появились волоски»); *Чебурашка* («в детстве у него были очень большие голова и уши, а туловище маленькое»); *Трюльник* («долго не выговаривал букву Р и впервые произнес ее в слове трюльник»); *Немтырь* («очень долго не говорил»).

Ошибки, сделанные кем-либо, если они забавны, тоже ложатся в основу прозвищ, которые воспринимаются как обидные. Например, *Дуда*

(«молодой человек от волнения вместо туда сказал дуда»); *Рама* («написал в начальной школе вместо своего имени Рома рама»).

В школе всякое событие на уроках или переменах не только запоминается, но и увековечивается в прозвищах, которые редко выходят за пределы этого закрытого сообщества, хотя многие закрепляются за человеком, надолго или навсегда являясь его дифференцирующим признаком.

Цинк («на уроке химии неадекватно прореагировал на название этого металла»); *Зеленый* («любил выводить из себя учителя истории, и тот в гневе кричал: «Ты передо мной еще зеленый»); *Муму* («на уроке, когда читали «Муму» И.С. Тургенева, горько плакала над судьбой Муму»); *Президент* («в 1-ом классе, когда учитель спросил у ребят, кем они хотят стать, ответил: «Президентом!»); *Пять минут* («когда Рому просят что-нибудь сделать в классе, он говорит: «Пять минут!»); *«Гитлер, капут!»* («девочку так прозвали в 9-ом классе, когда завуч школы, раздав детям страховые полисы, сказала: «Света родилась на родине Гитлера»); *«Луч света в темном царстве»* (так называла себя сама одна из пяти подруг, считавшая себя самой красивой из них) [из опроса МОУ школы № 3].

Могут возникать прозвища, построенные на разного рода ассоциативных связях: *Анка-пулеметчица* («Аня, если не выучит урок, начинала говорить быстро-быстро и невнятно»); *Мраморный* («когда его вызывали к доске, он становился белым, как мрамор, неподвижным, застывшим»).

Таким образом, прозвища, восходящие к тем или иным событиям или случаям из жизни кого-нибудь, даются либо путем превращения апеллятива в прозвание, либо путем нахождения разного рода ассоциаций. Подобное выявляется в разных возрастных группах: *Димедролиха* («бабка-самогонщица добавляла в самогонку для крепости димедрол»); *Бамист* («работал на БАМе»); *Куба* («служил на Кубе»); *Чаёк* («когда приходил в

гости, говорил: «Давай чайку попьем»); *Левый* («на фронте был ранен в левую руку»); *Японец* («воевал в 1945 году на японском фронте»).

Эти примеры свидетельствуют о переходе апеллятивов в прозвища. Однако при их образовании чаще используются метонимические или метафорические переносы: *Циркач* («после ранения в Афганистане вернулся домой и выделывал такие фокусы, что и в цирке не нужно ходить»); *Хохлушка* («выходила замуж на Украину, вернулась»); *Машка-Батон* («в молодости делала прическу, напоминавшую батон»); *Каблучок* («отремонтировали трактор, он не заводился, тогда тракторист ударил по нему каблучком – он и завелся»); *Макаронина* («когда приезжал в село на каникулы, всегда в подарок родным привозил макароны»); *Клинтон* («сломал ногу в одно время с Клинтоном»); *Воробей* («пьяный всегда кричал: «Убью, как воробья»); *Баран* («после сотрясения мозга стал глупым, как баран»); *Матильда* («девушка читала книгу, в которой главную героиню звали Матильдой, один из друзей стал отнимать книгу, мельком прочитал несколько строк, где и было написано имя Матильда»); *Кирпич* («молодой человек в драке использовал кирпич»); *Горбач* («работал на «горбаче» КАМАЗе»); *Кутаиси* («работал на машине, выпущенной в г. Кутаиси»); *Немец* («любил использовать в речи иностранные слова»).

Друзья завидовали ребятам, которые уехали в пионерский лагерь и в санаторий. Но уехавшим не повезло: проболели почти всю смену. Чувство зависти исчезло, зато появилось нечто вроде злорадства, которое эксплицитно вышло в виде прозвищ: *Микроб*, она же *Микробчик* и *Изолятор*.

Отец похвалил сына за благородный поступок, назвав его рыцарем. Присутствующие при этом друзья не без ехидства стали называть его *Рыцарь*.

Не осталась незамеченной и хитрость Васи, который, не выговаривая букву Р, старался избегать слов, в которых она имеется. Вместо слов

трактор, пятерка, рубль говорил соответственно дизель, пятишник, монета». Вот и назвали его *Вася Рэ-Рэ*. В отместку мальчику, который всем придумывал прозвища, ребята стали звать его *Покемон*.

Имеется прозвище, которое дал себе сам молодой человек, *Асисяй*. Он мотивировал это тем, что ему «очень нравится звучание этого слова».

Механизмы метафорических и метонимических переносов неразрывно связаны с прозвищными онимами. В основе процесса метафоризации как процесса обработки структур знаний, являющих собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром, с миром субъектов и социумом, лежит когнитивная метафора [Дж. Лакофф, М. Джонсон 2004: 9].

Метафорические и метонимические отношения в прозвищных онимах дают возможность говорить о том, что развитие значения прозвища может быть вызвано различиями в структуре образности, которая находит свое воплощение на уровне антропонимической системы. Речь идет о том, что прозвища отражают общепринятые ментальные образы, имеющие устойчивый характер и разделяющихся большим количеством говорящих на данном языке.

Системность метафорических и метонимических переносов можно проиллюстрировать разнообразием прозвищ, обусловленных безграничной словотворческой способностью языкового сознания пользоваться метафорическими переносами, например, из сфер *Материальный мир*, *Животный мир* в сферу *Человек*. Среди групп прозвищ этому критерию отвечают прозвища визуального и ментального типов, а также прозвища, данные по манере поведения, привычкам, разным случаям или событиям из жизни.

2.7. Отражение в прозвищах этнической и социальной прикреплённости

Прозвища, данные по национальному признаку и социальному положению, составляют незначительное количество. Подобное явление характерно для тамбовской ономастической традиции в целом, на это указывает и небольшой процент фамильных антропонимов, восходящих к этим отличительным признакам [Дмитриева, Щербак 2004: 15-16].

Социальный характер имеют прозвища: *Копейка* («был маленьким, неказистым и бедным»), затем он разбогател, оставшись маленьким, неказистым, и превратился в *Доллар*.

В основу прозвищ чаще всего кладутся слова семной организации, в которых имеется сема «богатый». Например: *Барин* («жил всегда зажиточно, богато, в хорошем добротном доме»); *Буржуй* («очень богатый человек, народ считает, что это за счет воровства из колхоза»). Как видим, даже в выборе апеллятивов существует разная оценка человека, имеющего материальный достаток; барин в русском народном традиционном сознании – человек, живущий в хоромах, богатый; буржуй же – это капиталист, наживший богатство эксплуатацией чужого труда, по натуре своей хищник. Отсюда и интерпретация прозвища: барин живет богато, в добротном доме, а буржуй стал богатым путем хищения.

Национальная прикреплённость отмечена лишь в нескольких прозвищах, которые восходят не к национальности того, кому дают прозвище, а к национальности его родителей. Например: *Хохол* («отец у него украинец»); *Германка* («мать у нее родом из Германии»), Шваб («немец»). Ассоциации, связанные с кинофильмом «Белое солнце пустыни» обнаруживаются в прозвище *Саид* («у мальчика отец – армянин, мать русская»).

В русской ономастической традиции имеет, как известно, распространение явления энантиосемии: *Графиня* («девушка, которая была родом из самой бедной семьи в деревне»). В молодежной среде

распространены прозвища, основу которых составляют либо иностранные слова, либо чужеземные апеллятивы: *Рич* (Rich – «богатый»), *Доллар*.

2.8. Репрезентация знаний о прозвищах, переходящих по наследству

Среди прозвищ, которые встречаются на территории Тамбовской области, зарегистрированы такие, которые передаются по наследству, т.е. наследственные. Подобное явление отмечается в основном среди жителей сельской местности, где, живя в довольно замкнутом пространстве, люди хорошо знают друг друга, хорошо знают все поколения той или иной семьи, могут их сравнивать ее членов, оценивать их сообразно ценностной шкале, ведя точку отсчета от старших к младшим.

Самым распространенным является переход прозвища по мужской линии. Например: *Мичман* («отец был моряком, его прозвали *Мичман*; сейчас это прозвище носит сын»); *Снабженец* («отец работал в отделе снабжения района; его прозвище перешло к сыну»); *Штатный* («отец любил петь песню: «Девка штатная (статная) у станка; прозвище *Штатный* перешло к сыну»); *Пух* («отца звали *Пух*, потому что у него были кудрявые волосы, в которых всегда застревал тополиный пух; *Пухом* стал и сын, хотя волосы у него были прямые»).

Отмечено женское прозвище, восходящее к прозвищу отца: *Калачиха* («отец пек на продажу калачи; его звали *Калачом*»). Прозвище, как явствует из примера, оформляется в данном случае суффиксом, традиционно употребляющимся в русском языке для обозначения лиц женского пола по роду занятий либо прозвищу или фамилии мужа.

Единичным оказалось прозвище, которое перешло от матери к дочери: *Гулюшка* («мать звали Гулюшкой за ее хрупкость и миловидность; дочь внешне очень похожа на мать, ее тоже стали называть *Гулюшка*»).

Есть примеры прозвищ, которые передаются как бы по наследству по мужской линии на уровне трех поколений. Например: *Пасечник* («дед

был пасечником, его звали *Пасечник*; у него всегда был очень вкусный мед; ни сын его, ни внук пасеку не держали, но их тоже звали *Пасечник*»).

Встречаются и своеобразная передача прозвищ по наследству от деда к внуку, минуя промежуточное звено – отец: *Художник* («дед хорошо рисовал, его звали *Художник*; внук тоже рисует, он также зовется *Художник*»). Если отличительный, т.е. дифференцирующий признак, не принадлежит к числу особых свойств внука, то прозвище, перешедшее к нему от деда, оформляется как фамильная антрополексема: *Глухарев* («внук Глухаря, так звали его глухого деда»).

Передаются прозвища и по линии прадед (прапрадед) → правнук (праправнук): *Чабан* («прадед пас овец; правнук пасет коров, т.е. является пастухом»).

Зафиксированы и женские прозвища, передаваемые по наследству и идущие от прадедов или даже от прапрадедов; причем при оформлении женских прозвищ наблюдается сохранения гендерного принципа их оформления. Например: *Сибирячка* («прадед был из Сибири, его прозвище было *Сибиряк*; правнучка стала *Сибирячкой*»); *Соломониha* («прапрадеда звали *Соломон*»).

Переходить могут прозвища от отца к сыну с трансформацией: *Бог* («отец, который хвастался тем, что все может») – сын *Божонок*.

Отмечаются прозвища, которые переходят от старшего брата к младшему. Например: *Муравей* («старший брат, маленький, но трудолюбивый; младший брат тоже отличается трудолюбием, но он высокого роста. Его зовут *Сергея Муравей*; чтобы отличить от старшего брата, добавляют имя»). В данном случае оба брата имеют хотя бы один сходный признак, но есть примеры, когда братья резко отличаются друг от друга, носят одно и то же прозвище. *Лобан* («старший брат коротко стригся, оставляя только челку, закрывавшую лоб; младший брат носил другую прическу, но его звали по брату *Лобан*»); *Винни-Пух* («старший

брат был очень полным и имел прозвище *Винни-Пух*; младший брат носил то же прозвище, хотя был очень худым»).

Семейные прозвища делятся на две группы:

- 1) прозвища, данные всем членам семьи в целом, и прозвища, данные мужу и жене, и не распространяемые на детей;
- 2) прозвища, используемые внутри семьи.

К первой группе можно отнести следующие прозвища: *Мягкие* («вся семья, как взрослые, так и дети, очень полные»); *Мировые* («любимой частушкой была такая:

У меня мамка мировая,

У меня папка мировой,

И я тоже мировая:

В три часа иду домой»);

Макарцы («всех членов семьи зовут *Макарцы* по деду Макару, которого на селе очень уважали»); *Три мушкетера* («три сестры, каждой из них уже под 70 лет, они живут вместе всю жизнь и друг без друга никуда не ходят»); *Чечня* (семья хронических алкоголиков, пьют в ней все: от мала до велика, дома вечно грязно, есть нечего).

Встречаются прозвища, которые даются только мужу и жене, причем даваться они могут мужу и жене одновременно. Например, *Зайки* («они друг друга называли Зайками»); *Журка и Жужа* («муж («муж и жена Журихины, очень дружная пара»); *Булка* («так муж называл свою жену, потому что, по его словам, она мягкая и сдобная, как булка, к тому же хорошо булки печет»). Прозвище *Булка* закрепилось за женой, мужа стали называть *Булкан*.

Женские прозвища могут быть образованы от профессии мужа, что в принципе традиционно для русской ономастической системы: Муж – *Ментозавр*, жена – *Ментозавриха*.

Ко второй группе семейных прозвищ относятся прозвища, которые даются членам семьи друг другу и используются лишь внутри семьи.

Будучи экспрессивными, они содержат оценку каких-либо черт характера близких родственников, как позитивных, так и негативных, что можно считать устоявшимся в русской ономастической традиции способом появления прозвищ. Кроме того, в качестве основы для появления семейных прозваний используются отличительные признаки человека, касающиеся его внешности, манеры поведения, случаев из жизни.

Для иллюстрации данных положений проанализируем прозвища, ходящие в кругу семьи и представленные одним из информаторов, активно участвующего в работе научно-исследовательского центра Русист» при кафедре русского языка Института филологии ТГУ им. Г.Р.Державина (Спешинская А.М., д. Волчки, Петр. р-н., запись 2000 г.).

Семья, по свидетельству ее члена, принадлежит к сельской интеллигенции: отец – врач, мать – учительница. Семья очень дружная, находится в хороших отношениях с родственниками, в семье 3 детей. Бабушку зовут *Прокурором* за то, что она очень дотошная и всюду «сует свой нос». *Мойдодыр* – это мать, очень чистоплотная, сама и зорко следящая за чистотой в доме. *Лысый* – совсем облысевший тесть. В гости часто приходят дяди. Один из них носит прозвище *Граф а ля Коко*, потому что он высокий и ходит, как петух. Второго дядю зовут *Сынок*: ему уже сорок лет, а он какой-то несамостоятельный. Третьего, «неперетруждающегося дядька нарекли *Офицер*. У детей по несколько прозвищ. Дочь зовут *Якат*, она так в детстве произносила «я так». У нее же прозвище *Вжик*, которое ей дал отец за то, что она очень быстро исполняла все его требования.

Старшего мальчика в семье зовут *Шоколадный мальчик* за смуглость кожи, а также *Бес* за непоседливость и проказливость. Младшего сына, с которым, по мнению родителей, невозможно найти общий язык, назвали *Чадю*, он же *Чадюшко*, он же *Ребенок*.

Заметим, что у жителя сельской местности может быть официальная фамилия наряду с так называемым прозвищем по дворцу, по которому

знают этого человека, его родственников значительно лучше, чем по фамилии. Прозвище по двору – это прозвище семейное, которое передается из поколения в поколение. Приведем примеры семейных прозвищ жителей сёл Горелое, Черняное, Дубки (Тамб. р-н,) [Вихляева Л.Е, запись 2008-2010 г.; Кузнецова В.П., запись 2008 г.; Булгакова С.А., запись 2010 г.]. См.: Таблица 5.

Таблица № 5

**Официальное и неофициальное именование жителей
сёл Горелое, Черняное и Дубки'
Тамбовского района Тамбовской области**

Официальная фамилия	Прозвище по двору
Николаевы	Авашки (авашка – маленький воробей, так называют его в Горелом). Родоначальники фамилии были приземистыми, крепкими, невысокими.
Тамилины	Шиваревы (Шивари) Все родственники высокие, сильные, драчуны, некоторые любят подраться, расшвыряют кого угодно.
Здеревы	Чечены (все черноволосые, активные, порой даже агрессивные)
Поповы	Мхоткины (женщины из рода были маленькие, как кругленький горшок – махотка)
Никольские	Комалецкие (по отцу, который был большеголовый, с большими залысинами, поскольку житель сельской местности, то прослеживается соотнесенность с безрогими животными, которых на селе называют комолыми)
Дудины	Явраскины (по деду Явраске (прозвище), который любил повторять: «Я враз (сразу) все сделаю»).
Рыбкины	Катнёвы (был дед по прозвищу Катня, который картошку называл катнёвочки)

В настоящее время, когда в ситуации массовой культуры возрастает интерес к традиционной народной культуре, надежным источником моделирования картины мира являются прозвища как некое «хранилище» и одновременно трансляторы информации из поколения в поколение.

2.9. .Отражение рода деятельности человека в прозвищах

Непосредственно по названию профессии или рода деятельности даны следующие прозвища: *Пчеловод*, *Бочар*, *Птицелов* (ловит на продажу птиц), *Бригадир*, *Чабан* (пасет овец), *Таксист*, *Собачник* (занимается разведением охотничьих собак), *Жестящик*, *Музыкант* (играет в оркестре), *Овцеводка*, *Повар*, *Экономистка* (работает экономистом в колхозе), *Композитор* (местный бард), *Голкипер* (вратарь в местной футбольной команде). Встречается в качестве прозвища и название когда-то очень распространенной профессии: *Тархан* (тот, кто собирает кожу с собак и выделывает ее).

Возможно переосмысление бывшего названия профессии: *Овчинник* («человек вяжет носки из овчины»; раньше тот, кто занимался выделкой овчины либо шил овчинные тулупу); *Хлебник* («печет хлеб в колхозной пекарне»; раньше «тот, кто скупает или продает хлеб»); *Могильщик* («устанавливает памятники на могилах»).

Отмечены в качестве прозвищ слова, называющие профессии и помеченные как стилистически окрашенные: *Водила* («водитель»), *Кинщик*, он же *Кинощик* («был киномехаником»).

Прозвищем может стать и название бывшего рода деятельности: *Боцман* («служил раньше боцманом на флоте»), *Танкист* («служил в танковых войсках»), *Кок* («поваром был на судне»).

Люди, носящие вышеперечисленные прозвища, - люди, по свидетельству информантов, на селе уважаемые, хорошие мастера,

знающие и любящие свое дело. И прозвища, полученные ими, – своего рода дань уважения односельчан.

Если в образовании прозвищ присутствуют разного рода переносы (метафорический, метонимический), то в таких прозвищах появляется экспрессивный оттенок, придающий им позитивный, но чаще всего негативный смысл. Таким образом, оценка человека по роду его деятельности становится на ценностной шкале значительно ниже той, которая была отмечена в прозвищах, совпадающих с названием профессии или родом деятельности.

На основе метонимического переноса образованы следующие прозвища: *Рашиль* («плотник»; рашпиль – плотницкий инструмент); *Гургуфель* («плотник»; гургуфель – вид рубанка); *Кафтанка* («человек шил кафтаны»); *Кура* («разводила кур для торговли»); *Крѣх* («всю жизнь проработал на свиноферме»); *Горгаз* («он один на селе, когда провели газ, умел обращаться с газом, и все к нему обращались за помощью»); *Мельник* («работал барменом в развлекательном центре «Мельница»).

Иронический оттенок имеют прозвища, в которых присутствует некоторая ироническая или даже пренебрежительная оценка человека по роду его деятельности. Например, *Прокурор* («работал в суде секретарем»); *Шеф* («работал личным шофером начальника»); *Офицер* («был в милиции сержантом»); *Майор* («был очень строгим инструктором вождения»).

Но наиболее экспрессивным являются прозвища, которые восходят к называнию современного апеллятива старым, вышедшим из употребления, имеющим в историческом опыте народа негативную окраску, словом: *Урядник* («бывший участковый»); *Прислужник* («заместитель начальника»).

Если к людям, занимающимся спортом, относятся с должным уважением, то иного отношения могут заслуживать те, кто постоянно

хвастается своими успехами, демонстрируя окружающим свое «превосходство»: *Робот* («занимается каратэ»).

Уже говорилось выше, что рифмованные прозвища ближе к дразнилкам, которые, несомненно, всегда обидны: *Сланец-Славец* («Слава работает в «Ремонте обуви»).

Учитель в селе – заметная фигура, это один из наиболее грамотных людей. Отношение к ним чаще всего уважительное, хотя и несколько настороженно, особенно если учитель – человек городской. Директора школы могут назвать отстраненно Шеф или менее официально *Папа*, если в последнем случае речь идет о директоре, проявляющем искреннюю заботу о своих подопечных. Директора школы, имеющего строгий вид, очки, называют *Профессорша*. Учителя средней школы, часто выступающего с лекциями пред сельчанами, зовут *Просветитель*.

У работника типографии ввиду его причастности к выпуску печатной продукции прозвище *Ученый*; сотрудница, много говорящая о роли витаминов, становится *Витаминкой*.

Экспрессивны прозвища, образованные от действий, которые совершают люди в процессе своей деятельности. Обычно их даже случайное сходство с каким-либо, даже очень негативным по значению, словом не вызывает обиды у носителя прозвища, поскольку в его основе лежит не оценка, а желание добиться, вызвать улыбку, так как прозвище это напоминает своего рода каламбур. Например, *Стригун* («парикмахер»); *Стукач* («ночной сторож»); *Дамьё* («работал в клубе, любил объявлять дамские, т.е. медленные танцы»).

Лесника по традиции зовут *Лешим*, это вполне различимая и понятная ассоциация. После просмотра мультипликационного фильма «*Человек-паук*» сельского электрика, часто лазающего по столбам, назвали *Паук*.

Переосмысление термина привело к появлению прозвища *Некрофил* («работал на кладбище»).

Традиционное *Мент*, которым стали повсеместно называть милиционера, превратилось в *Ментозавр*. Достаточно часто встречаются прозвища, где в качестве своеобразных конкретизаторов выступают имена личные: *Люба Иголочка* («хорошая портниха»), *Вера Модистка* («работает в швейном ателье»), *Алеша Сварной* («сварщик»), *Тетья Вера Швабра* («всю жизнь работала уборщицей»), *Юрка Прораб*.

Отмечаются прозвища, которые требуют некоторых пояснений. Так, например, Костю называют *Мосол*. Рождение подобного прозвища основано на сходстве звучания личного имени Костя и апеллятива «кость», а крупная кость – это *мосол*.

В когнитивных исследованиях подчеркивается, что ассоциативная семантика имен собственных позволяет решить некоторые проблемы, известные традиционной ономастике, но не находившие разрешения. Необходимо учитывать качество фона, к которому должны возводиться прозвища.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.

1. На языковом уровне проявляется зависимость между семантическим признаком смысловой структуры прозвища и его морфологической структурой и комплексом грамматических признаков, отражающих яркую картину позитивной/негативной оценки человека на основе тех значений, которые имеют аффиксы в системе русского языка, среди которых оценку во многих случаях содержат в основном суффиксы.

2. Языковые процессы, которые приводят к образованию прозвищ, восходящих к именам и фамилиям, сводятся к отбрасыванию фамильных формантов, по созвучию, прибавлению суффиксов, на основе переосмысления, сложения основ и аббревиатуры, реатимологизации. В большинстве своем прозвища являют имена существительные (приблизительно 1:16 в соотношении с прилагательными).

3. Конструирование непосредственно положительного или отрицательного оценочного смысла, репрезентированного прозвищами, зафиксированными на территории Тамбовской области как в сельской, так и городской среде, заключается в установлении межконцептуальных связей, которые являют собой когнитивную структуру, отражающую направление оценочной деятельности сознания человека. В качестве основных когнитивных механизмов конструирования оценочного знания выступают механизмы метафорических и метонимических переносов.

4. Репрезентация оценочного смысла прозвищами обусловлена когнитивными областями, раскрывая идеи и принципы познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире: «официальное именование человека», «внешний вид человека» (визуальный тип), «черты характера человека» (ментальный тип).

5. Формирование оценочных смыслов прозвищных онимов находит отражение в лексической семантике оценочных единиц на уровне оппозиций *толстый-худой, сильный – слабый, красивый – безобразный, добрый – злой, серьезный – несерьезный, веселый – невеселый, умный – глупый, трудолюбивый – ленивый, ловкий – медлительный*. В рамках когнитивной области «внешность человека» в качестве объекта оценки рассмотрены такие аспекты, как *волосы, голова, лоб, глаза, лицо, нос, губы, зубы, челюсть, уши, шея, цвет кожи, осанка, руки, ноги, сходство с кем-либо одежда, общее впечатление*. По характеризующим признакам и ассоциациям доминируют прозвища, данные по особенностям внешнего вида и поведения.

6. Ассоциации, которые положены в основу вторичной номинации, зависят от опыта, который имеется в когнициях как русского народа в целом, так и жителей Тамбовской области. Выявлено, что прозвищ, которые можно отнести к так называемым традиционным на территории Тамбовской области, незначительное количество. В основном прозвища носят так называемый креативный характер, который, как показал

материал, варьируются в зависимости от возраста и социальных групп. Отмечено, что наивысшая степень креативности имеет место в молодежной, особенно школьной, среде как в городе, так и в сельской местности.

7. Причина появления прозвищ различна у взрослого населения и у молодежи. Если взрослое население дает вторичное именование человеку с целью выделения кого-либо, его идентификации, частично в профилактических либо пожелательных, то в школьной среде прозвища появляются с целью желания оградить свой мир от взрослых. В прозвищах отражается отношение тех, кто дает прозвища к тем, которые их получают. Не меньшую важность для выяснения подобного отношения приобретает гендерный фактор, который проявляется в следующем моменте: прозвище, оформленное грамматически как мужское, дается представительнице женского пола, а прозвище, оформленное грамматически как женское, дается представителю мужского пола.

8. Выяснено, что мужские прозвища в визуальной, ментальной, ситуативной и профессиональной группах преобладают над женскими. Только в отфамильных и отыменных прозвищах количество мужских и женских прозвищ несколько изменяют это соотношение, снижает приоритет первых. Следует отметить большую экспрессивность тех прозвищ, которые получают женщины, причем эта экспрессивность носит зачастую негативную окраску.

9. Прозвища, бытующие на территории Тамбовской области, предоставили материал, давший возможность говорить о так называемых наследственных прозвищах, которые также не отличаются однородностью в зависимости от той линии, по которой они передаются. В большинстве своем (за очень редким исключением) наследственные прозвища передаются по мужской линии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценочный потенциал прозвищ проявляется в специфике их организации на субординатном уровне, на котором антропонимические знания репрезентируются категориальной единицей ЛИЦО.

Сложившееся в языкознании понимание оценки в рамках отношений ХОРОШО – ПЛОХО недостаточно точно отражают природу и сущность оценочности. Выходя за пределы плюса – минуса, приобретая более широкое значение, оценочная сема правомерно может входить в семантическую структуру прозвища.

Ограничить восприятие субъектов и отношение к ней человека лишь этой дилеммой невозможно, поскольку оценка может сводиться не только к плюсу или минусу. Речь идет о нейтральных прозвищах, которые в большинстве своем образованы от фамилий: прозвище *Макар* от фамилии Макаров, *Павел* – от фамилии Павлов, *Антон* – от фамилии Антонов, *Долгий* – от фамилии Долгих), *Долгуша* – от фамилии Долгушин.

Выделяются три типа оценки: положительная (мелиоративная), отрицательная (пейоративная) и нейтральная в зависимости от ярко выраженных одобрения или отрицания (или отсутствия таковых) как констатации устоявшейся оценки какого-либо субъекта.

В неформальном общении прозвище служат главным неофициальным идентификатором лица, играющим особую роль. Как правило, прозвища функционируют в узком коллективе, где зачастую употребляются одинаковые имена, и для организации коммуникативного процесса требуются особые выделительные знаки. Прозвища как результат познавательной деятельности человека по хранению и отражению накопленного опыта использования имен собственных, как неофициальное экспрессивно-образное или эмоционально-оценочное имя, употребляемое в дополнение к антропониму или вместо него, передают собственно ономастические (языковые) знания и знания о мире, служат основой для

формирования лексических смыслов и репрезентации знаний о субъекте. Различия в восприятии окружающего пространства, в способах мировидения носителей русского языка служат когнитивной основой антропонимической репрезентации.

Репрезентация оценочного смысла прозвищами обусловлена когнитивными областями, раскрывая идеи и принципы познания человеком окружающего мира и себя самого в этом мире: «официальное именование человека», «внешний вид человека» (визуальный тип), «черты характера человека» (ментальный тип).

Возможность создания оппозиций среди оценочной лексики (*толстый-худой, сильный – слабый, красивый – безобразный добрый – злой, серьезный – несерьезный, веселый – невеселый, умный – глупый, трудолюбивый – ленивый, ловкий – медлительный*) может свидетельствовать о ее некоторой системности и организованности, что усложняет характеристику понятия оценки. Характер оценочности прозвищ обуславливается тем, что в большинстве случаев подчеркивание характеристики человека основывается на выразительности тех или иных качеств человека, в основе которых лежит семантическая контрастность имен нарицательных, послуживших основой для создания прозвищ (антонимы как показатель оценка человека).

Прозвищные онимы обладают категориальными признаками, такими, как неофициальность, вторичность, мотивированность, факультативность, экспрессивность, непринужденность, формируют общеоценочные смыслы и различные типы субъективной оценки, передавая отношение говорящего к именуемому, которые напрямую зависят от речевого сознания человека, его речевой культуры. Прозвище принимает активное участие в формировании особого самопознания, которое способствует развитию системы духовно-нравственных ценностей и различных сторон человеческой личности, находящих выражение в языковых средствах.

В современных прозвищах, как особых антропонимических единицах, действуют разного рода ассоциации, напрямую связанные с общей оценкой человека и отражающие речевое сознание современного человека. Семантические группы прозвищ определяется оценкой людей с учетом трех параметров: 1) характеризующий внешний вид человека; 2) указывающий на свойства, внутренние качества называемого; 3) нейтральные прозвища, которые воспринимаются практически как должное.

Прозвищные онимы могут формировать и объективировать общеоценочные смыслы и различные типы субъективной оценки, передавая отношение говорящего к именуемому, которые напрямую зависят от речевого сознания человека, его речевой культуры. В ассортименте современных прозвищ преобладают прозвища с негативной оценочностью личности, которая достигается способами словообразования (наличие суффиксов, вносящих в значение слова дополнительные оттенки) и выбором производящей основы антропонима.

Прозвища с точки зрения их мотивации и прикрепленности к определенным аппеллятивам делятся на *отфамильные*, *отыменные*, *визуальные* (данные по внешнему виду), *ментальные* (данные по чертам характера, манере поведения), *ситуативные* (данные по какому-либо событию, каким-либо пристрастиям), *профессиональные* (данные по роду занятий). Это основные группы прозвищ по их семантике. Как и принято в русской ономастической традиции, большую часть составляют те прозвища, которые квалифицируются как визуальные, ментальные и ситуативные.

К числу языковых механизмов оценочной категоризации прозвищ в современном русском языке относятся: номинация оцениваемых объектов и их характеристик, взаимодействие семантических компонентов определяемой единицы. Нейтральные характеристики базируются на объективном знании, оценочные характеристики именуемого лица

эксплицируются конкретизаторами оценки, в роли которых выступают оценочные антропонимы.

Изучение прозвищ позволило установить, что понятие внутренней формы слова гораздо шире, чем просто мотивированность, поскольку оно не сводится к ней однозначно, а объединяет в себе целый ряд дополнительных признаков. На уровне прозвищ без четкого знания мотивации невозможно определить, какую когнитивную область оно репрезентирует, т.к. возможно появление так называемых «омонимичных» пар. Ср.: прозвище *Блоха* может генетически восходить к фамильной антрополексеме Блохин/Блохина либо к традиционному прозвищу маленького, черноволосого, юркого, быстрого человека.

Именно внутренняя форма придает значению прозвища то национальное своеобразие, которое свойственно языку в целом, и вбирает в себя многочисленные семантические коннотации, которые и создают вокруг слова уникальный смысловой и оценочный фон, закреплённый коллективным языковым сознанием говорящих на данном языке.

В качестве семантического «шифра» оценочной семантики прозвищного онима выступает коннотация. Связь между прозвищем и производным словом осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической: (языковая игра, известность имени, типичность, распространённость, прецедентность, коннотация, которая являет собой один из способов выражения лексической семантики прозвища и его оформления).

Прозвища заставляют носителей языка развивать свои речевые навыки для того, чтобы с помощью номинации передавать максимальное количество информации о человеке с учетом субъективного отношения к нему. В прозвищах всегда присутствуют элементы оценочного плана, которые характеризуют не только определенное лицо, но и отношение к нему со стороны «творцов»

прозвищ. В основу оценочной шкалы, которая определяет негативность/позитивность прозвищ, кладутся когнитии, заложенные как в общерусской традиции, так и в традиции жителей определенного ареала, в частности Тамбовской области.

Можно с достаточной уверенностью констатировать, что функции прозвищ, их значение, их роль и целевые установки, следует решать на материале современных прозвищ, бытующих в определенных коллективах, поскольку благодаря неоценимой помощи информаторов можно получить мотивацию того или иного прозвища, что, несомненно, поможет в выявлении как причин появления прозвищ, так и их статуса в антропонимической системе языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алефиренко Н.Ф.* Спорные проблемы семантики. – Волгоград: Перемена, 1999. – 273 с. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. *Алешина Л.П.* Прозвище в контексте национально-культурного стереотипа // *Этнос, язык, культура: национальное и индивидуальное мировидение: материалы третьей Всерос. науч. конф. 29-30 июня.* – Вып. 3. – Славянск-на-Кубани, 2001. – С. 93-95.
3. *Анипкина Л.Н.* Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // *Филологические науки.* – 2000. – № 2. – С. 58-66.
4. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры. – 1999. – 896 с.
6. *Архипов Г.А.* Прозвища жителей деревни Средние Юри // *Ономастика Поволжья: Материалы III конференции по ономастике Поволжья.* – Уфа, 1973. – С. 159-166.
7. *Бабушкин А.П.* Имена известных лиц в роли псевдоидентификаторов // *Вопросы когнитивной лингвистики.* – 2009. – № 4. – С. 66-69.
8. *Балли Ш.* Французская стилистика. – М., 1971.
9. *Бахвалова Т.В.* Коллективно-региональные прозвища Орловщины // *Сельская Россия: прошлое и настоящее.* – Вып. 2.: Доклады и сообщения 8 Российской науч.-практ. конф. (Орел, ноябрь 2001). – М., 2001. – С. 243-251.
10. *Беляева М.Ю.* Прозвища как проявления регионального языкового кода // *Русский ономастикон Ставропольского края (синхрония и диахрония).* – Ставрополь, 2008.
11. *Беляева М.Ю.* Прозвищный код Кубани на общерусском фоне // *Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. Серия: Гуманитарные науки*

(Филология). – 2009. – Вып. 2. – С. 9-12.

12. *Берестова Е.А.* Система прозвищ диалектной языковой личности // Вопросы ономастики. – 2015. – № 2(19). – С. 141-155.

13. *Блевцак Т.В.* Прозвищные онимы Шпаковского района Ставропольского края: функционирование и семантика // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. восьмой рос. науч.-практ. конф. (Орел, декабрь, 2001). Вып. 2. – М., 2001. – С. 251-253.

14. *Блох М.Я., Семенова Т.Н.* Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. – М.: Готика, 2001. – 196 с.

15. *Болдырев Н.Н.* Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. – М.-Тамбов, 2016. – С. 35-48.

16. *Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. – Тамбов, 2014. – 236 с.

17. *Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Коллектив. монограф. – Москва – Тамбов: Институт языкознания РАН; Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2009. – С. 25-77.

18. *Болдырев Н.Н., Алпатов В.В.* Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2008. – № 4. – С. 5-14.

19. *Болдырев Н.Н.* Диалектный концепт в когнитивной системе языка // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65. – № 3. – С. 3-13.

20. *Болдырев Н.Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006а. – № 2. – С. 5-22.

21. *Болдырев Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2004. № 1. С. 18-36.

22. *Болдырев Н.Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.-Воронеж, 2002.

23. *Болотов В.И.* К вопросу о значении имен собственных //

Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 333-345.

24. *Болотов В.И.* Теория имён собственных: к вопросу определённости/неопределённости именования денотатов в речи. – Ташкент, 2003.

25. *Бондалетов В.Д.* Русская ономастика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 312 с.

26. *Бондалетов В.Д.* Русский именник прежде и теперь: к сопоставительно-диахроническому изучению состава и употребительности личных имен // Русская ономастика. – Рязань: Рязан. пед. ин-т, 1977. – С. 68-93.

27. *Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г.* Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема // Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 45-53.

28. *Бурыкин А.А.* Проблемы полисемии и омонимии в ономастике // Ономастика и общество: язык и культура. Мат-лы Первой Всерос. науч. конф. (14-15 октября 2010). – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 25-34.

29. *Васильева Н.В.* Собственное имя в мире текста. 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.

30. *Вежбицкая А.* Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание / пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – С. 89-200.

31. *Верховых Л.Н.* Антропонимическое пространство сёл Абрамовка Таловского района и Красное Новохоперского района Воронежской области: автореф. дисс...кандидата филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Верховых Людмила Николаевна. – Воронеж, 2008. – 20 с.

32. *Верховых Л.Н.* Региональная онимия как источник разноплановой информации о человеке и крае // Ономастика и общество: мат-лы Первой Всероссийской научной конференции (14-15 октября 2010 года) / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – С.

77-79.

33. *Волкова Н.И.* О русских прозвищах // Большой словарь русских прозвищ. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – С. 28-33.

34. *Вольф Е.М.* Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. – М., 1979. – С. 273-294.

35. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

36. *Гаврилова Е.Д.* Оценочные категории «good» и «bad» в современном английском языке: автореф. дисс...кандидата филол. наук: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка / Гаврилова Елена Дмитриевна. – Тамбов, 2005. – 18 с.

37. *Ганжина И.М.* Сельская неофициальная антропонимия как культурно-национальная категория (из наблюдений над прозвищами современной тверской деревни) // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда: ВГПИ, 2002. – С. 99-108.

38. *Ганжина И.М.* Отражение в прозвищах морально-этического климата общества (из наблюдений над средневековыми и современными оценочными онимами) // Ономастика Поволжья. Вып. IX. – Волгоград, 2002а. – С. 186-187.

39. *Ганжина И.М.* Способы грамматической онимизации (на материале прозвищных наименований тверской деревни) // Материалы для изучения селений России: Докл. и сообщ. шестой рос. науч.-практ. конф. «Российская деревня: история и современность». Нижний Новгород, ноябрь 1997 г. Ч. II. Язык рос. деревни. Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика. – М., 1997. – С. 96-99.

40. *Глушковацкая Ю.В.* Особенности системы прозвищ, функционирующих среди курсантов ЯВЗРУ ПВО // Ономастика Поволжья: мат-лы XIII междунар. научн. конф. (Ярославль, 13-124 сент. 2012 г.). – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 125-128.

41. *Голузо И.Г.* Акцентные особенности отглагольных фамилий тамбовской области (на материале словаря-справочника «Фамилии Тамбовской области»: автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Голузо Игорь Геннадьевич. – Тамбов, 2003. – 23 с.

42. *Гончарова Н.В.* Ономастическое пространство произведений Сергеева-Ценского: автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Гончарова Наталья Владимировна. – Тамбов, 2007. – 22 с.

43. *Горелова Л.Д.* История фамилий жителей с. Чигорак Борисоглебского района Воронежской области (1746-2010 гг.): автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Горелова Лариса Демьяновна. – Воронеж 2011. – 19 с.

44. *Гузнова А.В.* Прозвищная номинация в арзамасских говорах (части нижегородских): автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Гузнова Алёна Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2015. – 22 с.

45. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. – М.: ОАОИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

46. *Гумбольдт В. фон* Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.

47. *Данилина Е.Ф.* Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы / отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1979. – С. 281-297.

48. *Данилова И.В.* Система личных имен Смоленского региона в XX веке: Динамический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск: СГПУ, 2004. – 24 с.

49. *Демидова К.И.* Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 110 с.

50. *Денисов Ю.Н., Шарандин А.Л.* О статусе компонента: образная мотивационность в семантической структуре слова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 3. – С. 159-162.

51. *Денисова Т.Т.* К вопросу об актуальности изучения современных прозвищ // Седьмые Поливановские чтения: Сб. ст. по материалам докладов и сообщений конф. Ч. 2. – Смоленск: СГПУ, 2005. – С. 133–135.

52. *Денисова Т.Т.* Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: на материале прозвищ Шумячского и Ершичского районов Смоленской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Смоленск, 2007. – 25 с.

53. *Дмитриева Л.И.* Ономастическое пространство: проблемы и способы их решения // Ономастическое пространство Моршанского и Инжавинского районов Тамбовской области: социолингвистический аспект: сб. науч. тр. – Тамбов: Изд. дом Тамб. гос. ун-та им Г.Р. Державина, 2010. – С. 4-7.

54. *Дмитриева Л.И., Олейникова С.Д.* Фамилии жителей г. Моршанска (прозвищные) // Ономастическое пространство Моршанского и Инжавинского районов Тамбовской области: социолингвистический аспект: сб. науч. тр. – Тамбов: Издат. дом Тамб. гос. ун-та им Г.Р. Державина, 2010а. – С. 57-67.

55. *Егорова Е.В.* Прозвищные имена в диалектной речи // Лексический атлас русских народных говоров. Мат-лы и исследования 1998. – СПб., 2001. – С. 303-307.

56. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.

57. *Жалнина Е.В.* Диалектная лексика как отражение региональной антропонимической картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Жалнина Елена Валерьевна. – Тамбов, 2013. – 24 с.

58. *Жачева Г.Ю.* Прозвища деревни Тенсер (Тюнзыры) Цивильского района Чувашии // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Докл. и сообщ. седьмой рос. науч.-практ. конф. (Тула, ноябрь, 1999). – М., 1999. – С. 248-249.

59. *Звездова Г.В.* Из наблюдений над прозвищами древнерусского

языка и современных липецких говоров // Черноземье в лингвокультурологическом пространстве: Межрегион. сб. статей по краеведению. – Липецк, 2004. – С. 13-20.

60. *Зеленин Д.К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии // Живая старина. 1903. – Вып. 2. – С. 1-64.

61. *Каламбет Е.В.* Проявление антропоцентризма в современной отечественной лексикографии (на материале лингвистических словарей): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Каламбет Елена Васильевна. – Краснодар, 2007. – 177 с.

62. *Карасик В.И.* Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 4. – С. 5-11.

63. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма. 2010. – 421 с.

64. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

65. *Караулов Ю.Н.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 15-87.

66. *Киклевич Александр* Имена собственные и уровни категоризации // Ветка вишни... Статьи по лингвистике. – Olsztyn, 2013. – С. 252-259.

67. *Кириянова Н.А.* Региональное слово в структуре художественного текста (на материале Тамбовской области): автореф. дисс ... канд. филол. наук: 10.02.01– русский язык / Кириянова Надежда Александровна. – Тамбов, 2009. – 21 с.

68. *Клюева Н.П.* Структура и орфография прозвищ // Русский язык в школе. – 1979. № 4. – С. 68-93.

69. *Колесов В.В.* Язык как действие: культура, мышление, человек // Слово и дело. – СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2004. – С. 32-20.

70. *Колианский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 104 с.

71. *Королева И. А.* Прозвища в современных смоленских говорах //

Вторые Поливановские чтения. – Тезисы докладов и сообщений научн. конференции. Смоленск, 1-3 марта 1993 г. – Смоленск: СГПИ, 1993. – С. 11-12.

72. *Королева И. А.* Социальный аспект бытования современных прозвищ // Научное наследие Б. Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. – Нижний Новгород: Изд-во НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2007. – С. 27-35.

73. *Королева И.А.* Из истории изучения прозвищ // Вопросы литературоведения и языкознания. – Выпуск IV. – Труды филиала ГАСК в г. Твери. – Тверь: Славянский мир, 2006а. – С. 51–63.

74. *Королева И.А.* Материалы к Словарю смоленских прозвищ. – Смоленск: Смядынь, 2009. – 100 с.

75. *Королева И.А.* Общерусские и локальные особенности в словообразовательной системе нехристианских имен и прозвищ Смоленского края // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы VII межд. науч. конф., посвященной 70-летию профессора А.Н. Тихонова / отв. ред. В.Г. Головин. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 88-93.

76. *Королева И.А.* Прозвища и неофициальные именованя человека сегодня // Булорусско-русско-польское сопоставительное языкознание, литературоведение, культурология. VII международная научная конференция. – Витебск, 2006. – С. 325-327.

77. *Королева И.А.* Прозвища с диалектными основами в смоленских говорах // Материалы для изучения сельских поселений России: Докл. и сообщ. третьей науч.-практ. конф. «Центральночерноземная деревня: история и современность». – Воронеж, декабрь 1994 г. Ч.1. Язык. Культура. М., 1994.

78. *Кравцова Н.М.* Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Кравцова Надежда

Михайловна. – Тамбов, 2008. – 17 с.

79. *Крикке С.* Загадка контекстов мнения: пер. с англ. Г.Е. Крейдина // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986.

80. *Кропачева К.И.* Место оценочного компонента в семантической структуре антропонима (на примере антропонимического пространства английского языка) // Culture and Civilization. – 2016. – № 2. – С. 22-36.

81. *Кропачева К.И.* Особенности реализации аксиологического потенциала антропонимического пространства английского языка // Известия ВГПУ: Филологические науки. – 2016. – С. 136-142. <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/105/136-142.pdf>

82. *Кубрякова Е.С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004а. – №1. С. 6-8.

83. *Кубрякова Е.С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 2006. – Т. 65. – № 2. – С. 3-13.

84. *Кубрякова Е.С.* Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. – М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 2-31.

85. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: ИЯ РАН, 1995. – С. 144-238.

86. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

87. *Кузнецова Т.Б.* Русский ономастикон Ставропольского края как фрагмент языковой картины мира (на материале антропо-, топо- и зоонимов Шпаковского, Кочубеевского и Грачевского районов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Кузнецова Татьяна

Борисовна. – Ставрополь, 2005. – 18 с.

88. *Кульпинов Ю.А.* Этнолингвистический анализ ономастикона, демонологии и обрядности казачьих станиц Изобильненского района Ставропольского края: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Кульпинов Юрий Анатольевич. – Ставрополь, 2010. – 20 с.

89. *Курилович Е.* Положение имени собственного в языке // Очерки по лингвистике: сб. ст. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – С. 151-166.

90. *Лакофф Дж.* Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1989. Вып. XXIII. – С. 12-52.

91. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

92. *Лангнер А.Н.* Функционально-семантические и словообразовательные особенности прозвищ (на материале территориальных вариантов французского языка Африки): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 23 с.

93. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. –Т. 52. – Вып. 1. – № 1.

94. *Мадиева Г.Б., Супрун В.И.* Теоретические основы ономастики. – Алматы: «Арыс», 2011. – 280 с.

95. *Маркелова Т.В.* Функционально-семантическое поле оценки в современном русском языке // Вестник МГУ Серия Филология. – 1994. – № 4. – С. 12-19.

96. *Межуева О.В.* Сравнительная характеристика дворовых фамилий и кличек (на материале Тамбовской области) // Ономастика и общество: язык и культура. Мат-лы Первой Всерос. науч. конф. (14-15 октября 2010). – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 104-107.

97. *Молчанова О.Т.* Проприальная номинация в свете когнитивизма // Вопросы ономастики. 2006. – № 3. – С. 7-18.

98. *Морошкин М.Я.* Славянский именованье, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – С. Петербург, 1867.

99. *Наумова О.В.* Антропонимическая система Тамбовской области (на материале деловой письменности XVIII-XIX вв.): автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02 01 – русский язык / Наумова Ольга Васильевна. – Тамбов, 2004. – 22с.

100. *Никонов В.А.* Задачи и методы антропонимики / В.А. Никонов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропонимики: сб. статей / ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1970. – С. 33-56.

101. *Никонов В.А.* Имя и общество. – М.: Наука, 1974. – 278 с.

102. *Никонов В.А.* Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1989. – С. 5-10.

103. *Никулина З.П.* Региональные особенности оценочно-характеристических прозвищ // Лексика и фразеология территорий позднего заселения. – Кемерово, 1985. – С. 110-117.

104. *Окунева Л.Н.* Антропонимы как источник изучения региональной языковой картины мира (на материале архангельских памятников деловой письменности): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Окунева Людмила Витальевна. – Архангельск 2010. – 22 с.

105. *Олейникова С.Д.* «Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект»: автореф. ... дисс...канд. филол. наук / Олейникова Светлана Дмитриевна. – Тамбов, 2007. – 23 с.

106. *Пахомова И.Н.* Коннотация и лексическая семантика слова: автореф. ... дис.... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 24 с.

107. *Пецкая Т.А.* О способах подачи прозвищ и кличек в Псковском областном словаре // Псковские говоры. Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). – Псков, 2001. – С. 172-174.

108. *Пискунова С.В., Кирьянова Н.А.* Языковая форма прозвищных имен героев в структуре художественных произведений тамбовских писателей // Ономастика и общество: мат-лы Первой Всероссийской

научной конференции (14-15 октября 2010 года) / отв. ред. А.С. Щербак. – Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. – С. 159-162.

109. *Пискунова С.В.* Лексика тамбовских говоров. Материалы к словарю // Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовского края / отв. ред. В.Г. Руделев. – Тамбов: ТГПИ, 1985. – С. 104-122.

110. *Потапова Т.А., Щербак А.С.* Наблюдения над фонетико-словообразовательными особенностями прозвищ в тамбовских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 2008). – СПб.: Наука, 2008. – С. 393-396.

111. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – М.:СИНТО, 1993.

112. *Пядышева Т.Г.* Сходства и различия фамильной антропонимии Дона и Тамбовщины // Ономастика и общество: язык и культура. Мат-лы Первой Всерос. науч. конф. (14-15 октября 2010). – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 102-104.

113. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. 5-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

114. *Рывачева О.Ю.* Текстовые единицы с семантикой оценки в структуре художественного текста: автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02 01 – русский язык / Рывачева Оксана Юрьевна. – Тамбов, 2010. – 23с.

115. *Робустова В.В.* Антропонимическое прозвище в когнитивно-функциональном аспекте: на материале англоязычных художественных произведений XX–XXI вв.: автореф. дисс...канд. филол. наук: 10.02 04 – германские языки. – М., 2009. – 23 с.

116. *Родина Н.А.* Современные детские и молодежные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты. автореф. ... дисс...канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Родина Надежда Дмитриевна. – Калининград, 2014. – 22 с.

117. *Руделёв В.Г., Руделёва О.А.* Вначале было слово: популярная лингвистическая теория. – Тамбов, 1995. – 176 с.

118. *Селищев А.М.* Происхождение русских фамилий, личных имен и

прозвищ // Избранные труды А.М. Селищева. – М.: Просвещение, 1968. – С. 97-128.

119. *Серль Дж. Р.* Собственные имена // Даугава. – Рига, 1989. – № 12. – С. 105-110.

120. *Симина Г.Я.* Фамилия и прозвище // Ономастика: Сб. ст. / Отв. ред. В. А. Никонов и А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – С. 27-34.

121. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – С. 29-34.

122. *Смирнова Т.Г.* Фамилии Тамбовской области в антропонимической системе языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Смирнова Тамара Геннадьевна. – Тамбов, 2003. – 23 с.

123. *Снегирев И.М.* Простонародные в России прозвища // Московские губернские ведомости. 1841. – № 9. – С. 9-93.; №10. – С. 385-387.

124. *Соловьев А.Н.* Смоленская антропонимия конца XV–XVII вв. (личные имена): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Соловьев Алексей Николаевич. – Смоленск, 2005. – 22 с.

125. *Стаценко А.С.* Эмоционально-оценочная лексика как средство реализации речевой интенции: монография. – М.: МПГУ, 2011. – 118 с.

126. *Стернин И.А.* Контрастивная лексикология и лексикография: коллективная монография / под ред. И. А. Стернина, Т.А. Чубур. – Воронеж: «Истоки», 2006. – 341 с.

127. *Стрельцова М.Ю.* Динамика развития прозвищного именованя в русском языке // Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России: мат-лы X Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. 24-27 апреля 2008 г.: в 6 кн. Кн. 1. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – С. 175-179.

128. *Стрельцова М.Ю.* Прозвищные именованя в русском языке (денотативные типы и структурно-семантические модели): автореф. дис. ...

канд. филол. наук. – Владивосток, 2010. – 25 с.

129. Сулимов В.А. Когнитивное описание языка и его культурологическая интерпретация: когнитивные трансформации // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 40-47.

130. Суперанская А.В. К вопросу о кодификации личных имен // Ономастика и грамматика. – М.: Наука, 1981. – С. 74-98.

131. Суперанская А.В. К проблеме типологии антропонимических основ // Ономастика. Типология и стратиграфия. – М.: Наука, 1988. – С. 8-19.

132. Суперанская А.В. Личные имена в официальном и неофициальном употреблении // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – 189 с.

133. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 3-е изд., испр. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 368 с.

134. Суперанская А.В. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика: материалы и исследования. – М.: Наука, 1979. – 350 с.

135. Суперанская А.В. Современные русские прозвища // Хабарши вестник. – Филология сериясы. – № 6 (78). – Серия филологическая. – Алматы: Казак университет, 2004. – С. 43–50.

136. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). – М.: Наука, 1969. – 207 с.

137. Суперанская А.В. Теоретические проблемы ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – общее языкознание / Суперанская Александра Васильевна. – Л., 1974. – 48 с.

138. Суперанская А.В. Универсалии языка и ономастические универсалии // Actes du XI-me Congres international des sciences onomastiques. – Sofia, – 1975. Т. 2. – С. 321-325.

139. Суперанская В.А. Ономастика XXI века. – М.: Институт языкознания РАН, 2009а. – 80 с.

140. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его

художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

141. *Сьянова Е.И.* Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей (на материале говоров Воронежского Прихопёрья): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Сьянова Елена Ивановна. – СПб., 2007. – 23 с.

142. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

143. *Телия В.Н.* О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – М., 1996. – С. 31-38.

144. *Темиргазина З.К.* Избранные работы по лингвистике. Тт. I-II., Т. II. Лингвистическая аксиология. Оценочные высказывания в русском языке. – Павлодар: ЭКО, 2010. – 310 с.

145. *Толстая С.М.* «Ономастическая магия» в славянских народных традициях // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы Междунар. конф. 30 января-2 февраля. Ч. 2. – М., 2001. – С. 120-122.

146. *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Имя в контексте народной культуры // Язык о языке: сб. статей / под. общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – С. 597-624.

147. *Уфимцева А.А.* Лингвистическая сущность аспекта номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977.

148. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 208 с.

149. *Фурашова Н.В.* О роли внутренней формы слова в дальнейшем развитии его значений // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. – № 1. – С. 116-123.

150. *Цепкова А.В.* Национально-культурная специфика прозвищ (на материале современного англоязычного интернет-дискурса): автореф. дис.

... канд. филол. наук. – Иркутск, 2011. – 24 с.

151. *Черемисин А.Н.* Прилагательные пространственной семантики как средство репрезентации оценки в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Черемисин Александр Николаевич. – Тамбов, 2015. – 24 с.

152. *Чичагов В.К.* Из истории русских имен, отчеств, фамилий. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.

153. *Шарандин А.Л.* Интерпретирующий фактор познания и семантическая структура слова // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIV. 2016. – С. 714-728.

154. *Шарандин А.Л.* Категоризация мира в языке: существительное // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке. – М.- Тамбов, 2010. – С. 262- 300.

155. *Шарандин А.Л.* Методология лексической грамматики // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. – Тамбов, 2009. – С.13-27.

156. *Шарандин А.Л.* Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, МИЛ, 2015. № 3 (25). – С. 240-250.

157. *Шарандин А.Л.* Сознание, язык и коммуникация как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. 2012. – № 12. – С. 144-155.

158. *Шарандин А.Л., Пискунова С.В., Руделева О.А.* Тамбовская лингвистическая школа // В лабиринте Сознания, Времени и Языка: сб. статей в честь 80-летия профессора В.Г. Руделева. – Тамбов: Изд. дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2013. – С. 14-22.

159. *Шарандин А.Л.* Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология: учебное пособие по проблеме взаимодействия лексики и грамматики. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. – 313 с.

160. *Шостка Е.С.* Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – русский язык / Шостка Евгения Сергеевна. – Тамбов, 2009. – 248 с.

161. *Шнар Т.В.* Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 21 с.

162. *Щербак А.С.* Прототепический подход и вопросы категориального устройства ономастики. Вып. XXIV. Личность. Язык. Сознание: сб. научн. трудов. М.: Ин-т языкознания РАН. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. – С. 729-736.

163. *Щербак А.С.* Когнитивный подход к изучению ономастики // Труды VII Международной научно-практической конференции «Проблемы науки и образования в условиях мировой глобализации», посвященной 20-летию Южно-Казахстанского гуманитарного университета им. М. Сапарбаева. – Шымкент, 2015. Т. II. – С. 76-80.

164. *Щербак А.С.* Диалектная ономастика в традиционном и когнитивном аспектах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 4. – С. 18-22.

165. *Щербак А.С.* Когнитивные основы региональной ономастики: монография. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 319 с.

166. *Щербак А.С.* Общерусское слово в аспекте репрезентации региональной концептосферы онимов // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки .2012а. – Вып. 4 (108). – С. 246-251.

167. *Щербак А.С.* Ономастический концепт как структура организации и хранения ономастических знаний // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. Категоризация мира в языке. – М-Тамбов: Институт языкознания РАН, Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2012б. – С. 200-215.

168. *Щербак А.С., Жалнина Е.В.* Региональная антропонимика – составная часть ономастики // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2012в. – Вып. 10 (114). – С. 42-47.
169. *Щербак А.С., О.В. Межуева.* Региональные прозвища: вторичная номинация // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Вып. 10(90). – С. 150-154.
170. *Щербак А.С., Бурькин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Вып. 9 (77). – С. 213-217.
171. *Щербак А.С.* Антрополексемы в тамбовской топонимике // Русская речь. 2009а. – № 1. – С. 108-110.
172. *Щербак А.С.* Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина; ООО «Пресс-центр», 2008. – 197 с.
173. *Щербак А.С.* Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – 293 с.
174. *Щетинин Л.М.* Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 163-168.
175. *Юревич А.В.* Базовые компоненты национального менталитета // Историогенез и современное состояние российского менталитета. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2015. – С. 240-261.
176. *Ягубова М.А.* Лексико-семантическое поле «оценка» в русской разговорной речи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1992.
177. *Kripke S.* Identity and necessity // Munitz M.K. (ed.). Identity and individuation. – N. Y.: New York University Press, 1971. – P. 135-164.
178. *Kripke S.* Naming and necessity // Davidson D., Harman G. (eds.). Semantics of natural language. Dordrecht: Reidel, 1972. – P. 253-355.

179. *Langacker R. W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.

180. *Miller G.A.* Language and communication. – N. Y.: McGraw-Hill, 1951. – 298p.

181. *Miller G.A., Johnson-Laird Ph. N.* Language and Perception. – Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1976. – 697 p.

182. *Wójtowicz Marian* Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь. – Poznań, 1986. – 306 с.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

183. *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 704 с.

184. *Веселовский С.Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – 382 с.

185. *Волкова Н.И.* Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. – Сыктывкар, 2003. – 52 с.

186. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 672 с.

187. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Тт. I-IV. – М., 1989-1991.

188. *Дмитриева Л.И., Щербак А.С.* Нестандартные фамилии Тамбовской области. – СПб, 2004. – 40 с.

189. *Дмитриева Л.И., Щербак А.С.* Ономастика Тамбовской области. Опыт энциклопедии. Чч. I-II., Ч I. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 113 с.; Ч II. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2002. – 97 с.

190. *Дмитриева Л.И., Щербак А.С.* Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник. Вып. 1. – Тамбов: Тамб. ун-т, 1998. – 159 с.; Вып. 2. – Тамбов: Тамб. ун-т, 1999. – 163 с.; Вып. 3. – Тамбов: Тамб. ун-т, 1999а. – 163 с.; Вып. 4. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2000. – 160 с.; Вып. 5. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2000а. – 147 с.; Вып. 6. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2001. – 157 с.; Вып. 7. –

Тамбов Тамб. ун-т, 2002. – 151 с.; Вып. 8. – Тамбов: Тамб. ун-т, 2003. – 151с.

191. *Дьячков В.Л., Трофимова Е.В.* Русское наречие в четырех веках социальной истории страны. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2011. – 268 с.

192. *Казаков В.С.* Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ с толкованием их значения и происхождения. – Калуга: Золотая аллея, 1997. – 168 с.

193. *Королева И.А.* Имена, имена, имена. Школьный комплексный словарь личных имен. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 112 с.

194. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 245 с.

195. Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. – СПб.: Наука, 1994-2015.

196. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

197. Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области /авторы-сост.: А.С. Щербак (отв. ред.), Л.В. Голузо, Л.Н. Клокова, И.В. Поповичева – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – 80 с.

198. Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Вып. 2. /авторы-сост.: А.С. Щербак (отв. ред.), Л.Н. Клокова, И.В. Поповичева. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 75 с.

199. Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Вып. 3. /авторы-сост.: А.С.Щербак (отв. ред.), Л.Н. Клокова, И.В. Поповичева. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 127 с.

200. Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Вып. 4. / авторы-сост.: А.С. Щербак (отв. ред.), И.В. Поповичева, Л.Н. Клокова. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 204 с.

201. Материалы к лингво-фольклорному атласу Тамбовской области. Вып. 5. / авторы-сост.: А.С.Щербак (отв. ред.), И.В. Поповичева. – Тамбов:

Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – 139 с.

202. *Морошкин М.* Славянский именовослов или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. – СПб, 1867.

203. *Никитина Т.Г.* Так говорит молодежь: Словарь сленга: По материалам прессы 70-90-х гг. – М.: Из глубин, 1996. – 280 с.

204. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Русский язык. 1986.

205. *Отин Е.С.* Словарь коннотативных собственных имён. – М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.

206. *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен: более 3000 имен. 6-е изд., стер. – М.: Астрель: Рус. словари; Кызыл: АСТ, 2005. – 477с.

207. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

208. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1978. 198 с. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

209. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. – М.: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2003. – 623 с.

210. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. акад. РАН О.Н. Трубочева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.

211. Словарь прозвищ жителей г. Славянска-на-Кубани и Славянского района Краснодарского края / Сост. М.Ю. Беляева, И.В. Буряк. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2008. – 136 с.

212. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-39. – М.-Л.: Наука, 1965-2007.

213. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура): монография / Авторы-сост.: С.В. Пискунова (отв. ред.), Т.В. Махрачева, В.В. Губарева. – Тамбов, 2002. – 281 с.

214. Словарь тамбовских говоров (растительный, животный мир, ландшафт, метеорология) / Авторы-сост.: С.В. Пискунова (отв. ред.), А.С. Щербак, И.В. Поповичева и др. – Тамбов, 2003. – 185с.

215. Словарь тамбовских говоров (Человек: анатомические названия, физические особенности, социальные и семейные отношения, духовная культура) / Авторы-сост: С.В. Пискунова (отв. ред.), А.С. Щербак, И.В. Поповичева и др. – Тамбов, 2006. – 268 с.

216. *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имен. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 544 с.

217. Тамбовская энциклопедия / Под ред. Л.Г. Протасова. – Тамбов: Администрация Тамбовской области; ООО Издательство «Юлис, 2004.

218. *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имен. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 736 с.

219. *Тушиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В.М.Воробьев. – М.: Русский путь, 2004. – 894с.

220. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник. Вып. I-VIII /сост. Л.И. Дмитриева, А. С. Щербак. – Тамбов: ТРУ им. Г. Р. Державина, 1998-2003.

221. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и доп. О.Н.Трубачева. Тт. I-IV. – М.: Прогресс, 1964-1973.

222. *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. – М.: Флинта, Наука, 2004. – 240 с.

Электронные издания

223. Лингвокраеведение в средней школе: учебное пособие для 8-9 классов общеобразовательных учреждений / авторы-сост.: С.В. Пискунова, А.С. Щербак, И.В. Поповичева, Л.С. Моисеева, В.В. Губарева, М.И. Иванова, Т.В. Махрачева. № 8572 от 26.09.2006 г., номер государственной регистрации 0320601276.

224. Словарь тамбовских говоров. Человек / Авторы-сост.: С.В. Пискунова А.С. Щербак, И.В. Поповичева, В.В. Губарева, Л.С. Моисеева, М.И. Иванова, Т.В. Махрачева, Е.А. Нивина, А.П. Моисеев. № 8571 от 26.09.2006 г., номер государственной регистрации 0320601275.

225. Словарь тамбовских говоров: мир природы / авторы-сост.: С.В. Пискунова, А.С. Щербак, И.В. Поповичева, Л.С. Моисеева, Т.В. Махрачева, В.В. Губарева, М.И. Иванова, В.В. Губарев. № 19336 от 31.05.2010 г., номер государственной регистрации 0321000973.

226. Фамилии Тамбовской области. Словарь-справочник. / авторы-сост.: Дмитриева Л.И., Щербак, № номер № 5090 от 11 ноября 2004 года государственной регистрации 0320401460.

227. Социальная когниция: ономастика и культура. Тамбовские прозвища /авторы: сост.: Л.И. Дмитриева, А.С. Щербак, А.В. Тимошин. № 6786 от 06.12.2005 г., регистрационный номер 0320501222.

228. Тамбовская диалектология: учебно-методическое пособие на материале южнорусских говоров / авторы: сост.: С.В. Пискунова, А.С. Щербак, А.Н. Евстигнеев. № 6787 от 06.12.2005 г., номер государственной регистрации 0320501223.

229. Тамбовские говоры: Фонохрестоматия / Авторы: сост.: А.С. Щербак, С.В. Пискунова, Л.С. Моисеева, А.Н. Евстигнеев. № 6540 от 11.11.2005 г., номер государственной регистрации 0320500976.

230. Щербак А.С. Лингвокраеведение Тамбовской области: электронное учебное пособие для бакалавров и магистрантов по направлению «Филология», «Отечественная филология (русский язык и литература)» и для иностранных студентов-филологов, номер государственной регистрации 0321502524 от 10 сентября 2015 г.

231. Щербак А.С. Фамилии Тамбовской области: электронный словарь-справочник, номер государственной регистрации 0321502590 от 10 сентября 2015 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Отфамильные прозвища

А

1. Алым
2. Андрючок
3. Аноша
4. Арицен
5. Афоня

Б

6. Бабай
7. Баран
8. Барсук
9. Барыш
10. Башмак
11. Белый
12. Беляш
13. Береза
14. Бес
15. Блоха
16. Богатка
17. Богдан
18. Богдан Титамир
19. Богданчик
20. Бодер
21. Большой Бо
22. Бондарь
23. Борец
24. Баря
25. Брат Кондрат
26. Булдыжник

27. Булка
28. Бурда
29. Буханка
30. Бык

В

31. Барыш
32. Ветчина
33. Виноград
34. Волк
35. Воробей
36. Ворона
37. Выгуз

Г

38. Гаврила
39. Гаврюша
40. Галка
41. Глаз
42. Голубь
43. Горшок
44. Грач
45. Гребешок
46. Гриша
47. Гришка
48. Гром
49. Гуля
50. Гусек
51. Гусенок

- Д**
52. Дорик
53. Доцент
54. Дробатушка
55. Дуб
56. Дубина
57. Дубок
- Е**
58. Емеля
59. Ерин
- Ж**
60. Ждан
61. Жеребец
62. Журавль
63. Жучка
- З**
64. Забор
65. Заяц
66. Зверь
67. Зема
68. Зима
69. Зубр
70. Зяблик
- И**
71. И-го-го
72. Исай
- К**
73. Кабаниха
74. Казак
75. Камбала
76. Каньш
77. Карась
78. Картошка
79. Катюня
80. Квас
81. Квичиха
82. КВН
83. Киндер Сюрприз
84. Кирей
85. Кисель
86. Кислый
87. Клей
88. Клоп
89. Князь
90. Кожан
91. Козел
92. Колесо
93. Колотушка
94. Колян
95. Комиссар
96. Кондрашка
97. Конь
98. Колпыто
99. Кореш
100. Королева
101. Король
102. Кос
103. Косой
104. Кочерга
105. Кочет

106. Кощей
107. Кроха
108. Крючок
109. Кузен++
110. Кузнец
111. Кузя++
112. Кукляндия
113. Кукс
114. Кукушка
115. Кулеш
116. Кулик
117. Куница
- Л**
118. Лапша
119. Ласточка
120. Лебедь
121. Липат
122. Лиса
123. Лопата
124. Лысый
- М**
125. Маклай
126. Макклауд
127. Малек
128. Малыш
129. Малышка
130. Малюта
131. Малютка
132. Мамонт
133. Маркиза
134. Мармон
135. Матюха
136. Медведь
137. Медик
138. Мельник
139. Мельница
140. Миллер
141. Мильный
142. Мирон++
143. Миф
144. Михей
145. Молчун
146. Монгол-татар
147. Мороз
148. Москаль
149. Мосол
150. Мотор
151. Муравей
152. Мурзик
153. Мурка
154. Мустафа
155. Мухомор
156. Мю
157. Мюллер
- Н**
158. Незнайка
159. Немец
160. Никита
161. Ноготок

О

162. Овсянка

163. Орел

164. ОРЗ

П

165. Пан

166. Папаха

167. Пароход

168. Паршенек

169. Пастух

170. Пахом

171. Пернатый

172. Петросян

173. Пикачмок

174. Никачу

175. Пирожиха

176. Писатель

177. Подкидной

178. Подсолнухов

179. Половник

180. Пологоловый

181. Полта

182. Полтер

183. Полтергейст

184. Поп

185. Попса

186. Прокуда

187. Пучок

188. Пятка

Р

189. Рая

190. Редкий зуб

191. Репа

192. Решето

193. Роголек

194. Рыжий

С

195. Сарай

196. Сатана

197. Сверчок

198. Свир

199. Седой

200. Семечка

201. Сибиряк

202. Синичка

203. Синяк

204. Скунс++

205. Содом

206. Сокол

207. Солнышко

208. Сорока

209. Степашка

210. Стук

211. Сухарик

Т

212. Тимон

213. Токарь

214. Тюльпан

Ф

215. Фок

Х

216. Хрома

217. Хрыч

Ц

218. Царь

219. Цветок

220. Чай

221. Чек

222. Чекай

223. Чекушка

224. Чепашка

225. Черемуха

226. Черкес

227. Чермет

228. Черныш

229. Чертополох

230. Черя

231. Черт

232. Чижиха

233. Чилик++

234. Чугун

235. ЧУх

Ш

255. Шакира

256. Шамай

257. Шарик

258. Шаркень

259. Шеф

260. Шимаян

261. Шинок

262. Шип

263. Шишка

264. Шлень

265. Шляпа

266. Шмель

259) Шмуня

260) Шуба

261) Шубень

262) Шумахер

Щ

251. Щегол

252. Щука

Э

252. Эскимос

Я

255. Ярец

256. Ястреб

257. Яша

258. Ящик

II. Отыменные прозвища

259. Аркаша

260. БД

261. Васген

262. ВЭН

263. ГаврИла	277. МишАнья
264. Гагарин	278. МосОл
265. Горюн	279. Онегин
266. Дыня	280. Пахан
267. ЗахарОк	281. Петрушка
268. ЗепЕ	282. Петух
269. ЗепЁшка	283. Питирим
270. Клавдия	284. ПолЮщия
271. Кондрашка	285. Пушкин
272. КрИсти	286. Саян
273. Леший	287. Соловей
274. Лёлё	288. ТАйсон
275. Людкин	289. ТишАня
276. МихкЕнь	290. Хрюша

III. Прозвища, данные по внешнему виду (визуальный тип)

1. Рост как оценка человека

а) высокий

291. Амбал	303. Колокольня
292. Бэби	304. Коломенская верста
293. Ветёлка	305. Лапша
294. Гвоздок	306. Лось
295. Гром	307. Малый
296. Длинный	308. Малыш
297. Дрын	309. Машка-Бомба
298. Дылда	310. Мерин
299. Дядя Степа	311. Нина Цапля
300. Дюймовочка	312. Слон
301. Жилян	313. Слоник
302. Каркуша	314. страус

315. Угрюмый

316. Фитиль

317. Шальга

318. Шкаф

б) низкий

319. Блоха

320. Букашка

321. Вини-Пух

322. Гном

323. Грибок

324. Децл

325. Земляк

326. Карлсон

327. Карманный

328. Козявка

329. Козявочка

330. Колибри

331. Комель

332. Копчик

333. Крот

334. Крошка

335. Малик

336. Малой

337. Малян

338. Мелкий

339. Мерин

340. Молекула

341. Муравей

342. Наполеон

343. Ниф-Ниф

344. Поддубный

345. Пупок

346. Пупырь

347. Серега-Щукарь

348. Синичка

349. Сморчок

350. Старичок

351. Стопарик

352. Телепузик

353. Тушканчик

354. Фиделька

355. Филиппок

356. Хоттаб

357. Цыплок

358. Чек

359. Чекушка

360. Шарок

361. Шмак

362. Юрок-Поторок

в) групповые прозвища

363. Ниф-Ниф, Нуф-Нуф-Наф-Наф

364. Полтора

365. Слон и Моська

Антонины «толстый» – «худой» как оценка человека:

а) толстый

366. Автобус	384. Пузо
367. Арбуз	385. Пузырек
368. Батон	386. Пуж
369. БомберМен	387. Пужик
370. Борец	388. Пухлик
371. Боров	389. Пухлый
372. Булочка	390. Пышка
373. Бургомистр	391. Пятачок
374. Бутуз	392. Пятитонка
375. Виллок	393. Раскладушка
376. Жбан	394. Ромовая баба
377. Жирик	395. Сало
378. Колобок	396. Телепуз
379. Ментюк	397. Толстопузик
380. Пельмень	398. Толстуха
381. Плюшик	399. Толстый
382. Пончик	400. Горпеда
383. Пузан	401. Чинарь

б) худой

402. Балерун	409. Скелет
403. Вермишель	410. Сухарь
404. Двадцатка	411. Сушка
405. Дырка	412. Троф
406. Жирный	413. Шнурок
407. Кощей	414. ЧАха
408. Масяня	

Антонимы «сильный» – «слабый» как оценка человека

а) сильный

- 415. Балу
- 416. Кача
- 417. Лобан
- 418. Мерин
- 419. Мощный
- 420. Терминатор

б) слабый

- 420. Шварц

Прозвища, данные по отдельным частям человеческого тела

а) волосы

421. Асфальт	437. Одуванчик
422. Баран	438. Окунек
423. Баранчик	439. Охламон
424. Бармалей	440. Попугайчик
425. Белка	441. Пудель
426. Белобрысый	442. Пушистик
427. Белый	443. Пушкин
428. Бешеная морковка	444. Русак
429. Болотный (черт)	445. Рыжий
430. Бритый	446. Рыжий Ап
431. Бяшка	447. Рыжий батюшка
432. Вовка-кудрявый	448. Саша-рыжий
433. Ежик	449. Седой
434. Лохмач	450. Серый
435. Лысеха	451. Тарзан
436. Медный	452. Хлеб и батон

- 453. Черенок
- 454. Чернобыль
- 455. Черный
- 456. Чиж
- 457. Шагилайн
- 458. Шаршавна
- 459. Шеги Лайн
- 460. Шерстяной

б) голова

- 461. Бобок
- 462. Гвоздь
- 463. Голобус
- 464. Квадратная голова
- 465. Квадратный череп
- 466. Кочан
- 467. Саша головастик
- 468. Фасоль

в) лоб

- 469. Лобан

г) глаза

470. Ботаник	479. Корец
471. Глазастик	480. Косая
472. Глазастый	481. Косой
473. Глазиха	482. Косяк
474. Глазок	483. Монгол
475. Зомби	484. Моргун
476. Камбала	485. Моргунка
477. Киргизка	486. Одноглазая
478. Китаец	487. Очко

488. Пират

489. Профессор

490. Сова

д) лицо

493. Бобёр

494. Горшок

495. Камбала

496. Каспер

497. Квадрат

498. Петя Рябой

499. Помидор

500. Помидорчик

501. Родинка

502. Хомяк

503. Хорек

504. Чупа-Чупс

е) нос

505. Буратино

506. Васька-слон

507. Вовка-соплян

508. Нос

509. Орел

510. Пятак

511. Сергей Буратино

512. Шапокляк

513. Ястреб

ё) губы

514. Губан

515. Губастый

491. Узи

492. Японец

ж) зубы

- 516. Бобер
- 517. Грызя
- 518. Заяц
- 519. Золотой зуб
- 520. Зуби-зуб
- 521. Кролик
- 522. Мутант
- 523. Слава-Зуб
- 524. Тушканчик

з) челюсть

- 525. Выдвижная челюсть
- 526. Выдвижной
- 527. Лошадь Пржевальского
- 528. Челюсть

и) растительность на лице

- 529. Борода
- 530. Козел
- 531. Кот
- 532. Пушкин
- 533. Таракан
- 534. Усач

к) уши

- 535. Корноухий
- 536. Летучий голландец
- 537. Лопух
- 538. Ушак
- 539. Ушан
- 540. Ушастый
- 541. Чебурашка

л) шея

542. Бычара

543. Гусача

544. Гусь

545. Зоб

м) цвет кожи

546. Асфальт

547. Копченый

548. Саша Чушинный

549. Тархан

550. Чибо

551. Чугунок

н) осанка

552. Гнутый

553. Горбач

554. Крючок

555. Перец

о) руки

556. Косорукий

557. Культяпа

558. Левый

559. Шестипалый

п) ноги

560. Козьи ножки

561. Косолапый

562. Сорок пятый

563. Трехколесный

564. Хромой

565. Хромоножка

р) сходство с кем-либо

566. Ахматова с гитарой	579. Нафачок
567. Ван-Дамм	580. Ондатра
568. Дух	581. Ракель
569. Еврей	582. Сталин
570. Кот	583. Тигр
571. Котенок	584. Туффи
572. Ленин	585. Фунтик
573. Летиция	586. Цыган
574. Лягушка	587. Цыганиха
575. Мартан	588. Цыганка
576. Мартын	589. Цыганок
577. Нафан	590. Чубайс
578. Нафаня	591. Шакира

с) одежда, общее впечатление

592. Анчутка	598. Модный
593. ГриндерсДикая роза	599. Пегая
594. Кулюха	600. Полосатый
595. Лохмота	601. Свинья
596. Атряскин	602. Чухан
597. Мола	

т) антонимы «красивы» – «безобразный» как оценка человека

603. Береза	609. Мадам
604. Гулюшка	610. МАчо
605. Женя-морда	611. Мышь
606. Король	612. Ромашка
607. Королева	613. Супер
608. Красотка	614. Фантомас

IV Прозвища, восходящие к чертам характера (ментальный тип)

а) прозвища с семой «тихий»

615. Бирюк	626. Лопух
616. Гудок	627. Милок
617. Дикарь	628. Молчун
618. Затворница	629. Мыша
619. ЗЮзя	630. Овца
620. Квашня	631. Размазня
621. Киндер-сюрприз	632. Рохля
622. Кирьян	633. Сундук
623. Козьявка	634. Телок
624. Корова	635. Тихоня
625. Кузьма	636. Фифти-фифти

б) прозвища с семой «беспокойный»

637. Анчутка	650. Корявый
638. Бандит	651. Пальма
639. Бес	652. Петух
640. Болга	653. ПрокУда
641. Бреховка	654. СварнОй
642. Бунёк	655. Синяк
643. Буновый	656. ФьЕря
644. БусУрка	657. Черт
645. Гусак	658. Чума
646. Гусь	659. ШальнОй
647. Драчун	660. Шпан
648. Ерш	661. Шуруп
649. Казак	

в) прозвища с семой «добрый»

662. Гонец
663. Кошелёк

664. Свечка

665. Sos

г) прозвища с семей «злой»

666. Барбос

667. БорозОй

668. Во, блин, гоблин

669. Гитлер

670. Гроза

671. Гюрза

672. Зверь

673. Кабан

674. Колька Полкан

675. Мамай

676. Полкан

677. Шапокляк

678. ШугАй

д) прозвища с семей «серьезный»

679. Мужик

680. Отец

е) прозвища с семей «несерьезный»

681. БУров

682. ВертУн

683. Детина

684. Легкач

685. Мальчик

686. Пуж

687. Ромео

688. Стрекоза

689. Студент

690. Щегол

ё) прозвища с семей «веселый»

- 691. Артистка
- 692. Веселый
- 693. Гармонь
- 694. ЖАворонка
- 695. Керогакз
- 696. Мультияшка
- 697. Петросян
- 698. Приколка
- 699. Смеющийся
- 700. Шумный

ж) прозвища с семей «невеселый»

- 701. БурбУр
- 702. БурИха
- 703. Горемыка
- 704. Демагог
- 705. ДудунИха
- 706. Кислое молоко
- 707. НудЯк
- 708. Скрипач
- 709. Февраль
- 710. Шарманка

з) прозвища с семей «умный»

- 711. Доцент
- 712. Мудрый
- 713. Розенталь
- 714. Саша Мудрый

и) прозвища с семей «глупый»

- 715. БаклАн
- 716. Бамбук

- 717. Болт
- 718. Додон
- 719. Еолотушка
- 720. Лопух
- 721. Пенёк
- 722. Тундра
- 723. Филёк
- 724. Чугунок

к) прозвища семемой «трудолюбивый»

- 725. Деляга
- 726. Железная бабушка
- 727. Завхоз
- 728. Пчелка

л) прозвища с семой «ленивый»

- 728. ВалЯчо
- 729. Клементий
- 730. Кот
- 731. Мозгач

м) прозвища с семой «ловкий»

- 732. Винтовка
- 733. ЗарЯдья
- 734. Шило
- 735. Шнырь
- 736. Шуруп

н) прозвища с семой «медлительный»

- 737. Еле-еле
- 738. КалУпыч
- 739. Мешок
- 740. Постепенный
- 741. Старый

742. Тормозок

о) прозвища с семей «хитрый»

743. Дух

744. Еврей

745. Змей

746. Кардинал

747. Мизгирь

748. Налим

749. Уж

750. ФеноОмен

751. Хитрый

п) прозвища с семей «жадный»

752. Дядя Толя Плюшкин

753. Кулёк

754. Куркуль

755. Плюшкин

756. Скруж

р) прозвища с семей «высокомерный»

757. Барон

758. Граф

759. Зазнайка

760. Король

761. Королиха

762. Туз

763. Ферзь

с) прозвища с семей «хвастливый»

764. Бог

765. Джин

766. Хвост

767. Щукарь

768.

т) разное

769. Бароан

777. Трус

770. Босс

778. Трусак

771. БыкЕй

779. Уколыч

772. Коммунист

780. Фома

773. Мороз

781. Чудак

774. ОбобнЯй

782. Чудик

775. Пахан

783. Шеф

776. Репей

V. Прозвища, данные по манере поведения, привычкам, любимым словам, разным случаям из жизни

а) прозвища, данные по манере вести разговор:

- громкость голоса

783. Боцман

784. Глушенный

785. Громакова

786. Кри-кри

787. Крик

788. Левитаниха

789. Радио

– тем речи

790. Пулеметчица

791. Скороговорка

792. Грандычиха

– дефект речи

793. ЗаИка

794. КАртавка

795. Немая

796. СюсЮлевый

797. СЮся

798. Фриц

799. Хохлушка

–тембр голоса

800. Сашка Пискля

801. Шмель

– любители поговорить

802. Балаболка

803. Балабон

804. Говорун

– смех, кашель

805. Кря-кря

806. ОпорОс

807. ХрЮонич

808. ХрЮонча

б) прозвища, данные по манере ходьбы

809. Вертолет

819. Пружина

810. Бегунок

820. Резина

811. Заяц

821. Рысак

812. Кривой

822. Самолет

813. Крылатый

823. Трѐх

814. Кузнечик

824. Черепаха

815. Машка-ходок

825. Шаман

816. Медведь

826. ШаркЕнь

817. Модный

827. Шире шаг

818. Пингвин

в) прозвища, данные по манере поведения

828. Босяк

830. Гошка

829. Вертолет

831. Милиционер

832.	Партизанка	836.	Фи
833.	Семён Иванович	837.	Фуфель
834.	Смотритель	838.	Чекист
835.	Сплетница		

г) прозвища, данные по любимым словам

839.	Бабушка	849.	РодИмый
840.	БырбАн	850.	Рязанов В.В.
841.	Даун	851.	Старя клюшНЯ
842.	Ё	852.	Тем-тем
843.	КукурУка	853.	Тик-так
844.	Куманёк	854.	Тычок
845.	МамАня	855.	ТЬнчер
846.	МилАха	856.	ЧегО
847.	НавАристая	857.	ЧивО
848.	Пирожок	858.	Шамому мало

д) прозвища, данные по любимому занятию

859.	Артист	870.	Нюхтарка
860.	ЖАпчик	871.	Пикассо
861.	Захар	872.	Писарь
862.	ИгрАлка	873.	Политрук
863.	КАча	874.	Репин
864.	Корреспондент	875.	Самбист
865.	Курилка	876.	Спорт
866.	Миклухо-Маклай	877.	Цой
867.	Морж	878.	Чайковский
868.	Мюллер	879.	Шлем
869.	Нюхалка	880.	Яшин

е) прозвища, данные по любимому виду одежды

881.	Балахон	883.	Дермантиновый
882.	Витязь в тигровой шкуре	884.	Дихлофос

885.	Зеленый	891.	Пеструшка
886.	Капрал	892.	Поподья
887.	Клетчатый	893.	Сэм
888.	Лампас	894.	ЧП
889.	Монах	895.	Шнурок
890.	Пампкин Сид		

ё) прозвища, данные по любимому кушанью

896.	Ваня щи	901.	Сластена
897.	Кашечка	902.	Сосиска
898.	Котлета	903.	Супчик
899.	Лидка-Колбаса	904.	Цунь-Дзунь
900.	Пипин		

ж) прозвища, данные по любимой песне, фильму

905. Васильки
 906. Жанна
 907. Студент
 908. Титаник

з) прозвища, данные по какой-нибудь мечте

909. Анжела
 910. Медок
 911. Механик
 912. Чкалов

и) прозвища, данные по прежнему месту жительства

913.	Ара	917.	Рим
914.	Армян	918.	Чапай
915.	ВОха	919.	Чеченская снайперша
916.	Курский		

к) прозвища, связанные с географическим положением дома

920. Журавль
 921. Королева бензоколонки

922. Южная

л) прозвища, данные по каким-либо случаям или событиям из жизни человека

923.	Анка-пулеметчица	949.	Мехеня
924.	АсисЯй	950.	Микроб
925.	БамИст	951.	Микробчик
926.	Баран	952.	Мраморный
927.	Борода	953.	Муму
928.	Вася рэ-рэ	954.	Немец
929.	Воробей	955.	Немтырь
930.	Гитлер, капут!	956.	ПокемОн
931.	Горбач	957.	Президент
932.	Димедролиха	958.	Пять минут
933.	ДудА	959.	Рама
934.	ДЮОха	960.	Рыцарь
935.	Зеленый	961.	Саша Свин
936.	Изолятор	962.	Синий
937.	Каблучок	963.	Тарзан
938.	Кирпич	964.	Трюльник
939.	Клёка	965.	Хаёв
940.	Клинтон	966.	Хохлушка
941.	Кутаиси	967.	Хрипой
942.	Левый	968.	Циен
943.	ЛИПочка	969.	Циркач
944.	Луч света в темном царстве	970.	Чаёк
945.	Лялёка	971.	Чебурашка
946.	Макаронина	972.	Чунёк
947.	Матильда	973.	Чуня
948.	Машка-Батон	974.	Японец

VI. Прозвища, данные по роду занятий

975.	Алеша сварнОй	1003.	Овчинник
976.	Бочар	1004.	Офицер
977.	Боцман	1005.	ПАпа
978.	Бригадир	1006.	Паук
979.	Вера модистка	1007.	Полвар
980.	Витаминка	1008.	Прислужник
981.	Водила	1009.	Прокурор
982.	Голкипер	1010.	Просветитель
983.	Горгаз	1011.	Профессорша
984.	Гургуфель	1012.	Птицелов
985.	Дамьё	1013.	Пчеловод
986.	Женя Негазуй	1014.	Рашпиль
987.	Жестянщик	1015.	Робот
988.	Кафтанка	1016.	Сланец-Славец
989.	Киновщик	1017.	Собачник
990.	Кинщик	1018.	Стригун
991.	Кок	1019.	Стукач
992.	Кура	1020.	Таксист
993.	Леший	1021.	Танкист
994.	Люба Иголочка	1022.	Тархан
995.	Майор	1023.	Тетя ЫВаля Швабра
996.	Мельник	1024.	Урядник
997.	Мент	1025.	Ученый
998.	Ментозавр	1026.	Хлебник
999.	Могильщик	1027.	Чабан
1000.	Музыкант	1028.	Экономистка
1001.	Некрофил	1029.	Юрка
1002.	Овощеводка	1030.	Прораб

VII Прозвища, данные по социальной и этнической прикреплённости

1031. Барин	1036. Копейка
1032. Буржуй	1037. Rur (Rich)
1033. Германка	1038. Саид
1034. Графиня	1039. Хохол
1035. Доллар	

VIII. Прозвища, переходящие по наследству; семейные прозвища

а) прозвища, переходящие по наследству

1040. Божонок	1050. Пасечник
1041. Вини-Пух	1051. Пух
1042. Глухарев	1052. Серега Муравей
1043. Глухарь	1053. Сибиряк
1044. ГУлюшка	1054. Сибирячка
1045. Калач	1055. Снабженец
1046. КалачИха	1056. Соломониha
1047. Лобан	1057. Художник
1048. Мичман	1058. Чабан
1049. Муравей	1059. Штатный

б) семейные прозвища

1) прозвища, данные всем членам семьи в целом, и прозвища, данные только мужу и жене

1060. Булка	1065. МакАрцы
1061. Булкан	1066. Ментозавриха
1062. ЖУрка и ЖУжа	1067. Мягкие
1063. Зайки	1068. Три мушкетера
1064. ЛИзутка-подстрелённая	1069. Чечня

2) прозвища, используемые внутри семьи

1070.	Бес	1077.	Ребенок
1071.	Вжик	1078.	Сынок
1072.	Граф а ля КокО	1079.	ЧадО
1073.	Лысый	1080.	Чадушко
1074.	Мойдодыр	1081.	Шоколадный мальчик
1075.	Офицер	1082.	Якат
1076.	Прокурор		

3) прозвища воспитанников одной из групп детского дома

1083.	Антон	1103.	Косой
1084.	Антошка	1104.	Кости
1085.	Артистка	1105.	Котяра
1086.	Будулайка	1106.	Красотька
1087.	Волосатка	1107.	Крохобор
1088.	Вятка-пятка	1108.	Крыска
1089.	Вятка-смятка	1109.	Кудрявый
1090.	Галка	1110.	Лапоть Шушёный
1091.	Геркулесовая каша	1111.	Лаптюха
1092.	Гимнастка	1112.	Лисичка
1093.	Глаз	1113.	Лом-перелом
1094.	Дося	1114.	Лось
1095.	Дрозд	1115.	Любка
1096.	Дудка	1116.	Матильда
1097.	Егоза	1117.	Назарушка
1098.	Жрун	1118.	Лбжора
1099.	Кинг-Конг	1119.	Помело
1100.	Конопатый	1120.	Прокурор
1101.	Конопушка	1121.	Пустомеля
1102.	Коржик	1122.	Пухлый

- 1123. Пышка
- 1124. Ребенок с моторчиком
- 1125. Росомаха
- 1126. Рыжая
- 1127. Рыжая леди
- 1128. Рыжуха
- 1129. Саженец
- 1130. Скорбь
- 1131. Снегурочка
- 1132. Стрела
- 1133. Стрепка
- 1134. Стриптизер
- 1135. Толстый
- 1136. Ушастый
- 1137. Ушахлоп
- 1138. ЦыганчА
- 1139. ЧИрка
- 1140. Эконом